Сія книга

31 4/57

СТАРИННЫЯ ДИКОВИНКИ,

или

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СЛАВЕНСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Сочиненіе
Михайла Попова.

БИБЛЮТ. КН. АЛЕКСАНДР. НИКОЛ. ГОЛИЦЫНА

Иждивеніемъ Книгопродавца К. В. Миллера.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
въ вольной Типографіи Вейтбрехта и Шнора,
1778.

455928

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

При первомъ изданіи сихъ Сказокъ наименованы онѣ были Славенскими Древностями: сей титулъ подавалъ причину нѣкоторымъ Особамъ ошибаться въ разсужденіи винословія сея книги; онѣ чаяли найти въ ней повсюду важныя Историческія Извѣстія о нашихъ Древностяхъ, вмѣсто коихъ царствуютъ здѣсь одни вымыслы забавныхъ и чудесныхъ приключеній старинныхъ Витязей, прикрашенные по мѣстамъ Славенскими историческими и баснословными нѣкоторыми Достопамятствами, что и было мнѣ побужденіемъ ко прежднему наимѣнованію моего Романа.

Благосклонность нѣкоторыхъ Читателей, съ каковою приняли они первое изданіе сея книжицы, ободрило меня издать ее вторично, ласкаясь равномѣрнымъ ей благопринятіемъ; а чтобъ заслужить наиболѣе благоволенія у охотниковъ до сего рода сочиненій, то употреблено мною все стараніе въ исправленіи находившихся въ ней ошибокъ, какъ въ разсужденіи языка такъ и правописанія: преждее расположеніе на три части отмѣнено, какъ мѣшающее безпрерывному чтенію: перемѣнены

также форматъ, буквы и бумага, которыми читатели, уповаю, будутъ теперь довольнѣе нежели первыми. Старый титулъ, какъ соблазнительный, превращенъ во Старинныя Диковинки, по любимой нѣкоторыхъ присловицѣ: Старина что диво; и по тому также, что дѣйствительно много находится старинныхъ нашихъ Диковинокъ въ сей книгѣ; а еще болѣе для того, дабы степенные и важные любители справедливыя Исторіи, (которая равномѣрно бываетъ иногда наполнена баснями,) и нелюбящіе веселиться невинными забавами вымысловъ, не соблазнялися названіемъ Древностей, и не покупали вмѣсто оныхъ новостей.

Прелестныя игры забавныхъ вображеній
Суть отдыхъ отъ заботъ и важныхъ упражненій:
Противовѣсія печалей, скучныхъ дней,
Которыхъ не уйдетъ ни кто во жизни сей.

СТАРИННЫЯ ДИКОВИНКИ,

ИЛИ

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СЛАВЕНСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Славенъ, Родоначальникъ и Праотецъ первыхъ Славенскихъ Князей, знаменитый именемъ, и преславный дѣлами, былъ первый, по нашимъ древнимъ Лѣтописцамъ, который преселился со своимъ Народомъ изъ Асіи въ Европу, и построилъ въ память имени своего городъ Славенскъ, по близости того мѣста, гдѣ по томъ построенъ нынѣшній Новгородъ. Сей Государь, утвердя новую свою столицу покореніемъ сосѣдственныхъ Народовъ, получилъ имя великаго Воина, и славнаго Обладателя. Не извѣстно, имя ли его собственное, или слава дѣлъ его снискала подданнымъ ево нарицаніе Славянъ; вѣдомо только это, что какъ при немъ, такъ и при Потомкахъ ево храбрые Славяне подтверждали имя свое множествомъ преславныхъ побѣдъ и подвиговъ.

Потомство сего Князя процвѣтало за всегда славою храбрыхъ дѣлъ, и распространило

свои завоеванія на подобіе древнихъ Римлянъ. Всѣ Государи искали ихъ союза, и почитали Славенскъ такимъ городомъ, гдѣ самая храбрость обитаетъ. Одинъ изъ сихъ Потомковъ Славеновыхъ, именемъ Богославъ, любя миръ, и ненавидя брани, прославился болѣе всѣхъ своихъ Предшественниковъ; ибо онъ былъ столько добродѣтеленъ, что подданные его еще вживѣ начали его обожать, думая, что человѣкъ не можетъ имѣть такихъ высокихъ качествъ, какія имѣлъ сей Князь. Со вступленія своего на престолъ не пролилъ онъ ни одной капли крови подданныхъ своихъ, ниже воевалъ со своими сосѣдами, почитая такое дѣло звѣрствомъ, и думая, что человѣкъ болѣе безславится симъ нежели прославляется. Благочестіе его было примѣромъ его подданнымъ: онъ былъ со всѣми искрененъ, кротокъ и привѣтливъ, но наипаче всего правосуденъ, щедръ и страннопріемливъ; любилъ Науки и Художествы, и украшалъ свою столицу всякими великолѣпіями и достопамятностями; награждалъ достоинствы и заслуги щедро, а пороки и преступленія человѣколюбно наказывалъ; по вседневно пекся о пользѣ и тишинѣ своихъ подданныхъ, которыхъ почиталъ не невольниками, но чадами своими; и на конецъ до того довелъ благоденствіе ихъ, что не находилося ни одного такого человѣка во всей его Державѣ, который бы жаловался на скудость.

Ибо

Ибо въ Государствѣ его заведено было премножество разнаго рода заводовъ и фабрикъ, на коихъ дѣлали всякія вещи, какія только были въ употребленіи въ тогдашнее время. Индѣ ткали парчи, бархаты, штофы, и другія шелковыя матеріи; тамъ дѣлали сукны, полотны, и все то, что человѣку для одѣянія потребно. Въ другихъ мѣстахъ выкапывали изъ земныхъ нѣдръ разные металлы, и по очищеніи ихъ дѣлали изъ оныхъ всякія дорогія сосуды и орудія, для великолѣпія и пользы всенародной. Однимъ словомъ, не было такого искусства, которое бы въ сей благополучной Державѣ могло уйти отъ рукъ тщательныхъ ея обитателей. И малый и старый были тамо въ дѣлѣ, которое сходствовало съ ихъ силами и знаніемъ. Всѣ содержатели такихъ заводовъ и фабрикъ платили Государю подать, которая весьма увеличивала его сокровище, а имъ была ни мало не отяготительна. Люди тамъ не имѣли нужды въ чужестранныхъ товарахъ; ибо все нужное имѣли дома; а иностранцамъ тогда только давали деньги, когда отъ нихъ хотѣли научиться какому ни будь новому мастерству. Модъ и откуповъ между ними не было: роскоши тамъ не знали, и также лѣности; ибо людей впадавшихъ въ сіи пороки жестоко тамъ наказывали. И такъ всякій у нихъ, работая, наживалъ себѣ довольный хлѣбъ, и не имѣлъ нужды въ чужой помощи. Одни только увѣчные и дряхлые прибѣгали ко Княжеской щедрости:

дрости: и получивъ себѣ отъ него довольное пропитанїе, отсылалися въ больницы и пустынножительствы.

Всякїй житель сея благополучныя страны любилъ Богослава искреннѣ, и почиталъ его богомъ Подателемъ Благъ; а онъ судя ихъ малыя распри, (ибо рѣдко тамъ, сказываютъ, случалися большїя,) станови ся имъ еще любезнѣе, разбирая ихъ ссоры какъ отецъ, и стараяся ихъ паче примирить, промышляя имъ тѣмъ безмятежную и блаженную жизнь.

Сей добродѣтельный Государь лишился своея жены на десятомъ годѣ по бракѣ своемъ съ нею: онъ столько ее любилъ и почиталъ ея памать, что не хотѣлъ уже по смерти ея ни какой другой красавицѣ дать мѣста во своемъ сердцѣ. Супруга его оставила ему сына и дочь: сынъ занималъ всѣ черты его лица, а дочь сходствовала во всемъ со прекрасною своею матерью: Богославъ ихъ столь любилъ, что просиживалъ иногда по нѣскольку часовъ смотря и любуяся на нихъ. Любви своей между ими онъ не раздѣлялъ, такъ какъ дѣлаютъ сїе нѣкоторые отцы и матери: они ему оба равно были любезны; и онъ все свое старанїе въ то только употреблялъ, что бы разными науками просвѣтить ихъ разумъ и понятїе, и сдѣлать ихъ тѣмъ достойнѣйшими любви своея и подданныхъ своихъ.

На конецъ сынъ его, именемъ Свѣтлосанъ, достигнувъ седмьнадцатаго года своего возраста, показалъ въ себѣ совокупно всѣ тѣ качествы, кото-

которыя въ состоянїи украсить витязя: остротѣ его разума удивлялися всѣ остроумнѣйшїе Мудрецы того времени; понятїе его постигало почти всѣ тѣ науки, которыя тогда извѣстны были. Чтожъ касается до тѣлесныхъ его достоинствъ, то стройность его стана, красота его лица, осанка, взоръ, и прїятныя тѣлодвиженїя, всякаго приводили въ восхищенїе, и заставляли видя его говорить: вотъ прямо Княжескїй сынъ! На противъ того и Милослава, сестра его, не меньше приводила въ удивленїе смотрящихъ на нее. Все въ ней было прелестно: высокїй и стройный ея станъ, украшенный Княжескою багряницею; самая прелестнѣйшая голова, поддерживаемая шѣею, подобною въ бѣлизнѣ снѣгу, которую украшали темнорусые волосы, вїющїеся колечками, и пущенные на игру вѣтровъ; цвѣтъ лица бѣлѣйшїй лилей, оживотворявшїйся восхищающимъ румянцемъ; ясные и быстрые глаза, блистательнѣйшїе солнечныхъ лучей, и украшенные темными тонкими бровями, извившимися полукругомъ; и снятый съ самыхъ Прїятностей носъ, подъ которымъ блистали уста на подобїе развивающихся нѣжнѣйшихъ розъ; и безчисленныя тьмы прелестей, повсюду ее окружавшихъ, не инако ее представляли зрителямъ какъ самою Ладою, богинею Любви. Разумъ ея столько же былъ прелестенъ, какъ и красота ея; словомъ сказать, Свѣтлосанъ и Милослава почиталися чудомъ тогдашняго вѣка.

Счастливый ихъ отецъ несказанно утѣшался, видя у себя таковыхъ дѣтей, которымъ во всемъ свѣтѣ не сыскивалося тогда подобныхъ ни въ красотѣ, ниже въ разумѣ. Не оставалося ему инаго счастія имъ пожелать, кромѣ приличнаго и пріятнаго союза. И едва только о семъ далъ онъ знать, что желаетъ сына своего женить, а дочь выдать за мужъ, то вдругъ изъ окрестныхъ Государствъ наѣхала къ нему тьма Царскихъ и Княжескихъ дѣтей, льстяся каждый получить за себя Княжну; на противу того для Свѣтлосана навезли столько лицеизображеній красавицъ разнаго рода, что наполнили ими всѣ стѣны кабинетовъ.

Богославъ пришедъ отъ того въ недоумѣніе, не зналъ что начать въ такомъ обстоятельствѣ: на конецъ велѣлъ кликать кличъ, что тотъ изъ жениховъ получитъ себѣ Милославу въ жену, кто учинитъ такое дѣло, которое всѣхъ удивитъ, и коего ни кто другій превзойти не возможетъ. Обнародованіе сіе привело всѣхъ жениховъ во движеніе: каждый началъ помышлять изъ нихъ, чѣмъ бы превзойти своего соперника, дабы содѣлаться счастливымъ обладателемъ прелестей Милославиныхъ.

Для сего важнаго случая былъ назначенъ день, въ который всѣ требователи Милославины долженствовали съѣхаться на Княжескій дворъ, который былъ великаго пространства, и украшенъ самыми рѣдкими истуканами: на

ономъ долженствовали они оказывать свое превосходство надъ прочими. На кану̂нѣ того дня провозвѣстникъ объявилъ всему городу, что въ будущій день станутъ препираться Милославины женихи о первенствѣ; и чтобъ народъ сходился на Княжескій дворъ ихъ смотрѣть.

По наступленіи назначеннаго дня, почти весь городъ стекся на опредѣленныя мѣста къ смотрѣнію: вскорѣ прибыли и женихи Милославины; а за ними и Богославъ, сопровождаемый Свѣтлосаномъ, Милославою, и многими Вельможами своего Двора. Когда всѣ сѣли по мѣстамъ, тогда паки провозглашатель объявилъ препирающимся, въ подтвержденіе преждняго, что Милославу получитъ тотъ, кто окажетъ себя достойнѣйшимъ прочихъ. Тогда женихи, ободренные снова, составляютъ кругъ и совѣщаются, какое имъ избрать дѣйствіе ко своему прославленію. Многія были предложенія, возраженія и споры: на послѣдокъ, по господствовавшей тогда повсюду страсти къ военнымъ дѣламъ, положили препираться оружіемъ, и побѣдителю уступить неоцѣненное обладаніе прекрасныя Милославы.

И такъ, раздѣлясь на части, мечутъ жеребей, кому начать славное сіе сраженіе: оный палъ на Вельдюзя, Полотскаго Князя, и на Лѣпозора, Печенѣжскаго Государя. Тогда всѣ прочіе Рыцари раздавшись, оставили пространное мѣсто симъ противоборцамъ. Но

они сперва подъѣхавъ ко крыльцу, съ котораго смотрѣлъ Богославъ на ихъ препиранїе, преклонили предъ нимъ свои копья, во знакъ своего къ нему почтенїя и преданности; а по томъ отъѣхали на мѣсто сраженїя. Всѣ зритѣли устремили на нихъ свои глаза, и приготовилися восплескать побѣдителю. Рыцари разъѣхавшись, и отдавъ честь другъ другу, приготовились защищать свое право на Княжну до послѣднїя капли крови. Печенѣгъ первый началъ сраженїе: взявъ отъ оруженосца своего дротикъ, пустилъ имъ во своего соперника сильнымъ махомъ. Полочанинъ принявъ его во стальный свой щитъ, безо всякаго себѣ вреда, взялъ копье, и потрясая имъ, грозилъ скорою смертїю Лѣпозору, который, упреждая свое несчастїе, напрягъ лукъ, и испустилъ на него вдругъ три стрѣлы. Но Вельдюзь, отразя и ихъ своимъ щитомъ, поразилъ Печенѣга тяжелымъ своимъ копьемъ, и однимъ ударомъ ниспровергъ его во адъ.

Всѣ зритѣли заплескали въ честь побѣдителю, и осыпали его похвалами; но Богославъ, увидя лїющуюся человѣческую кровь, вострепеталъ и отвратился отъ сего ужаснаго позорища. Побѣдитель между тѣмъ подъѣхалъ ко Княжескому крыльцу для полученїя чаемыхъ имъ похвалъ, которыхъ онъ несомнѣнно себѣ надѣялся. Но Богославъ, востревоженный симъ зрѣлищемъ, далъ знать рукою народу, чтобъ оный умолкъ. „О храбрости твоей не можно „сомнѣваться, сказалъ онъ по томъ обратясь

„къ Полотскому Рыцарю: сей несчастный „Печенѣгъ ясный тому свидѣтель; но я не „могу терпѣть при глазахъ моихъ убіенія „неповинныхъ и благородныхъ сихъ Князей. „Совѣсть меня уже терзаетъ, что я допу- „стилъ тебя до сраженія съ симъ юнымъ Госу- „даремъ, и попустилъ тебѣ его умертвить. „Ужасный Чернобогъ конечно отомститъ мнѣ „сіе погрѣшеніе. Скипетръ мой до сихъ поръ „не обагрялся ни чьею кровію; и боги за сіе „всегда ко мнѣ были щедры. И такъ, храбрый „Князь! ежели ты хочешъ показать себя „достойнѣйшимъ прочихъ, такъ покажи та- „кимъ дѣломъ, которое бы другимъ не вредно „было„. По окончаніи словъ своихъ сдѣлалъ знакъ, чтобъ и другіе Рыцари подъѣхали къ нему, которыхъ онъ увѣщавалъ подобнымъ образомъ, и совѣтовалъ имъ явить свое достоинство не вреднымъ, а полезнымъ человѣчеству дѣйствіемъ.

Когда Князь перестаалъ говорить, тогда гордящійся своею побѣдою Вельдюзь, снявъ свой шлемъ, началъ такъ говорить Славенскому Владѣтелю. „Государь! не безъизвѣстно, „я чаю, тебѣ, что Славяне, съ начала при- „шествія своего въ Полуночныя страны, сыска- „ли себѣ земли, богатствы и славу однимъ сво- „имъ оружіемъ и храбростію. Войною укрѣ- „пили они свои владѣнія, войною укротили „своихъ враговъ, и учинили изъ оныхъ себѣ „подданныхъ. Храбрость ихъ извѣстна не „токмо по пространной Россіи, но Греція и

„Римъ

„Римъ трепещутъ ихъ оружія. Не самая ли „сія храбрость укрѣпила и возвеличила Предковъ твоихъ Державу? Когдабъ они уничтожили сію толь нужную добродѣтель, давно бы уже сей преславный городъ свирѣпые „Угры превратили въ пустыню. Да и въ „семъ ли желѣзномъ вѣкѣ, живя между дикими и хищными Народами, думать намъ объ „оставленіи оружія! Если ты мнѣ противоположишъ, что твое Княженіе течетъ безъ „кровопролитія, то и на сіе не трудно мнѣ „тебѣ возразить. Держава твоя Предками „твоими толико укрѣплена и возвеличена, что „трепещетъ ее весь Сѣверъ: окрестные Народы Области твоея всѣ тебѣ покорны; „дальныя Племена не имѣютъ времени тебя „тревожить, ибо ведутъ они промежъ собою „кровопролитныя брани, и при томъ не избавилися еще отъ ужаса, который на нихъ навели твои Предшественники. Слѣдственно „ни съ которыя стороны Государству твоему не грозятъ опасности; и такъ кровопролитіе теперь тебѣ еще не нуждно. Но когда „строптивые твои содѣды брани свои окончатъ, и во праздности своей усмотрятъ „изобилующее твое всѣмъ Государство, тебя „престарѣла и ненавидяща войны, то кто „мнѣ поручится, что не дерзнутъ они помутить тишины твоего владѣнія, и не прострутъ алчныхъ своихъ рукъ на твои сокровищи. Кто тебя тогда защититъ? Подданныель твои, которые въ нынѣшней своей

„тишинѣ

,,тишинѣ позабыли, я чаю, и названіе оружїя, ,,употребляемаго во брани? Новопокоренныяль ,,твои Области? Но оныя, помня прежднюю свою ,,свободу, конечно не преминутъ при несчастїи ,,твоемъ свергнуть съ себя иго рабства; и на ,,тебяжъ устремятся, сколько для отомщенїя, ,,столько и для утвержденїя своея вольности. ,,Теперь остаются къ защищенїю твоему союз- ,,ные тебѣ Государи. Но ты самъ вѣдаешъ, ,,много ли такихъ людей на свѣтѣ, которые ,,счастливымъ противятся, а злополучнымъ ,,помогаютъ! Вступяся за тебя побоятся они ,,потерять своихъ вѣнцевъ, или безполезно ,,отяготить свои Народы. И что еще! ,,обольстяся добычею, не согласятсяль они ,,скорѣе съ твоими непрїятелями на совоку- ,,пное Княжества твоего расхищенїе? Вотъ, ,,миролюбивый Князь! какое мое мнѣнїе о не- ,,радѣнїи оружїя и храбрости, что въ су- ,,постатахъ нашихъ можетъ къ намъ родить ,,презрѣнїе, и навести на насъ неожидаемыя ,,бѣдствы. И такъ, пока еще счастїе твое ,,тебя не оставило, пока близкая твоя дре- ,,вность тебя не застигла, соблаговоли хра- ,,брѣйшаго изъ насъ почтить твоимъ свой- ,,ствомъ, и именемъ зятя: сїе титло застa- ,,витъ его вѣчно защищать твои правы, ка- ,,кїя бы напасти судьба на тебя ни послала. ,,Ктожъ изъ насъ благоволенїя твоего до- ,,стоинъ, сїе тебѣ покажетъ наша храбрость,,.

Сїя рѣчь, которую всѣ слушали съ превеликимъ вниманїемъ, склонила всѣхъ на сто-

рону Вельдюзеву: всѣ ему плескали, всѣ его похваляли; и самъ Богославъ, будучи отъ всѣхъ Милославиныхъ жениховъ преклоняемъ, принужденъ былъ мнѣнїе Полотскаго Князя подтвердить, и дозволить поединокъ.

Тогда паки юные ратоборцы собравшися кинули жеребей, кому изъ нихъ противоборствовать храброму Вельдюзю, который ожидалъ противниковъ своихъ храбро, и готовилъ имъ неминуемую смерть. Тарарай, Касожскїй Князь, осужденъ былъ жребїемъ потерять въ тотъ день надежду и жизнь; но подкрѣпляемый еще упованїемъ, думалъ однимъ взглядомъ устрашить Полочанина, который, ударомъ своего копья исторгнувъ у него жизнь, прекратилъ его гордость. За нимъ слѣдовалъ Трухтрахъ, Князь Козарскїй, который будучи жребїемъ принужденъ ко сраженїю, трепеталъ, и предпочиталъ охотно безславный миръ славной дракѣ; однакожъ не хотѣлъ передъ глазами всего народа показать себя трусомъ, чего ради и поѣхалъ, принявъ бодрый видъ, на ужаснаго своего соперника. Подъѣхавъ по ближе къ Вельдюзю, изъяснился ему трепещущимъ голосомъ, что онъ жизнь свою предпочитаетъ Милославѣ, и уступаетъ ее ему охотно; а въ воздаянїе за то хотѣлъ пощады своей жизни; но чтобъ не обезславить своего Княжества трусостью, то просилъ Вельдюзя ударить себя по легоньку тупымъ концемъ копья, послѣ чего хотѣлъ, признавъ себя побѣжденнымъ, отъѣхать на прежднее свое мѣсто, и

про-

провозгласить его побѣдителемъ. Ступай, ступай, отвѣтствовалъ ему съ насмѣшкою Вельдюзь, ты дѣйствительно не достоинъ быть пораженъ остреемъ онаго. И въ самое то время ударилъ его ратовищемъ, что въ такую трусость вогнало Козара, что онъ упалъ безъ памяти съ коня, и вынесенъ былъ безъ памяти съ Княжескаго двора. Всѣ тѣ, которые могли ихъ слышать, захохотали, и проводили съ плескомъ храбраго Трухтраха. Послѣ него выступилъ Тарабанъ, братъ его, который горя негодованіемъ за насмѣшку его брату, и чувствуя въ себѣ болѣе онаго сердца, хотѣлъ отмстить ужасному Вельдюзю; но устремяся на него, прекратилъ свой гнѣвъ вмѣстѣ со своею жизнію.

По таковымъ ужаснымъ примѣрамъ его храбрости, мало осталось ему противниковъ; а которые еще осмѣлились на него напасть, тѣ заплатили жизнію за свою дерзость. На послѣдокъ, ни кто не смѣя больше ему противиться, всѣ согласно уступили ему право требовать руки Милославиной. Сіи многія побѣды снискали Вельдюзю не токмо плесканія, но и почтеніе ото всего множества зрителей. Самъ Князь Богославъ, не смотря на соболѣзнованіе свое о смерти толикихъ князей, возъимѣлъ къ нему почтеніе, удивляяся великой его храбрости. Вельдюзь, усмотря къ себѣ благосклонность отъ Князя и ото всего его Двора, благодарилъ всѣмъ учтивымъ и ласковымъ образомъ за поздравленія, которыми осыпали его

435928

со всѣхъ сторонъ. По семъ подступя къ Богославу, препоручалъ себя въ его милость, прося припомнить о томъ обѣщанїи, которымъ онъ хотѣлъ почтить побѣдителя. Богославъ, выслушавъ благосклонно его прозьбу, подтвердилъ ему паки свое соизволенїе; и приказалъ въ то же время провозвѣстнику провозгласить его своимъ зятёмъ; а торжествованїе брака его съ Княжною Милославою отложилъ на мѣсяцъ.

Весь народъ, придворные и Вельможи похваляли и радовались сему выбору; ибо храбрость у древнихъ Славянъ почиталась высочайшимъ достоинствомъ. Милослава не менѣе прочихъ была довольна женихомъ своимъ, что показала она ясно своимъ удовольствїемъ, слушая весьма благосклонно привѣтствїя, которыя дѣлалъ ей по побѣдѣ своей Вельдюзь. Примѣтивъ оное Полотскїй Князь, старался еще болѣе его умножить, угождая ей при всякомъ случаѣ; и на конецъ безпрестанными своими ласканїями и неотступными прозьбами, получилъ отъ нее откровенное признанїе, что выходитъ за него безо всякаго принужденїя.

На послѣдокъ назначенный день къ ихъ браку насталъ: Дворъ и городъ въ великихъ были движенїяхъ прїуготовляяся къ оному: каждый на прерывъ старался показать свое великолѣпїе во платьѣ и прочихъ убранствахъ; наружность домовъ украшена была картинами и коврами, улицы усыпаны цвѣтками; но храмъ Ладинъ и Полелинъ, въ которомъ надлѣжало отправляться браку, былъ всего великолѣпнѣе украшенъ.

Когда

Когда уже все было приуготовлено, тогда Князь Богославъ, послѣдуемый сыномъ своимъ Свѣтлосаномъ, и сонмомъ Вельможъ и придворныхъ, препроводилъ во храмъ жениха: за ними вскорѣ прїѣхала и невѣста, въ препровожденїи многихъ знатныхъ дѣвицъ и госпожъ. Народъ бѣжалъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ насладиться зрѣнїемъ новобрачныхъ: улицы и кровли наполнены были всякаго возраста людми; всѣ возносили желанїя въ пользу сочетавающихся, и весь воздухъ наполненъ былъ обѣтами и мольбами.

По таковымъ счастливымъ расположенїямъ ни чего не можно было ожидать кромѣ веселїя: уже первые обряды брака были совершены: сочетавающїеся связаны были брачнымъ поясомъ, и залогъ ихъ вѣрности положенъ на жертвенникъ. Первосвященникъ, прочтя приличныя молитвы, изрѣкъ на нихъ свое благословенїе, прося Ладу и Поделя низпослать имъ мирное и благоденственное супружество; послѣ чего готовился приступить къ жертвоприношенїю. Окропя жертву, состоявшую изо ста воловъ, чистительною водою, ударилъ перваго представленнаго ему быка священнымъ топоромъ: быкъ возребѣлъ преужаснымъ голосомъ, и ударясь о жертвенникъ издохъ. Въ тотъ самый мигъ Полелинъ истуканъ поколебался: возгремѣлъ престрашный громъ, молнїя возблистала со всѣхъ сторонъ, небо покрылося претемными облаками, а волы всѣ пали мертвы.

Въ то же мгновеніе Полелинъ кумиръ произнесъ сіи ужасныя слова:

Ты къ браку приступить, Вельдюзь, дерзнулъ свирѣпствомъ:
Въ бѣдахъ тебѣ съ Княжной по толь быть рокъ судилъ,
По коль ты не спасешъ гонимыхъ стольких бѣдствомъ,
Колико ты Князей невинныхъ умертвилъ.

Сіи престрашныя слова поразили всѣхъ ужасомъ: весь храмъ наполнился воплемъ и стенаніями: всѣ пали на колѣни, и готовилися умилостивлять разгнѣванное божество плачемъ и воздыханіями, какъ вдругъ низшедшій густый облакъ, съ громомъ и молніями, похитилъ Милославу; и въ то же время пораженный Первосвященникомъ волъ, превратяся въ ужаскую химеру, подхватилъ Вельдюзя, и унесъ у всѣхъ изъ глазъ. Послѣ того вострепетала вся земля: громъ, молнія, вихрь, градъ и дождь совокупясь, такое движеніе произвели въ воздухѣ, что ни видѣть, ни слышать ни чего не возможно было. Богославъ и многіе изъ народа упали безъ чувства: другіе бѣжали не зная сами куда; иные упавъ на колѣни для принесенія молитвъ, не могли ни слова выговорить, ниже пошевелиться. Всѣхъ обьялъ ужасъ и трепетъ; и одинъ только Свѣтлосанъ стоялъ неколебимо, принося молитвы Перуну, Чернобогу, и прочимъ богамъ.

На послѣдокъ, по нѣсколькихъ минутахъ, землетрясеніе окончилось, и небо утихло. Тогда

гда

гда мало по малу начали всѣ приходить въ чувство. Несчастный Богославъ, пришедъ въ себя, и вспомня, что лишился дочери и зятя, залился слезами, и, испуская стенанія, приносилъ жалобы богамъ и человѣкамъ. Свѣтлосанъ, жрецы и вельможи старалися всячески его утѣшить, представляя ему, что божественный гласъ не со всѣмъ ихъ лишалъ надежды, и что со временемъ можно надѣяться увидѣть погибшихъ паки. Къ тому же Свѣтлосанъ, утѣшая его, обѣщавалъ самъ ѣхать повсюду для сысканія ихъ; но опечаленный Богославъ лишеніемъ дочери, отвергъ ево предложеніе, и не хотѣлъ ни для чего согласиться, чтобъ потерять въ немъ послѣднюю свою надежду и утѣшеніе, отпустя его въ неизвѣстный путь.

Юный Князь, любя и почитая несказанно своего родителя, согласился охотно на его желаніе: оставшися при немъ, пребывалъ съ нимъ непрестанно, и утѣшалъ его своимъ собесѣдованіемъ. Въ семъ упражненіи провелъ онъ цѣлый годъ, посѣщая между тѣмъ храмы, и принося жертвы богамъ, раздавая милостыни, и искупая плѣнныхъ и заключенныхъ въ темницы: тщася тѣмъ преклонить боговъ на милость, и возвратить помощію ихъ Милославу и Вельдюзя. Чаще всего посѣщалъ онъ капище Чернобогово, и многочисленными жертвами и подаяніями старался умилостивить сіе божество; ибо сей богъ почитался отъ дре-

вихъ мстителемъ злодѣяній, и властителемъ надъ беззаконными и бѣдствующими людми.

Нѣкогда жертвуя сему богу Свѣтлосанъ, и проливая предъ нимъ теплѣйшія молитвы, почувствовалъ въ себѣ пресильное волненіе крови, и дрожаніе жилъ: въ то самое время ощутилъ онъ, что бодрость и крѣпость его силъ умножилися въ немъ. Въ восторгѣ своемъ простерся онъ предъ кумиромъ, принося ему благодарность; и обращая къ нему взоры увидѣлъ, что истуканъ окруженъ былъ блистательнымъ сіяніемъ: угрюмый его видъ премѣненъ былъ во пріятный и ласковый: въ самое то время онъ поколебался, и произнесъ слѣдующія слова.

Моленія твои пріяты Небесами:
И грѣхъ вашъ заглажденъ моленьемъ и слезами;
Но въ праздности ли ждутъ лавроваго вѣнца?
У смерти въ челюстяхъ ищи бѣдамъ конца.

Свѣтлосанъ паки палъ предъ кумиромъ, принося благодареніе за поданіе ему божественнаго сего совѣта; но не возмогши понять его совершенно, просилъ Чернобогова Первосвященника истолковать себѣ сіе прорѣченіе. Нутрозоръ, разсмотря внутренности принесенныхъ жертвъ, объявилъ, что божество совѣтуетъ ему самому искать сестру и зятя, которыхъ онъ непремѣнно обрѣтетъ, по претерпѣніи многихъ трудностей. Младый Князь повиновался ево объявленію, обѣщавъ ѣхать. Послѣ

чего

чего одаря жреца, и учиня обѣты Чернобогу, и прочимъ божествамъ, отбылъ изъ храма во Княжескій свой домъ.

Прибывъ туда, и призвавъ къ себѣ своего любимца, который имѣлъ при немъ чинъ Оруженосца, объявилъ ему слова Чернобоговы и жреца ево: Бориполкъ, будучи усерденъ ко своему Государю, и опасаяся повергнуть въ печаль Богослава, совѣтовалъ ему не скоро полагаться на толкованіе Нутрозорово, но ожидать вѣрнѣйшаго изъясненія отъ времени, или отъ Первосвященниковъ прочихъ боговъ, славнѣйшихъ во прорицаніяхъ. При томъ представлялъ ему, что нечаяннымъ такимъ отъѣздомъ причинитъ онъ великое сокрушеніе своему родителю. Сими и подобными представленіями склонилъ онъ Свѣтлосана отложить свое путешествіе до времени.

Впрочемъ не со всѣмъ совѣты его истребили изъ мыслей молодаго Князя божеское изрѣченіе: до самаго вечера твердилось оно въ умѣ ево; и одинъ Кикимора, божество сна и ночи, пресѣкъ его о семъ размышленіе. Но едва сомкнулъ онъ свои глаза, какъ смущенному его воображенію представилось ужасное сновидѣніе: явилася ему престрашная гора, на которой, вмѣсто деревьевъ, стояли копья и мечи въ верхъ острѣемъ. Промежду ими пресмыкалося безчисленное множество всякаго рода зміевъ, которые испускали ужасный свистъ и ревъ. Надъ сею горою летѣла блестящая колесница, влекомая зіяющими пламенемъ аспи-

 дами:

дами: вѣ ней сидѣла несчастная Милослава, испускающая прежалостные вопли. Гнусный и престрашный Волотѣ держалѣ ее во своихѣ объятїяхѣ, и угрожалѣ ей скинуть ее на землю. На противу ихѣ летѣлѣ на крылатомѣ конѣ Вельдюзь, и стремился поразить сего чудовища копьемѣ; но вѣ самое то время Исполинѣ зинулѣ на него пламенемѣ: конь отѣ того исчезѣ, а Вельдюзь полетѣлѣ стремглавѣ на утыканную копьями и мечами гору.

Сїе ужасное позорище столько испужало и встревожило Свѣтлосана, что вдругѣ отогнало отѣ него сонѣ, и принудило его сильно вскричать. Бориполкѣ, который спалѣ во другой отѣ него комнатѣ, пробудясь отѣ сего крика, пришелѣ кѣ нему увѣдать того причину. Испужанный Князь разсказалѣ ему свое сновидѣнїе трепещущимѣ голосомѣ, и воздохнувѣ продолжалѣ: Что мнѣ симѣ сновидѣнїемѣ возвѣщаютѣ боги? Не ужель объявляютѣ они мнѣ кончину сестры моея и зятя? Праведные боги! ежели сїе истинно, такѣ кѣ чему вы намѣ и льстили, что со временемѣ мы ихѣ еще увидимѣ? О несчастливый родитель мой! какимѣ ударомѣ поразитѣ тебя сїе сновидѣнїе. О боги! онѣ умретѣ - - - Не сокрушайся, Государь, перехватилѣ рѣчь его Бориполкѣ, еще сїе не подлинно; можетѣ быть боги со всѣмѣ другое сновидѣнїемѣ симѣ тебѣ являютѣ. Но чтобѣ сомнѣнїе тебя о семѣ не терзало, я тебѣ сыщу средство отѣ него избавиться. Не далеко живетѣ отсюду пустынникѣ, который

торый почитается ото всѣхъ великимъ прорицателемъ, и искустнѣйшимъ толкователемъ сновъ. Къ нему стекается со всѣхъ сторонъ народъ, для испрошенія въ недоумительныхъ дѣлахъ совѣта и обьясненія; и приносятъ ему въ даръ стрѣлы, безъ чего, сказываютъ, не исполняетъ онъ ни чьего прошенія. И такъ, Государь, ежели угодно тебѣ испытать свою и сродниковъ твоихъ судьбу, поѣдемъ къ нему: я ево жилище знаю; а чтобъ болѣе ему угодить, постарайся сыскать для него стрѣлу изъ металла; ибо онъ тѣмъ ни въ чемъ не отказываетъ, которые къ нему такія стрѣлы приносятъ. Я на все готовъ согласиться, отвѣтствовалъ Князь, только чтобъ узнать судьбу бѣдныя моея сестры и зятя; чтожъ касается до стрѣлы, я ему дамъ золотую, которую подарилъ мнѣ Древлянскій Князь, имѣвшій нужду въ помощѣ моего родителя.

По окончаніи словъ своихъ, ни мало не медля, приказалъ осѣдлать коней, и принеся молитвы богамъ, и забравъ нуждное для пути, пустился въ оный съ однимъ Бориполкомъ. Путешествіе ихъ продолжалося до самаго восхожденія багряныя Зимцерлы: и когда уже Свѣтовидъ испустилъ первые свои лучи на землю, тогда они прибыли къ жилищу пустынника, которое находилось по серединѣ густаго лѣса.

Свѣтлосанъ и Бориполкъ, сошедъ со своихъ коней, привязали ихъ къ дереву, и пошли

въ пещеру, въ которой жилъ прорицатель. Они его застали спяща: видъ ево представлялъ самаго древнѣйшаго старика, коего сѣдая борода простиралася далѣе пояса; лице ево суше было самыя мумїи; онъ опутанъ былъ весь цепями, которыхъ одинъ конецъ былъ прикованъ ко стѣнѣ; передъ постелею его стоялъ остовъ, который имѣлъ вознесенную руку съ кинжаломъ, а во другой держалъ черную мраморную дощечку, на которой были изображены блистающими буквами неизвѣстныя писмены. Позорище сїе привело Свѣтлосана во превеликое удивленїе: онъ спрашивалъ у своего спутника, что бы сїе все значило, но тотъ и самъ не могъ ему на то ни какого учинить изъясненїя. Отъ разговоровъ ихъ пустынникъ пробудился: тогда Свѣтлосанъ подступя къ нему, извинялся учтивымъ образомъ, что нарушилъ его покой; и послѣ разсказавъ причины своего прїѣзда, вынялъ изъ колчана золотую стрѣлу, которую поднося ему, просилъ его истолковать себѣ свой сонъ. Лишъ только пустынникъ увидѣлъ стрѣлу, какъ схватя ее поспѣшно, вскричалъ: Ахъ! государь мой, ты мнѣ возвратилъ мою жизнь! И въ тожъ время ударилъ стрѣлою въ дощечку, держимую остовомъ, который въ тотъ же мигъ исчезъ. Послѣ чего цепи, которыми былъ отягченъ пустынникъ, тотчасъ съ него спали: длинная его борода пропала, ряса его превратилась въ лазоревое одѣянїе, а онъ самъ въ молодаго прекраснаго человѣка.

Пока

Пока еще Свѣтославъ, съ Оруженосцемъ своимъ, стоялъ отъ удивительнаго сего приключенія въ недоумѣніи, въ то время превратившійся пустынникъ, махнувъ стрѣлою, проговорилъ нѣсколько странныхъ словъ, за которыми послѣдовалъ преужасный шумъ и стукъ молотовъ, по окончаніи коихъ пещера превратилась въ великолѣпную колесницу, запряженную шестью единорогами. Пустынникъ обратясь ко Славенскому Князю и его наперстнику: Не дивитесь, говорилъ имъ, сему чудному происшествію; когда вы узнаете кто я, то не станете болѣе ни чему удивляться. Услуга, продолжалъ онъ, оказанная мнѣ вами, обязываетъ меня возблагодарить вамъ достойнымъ образомъ за оную; чего ради и везу васъ теперь во прежднее мое жилище.

Между тѣмъ колесница столь быстро везена была, что чрезъ нѣсколько часовъ очутились они въ Индіи, по срединѣ великолѣпнаго замка, коего все зданіе было сооружено изъ бѣлаго мрамора, а внѣшнія украшенія онаго состояли изъ чистаго золота. Пустынникъ вышедъ изъ колесницы, просилъ ихъ слѣдовать за собою. Лишь только они взошли на великолѣпное крыльцо онаго зданія, какъ загремѣла вдругъ преогромная музыка, и превеликая толпа молодыхъ людей, обоего пола, вышла къ нимъ на встрѣчу. Всѣ сіи люди пали передъ пустынникомъ на колѣни, и бросились по томъ цѣловать его руки и платье; а онъ имъ отвѣтствовалъ на то ласковымъ видомъ

и

и поклонами. Послѣ чего съ безпрестанными и радостными восклицанiями препроводили они его въ залу, въ которой находился престолъ изъ розоваго яхонта. Пустынникъ восшедъ на оный, просилъ Свѣтлосана сѣсть по правую, а Бориполка по лѣвую себя сторону; по томъ обратясь ко предстоящимъ своимъ подданнымъ: Вотъ кѣмъ, говорилъ имъ, указывая на Князя и Оруженосца его, возвращенъ я вамъ, любезные мои друзья! Ихъ благодѣянiе возвратило мнѣ свободу, и прежнее мое могущество и власть, которыя похитилъ было у меня лютый Карачунъ: сей гнусный карло, который все свое счастiе и силу получилъ отъ моея щедрости. Но дерзость его безъ наказанiя не останется: всѣ мои силы употреблю я на его погубленiе; и ни какая власть не удержитъ меня быть ему вѣчнымъ непрiятелемъ. Но прежде всего, продолжалъ онъ оборотяся ко Свѣтлосану, обязанъ я тебѣ, великодушный мой избавитель, возблагодарить такъ, какъ требуетъ великое твое одолженiе.

Послѣ чего, приказавъ подданнымъ своимъ торжествовать день своего избавленiя, просилъ своихъ гостей слѣдовать за собою во внутреннiе покои дворца. Прошедъ нѣсколько комнатъ, которыя всѣмъ тѣмъ были украшены, что только природа и искусство могутъ произвести наилучшаго, вошли они на конецъ въ удаленный чертогъ, который примыкался къ саду. Стѣны сего покоя украшены были янтарными iэроглифами: по срединѣ оныя стоялъ

кру-

круглый столъ, коего доска вылита была изъ смѣшенія всѣхъ металловъ, и поддерживаема Геніями изъ эбениноваго дерева: на ономъ стояла сфера, земный кругъ, зрительныя трубы, нѣсколько книгъ, и золотая скрына, украшенная дорогими каменьями. Подлѣ стола стояли креслы изъ слоновыя кости; а подлѣ стѣнъ софы и столики, на которыхъ лежали блистательныя орудія, коихъ употребленіе однимъ Волхвамъ извѣстно. Это моя тайная комната, сказалъ владѣтель замка, обратясь ко своимъ гостямъ, гдѣ я прежде за всегда упражнялся, и откуду могущество мое досязало во всѣ концы вселенныя; пока неблагодарный Еѳіопъ не лишилъ меня сея драгоцѣнныя стрѣлы, въ которой все мое счастіе заключается, и которую щедрость твоя мнѣ возвратила, прехрабрый Свѣтлосанъ, а съ нею и все мое прежднее могущество. Я тебѣ разскажу, любезный мой избавитель, сіе приключеніе, которое столько тебя удивляетъ; для сего то и привелъ я васъ обѣихъ въ сіе мѣсто, чтобъ ни кто не нарушилъ нашея бесѣды. Ибо ни какая сила не можетъ проникнуть сего чертога, и узнать, что здѣсь дѣлается; сіи неизвѣстныя тебѣ писмены препинаютъ всякому сюда входъ, какую бы кто силу ни имѣлъ; и защищеніе всего моего замка отъ сего одного покоя зависитъ. По томъ, сѣвши самъ въ креслы, а ихъ попрося сѣсть на софы, началъ имъ разсказывать свои приключенія слѣдующимъ порядкомъ.

Исторія Видостанова.

Я называюсь Видостанъ: отецъ мой былъ Царь нѣкоторыя части Индіи; царствованіе его текло весьма спокойно, и всѣ его увеселенія составляли книги, которыхъ онъ собралъ превеликое множество, да еще я; ибо онъ любилъ меня тѣмъ наипаче, что не имѣлъ другихъ дѣтей кромѣ меня. Охота ко чтенію моего родителя, какъ будто бы по наслѣдству, вселилась и въ меня; но съ большимъ его пристрастіемъ. Нѣкогда будучи въ нашемъ книгохранилищѣ, и пересматривая книги, нашелъ я такую, коея писмены были для меня незнакомы, хотя я и много зналъ языковъ. Любопытство мое, будучи прельщено сею новизною, понудило меня искать во другихъ книгахъ ей изъясненія. Я началъ снова перебирать всѣ книги, и по счастію моему нашелъ скоро другую въ подобномъ ей переплетѣ. Развернувъ ее увидѣлъ я, что это словарь Ассирійскаго языка, котораго я не зналъ. Буквы его сходствовали во всемъ съ тѣми, коихъ я въ объявленной книгѣ не разумѣлъ. Сей случай заставилъ меня искать такого человѣка, который бы могъ меня научить сему нарѣчію, что мнѣ въ скоромъ времени и удалось.

При дворѣ отца моего находился одинъ Халдѣянинъ, который совершенно разумѣлъ этотъ языкъ: онъ охотно соглашался меня ему учить; но объявилъ мнѣ при томъ, что сей языкъ весьма труденъ и скученъ для ученія. Сіе несчастное объявленіе, хотя отъ желанія

ланія моего меня и не отвратило, но, для охотнѣйшаго въ немъ упражненія, подало мнѣ мысль пригласить къ тому сего мерзскаго карла, котораго щедрость моя извлекла изъ бѣдности, и изъ самаго низкаго состоянія въ великолѣпнѣйшее: ибо онъ былъ сынъ конюха моего Двора: онъ мнѣ понравился по причинѣ малаго своего роста, и чернаго цвѣта; ибо онъ былъ родомъ Еѳіопъ. Сей Мурянинъ, ставъ осыпанъ моими благодѣяніями, заплатилъ мнѣ на мѣсто благодарности зломъ. Но я, любя его чрезвычайно, не примѣчалъ злобныхъ его склонностей, и старался его дѣлать соучастникомъ во всѣхъ моихъ упражненіяхъ; и такъ началъ съ нимъ учиться вмѣстѣ и Ассирійскому языку. Я учился ему не болѣе года, и за всегда перестигалъ Карачуна, который, отъ лѣностиль то, или имѣя тупѣе моего понятіе, весьма учился медленно.

Первые плоды моего ученія употребилъ я на прочтеніе обЪявленныя мною книги; и хотя, по причинѣ малаго моего въ немъ упражненія, не могъ я разумѣть въ ней всѣхъ словъ, но недостатокъ сей награждалъ я помощію найденнаго мною словаря. Первые мои взгляды упали на приложенный къ сей книгѣ листъ, который различествовалъ отъ прочихъ золотымъ начертаніемъ буквъ: въ ономъ предлагалъ первый книги сея хозяинъ, который, какъ видно по его изъясненіямъ, былъ весьма добродѣтельный человѣкъ, что книгу сію, и съ нею обЪявленный мною словарь, нашелъ онъ въ землѣ,

лѣ, копая колодезь; и усмотря въ ней великую важность, скрылъ ее; и пользовался ею при нужныхъ только случаяхъ. На послѣдокъ, усмотря приближенїе своея кончины, не разсудилъ за благо оставить ее своимъ дѣтямъ, въ которыхъ видѣлъ онъ болѣе пороковъ, нежели добродѣтели: опасаяся, дабы они не употребили ее во зло; ибо она заключаетъ въ себѣ науку Кабалистику, которая владѣтелю ея подаетъ способы дѣлать все то, что ему ни вздумается. Сїя то причина и побудила было его сожечь ее: но усмотря, что огонь ее не вредилъ, бросилъ онъ ее во свинцовомъ ковчегѣ въ море; но когда и вода отказалася ее потопить, то онъ опредѣлилъ ее, и съ нею вмѣстѣ словарь, закопать въ пустомъ мѣстѣ въ землю; присовокупя къ ней свое завѣщанїе тому, кому по случаю попадется она въ руки, чтобъ онъ не употреблялъ ее во зло другимъ; а въ противномъ случаѣ угрожалъ наказанїемъ, котораго просилъ ему отъ боговъ.

Сїе обьявленїе, продолжалъ Видостанъ, заставило меня съ жадностїю и великимъ вниманїемъ прочесть сїю книгу. Я нашелъ въ ней наставленїя дѣлать всякїя невозможности, какїя только можно вздумать, и покорять природу своимъ хотѣнїямъ. Узнавъ о семъ, захотѣлось мнѣ учинить нѣкоторые малые опыты: видя же, что всѣ стихїи волѣ моей покоряются, увѣрился я совершенно во старикомъ обьявленїи. Сїе понудило меня скрывать ее отъ всѣхъ: побужденїе такое весьма спасительно

тельно для меня было; но невоздержность моя и несозрѣлый разумъ въ тайнѣ сей мнѣ измѣнили.

Нѣкогда вздумалось мнѣ сдѣлать изъ куска мрамора обезьяну, которую, оживотворя, заставилъ я прыгать, и забавлять себя природными симъ животнымъ рѣзвостями. Шумъ причиненный ею побудилъ войти ко мнѣ Карачуна, который случился во другой отъ меня комнатѣ. Прыганїе каменныя обезьяны привело его въ такое удивленїе, что онъ остолбенѣлъ, и спрашивалъ меня со трепетомъ о причинѣ сего чуда. Самолюбїю моему прїятно было видѣть его въ такомъ удивленїи: къ чему присовокупившееся тщеславїе заставило меня сказать ему что я ея творецъ. Сїе объявленїе привело его въ пущее недоумѣнїе: онъ меня началъ усильнымъ образомъ просить, чтобъ я ему открылъ сїю тайну. А я, чтобъ больше еще его удивить, приказалъ ей передъ глазами его превратиться въ золотаго попугая. Тутъ уже удивленїе его премѣнилося во страхъ: закричалъ онъ благимъ матомъ, и побѣжалъ отъ меня вонъ; но я его удержавъ, приказалъ тайну сїю скрывать отъ всѣхъ.

Между тѣмъ Карачунъ, лишаясь мало по малу страха, наполнялся вмѣсто того любопытствомъ: желаяжъ отъ меня увѣдать о семъ таинствѣ, началъ умножать ко мнѣ свои ласкательствы, кои почиталъ я истинными знаками его ко мнѣ любви. Вскорѣ лукавствами своими достигъ онъ до своего желанїя: объ-

 явилъ

явилъ я ему мою тайну; да и столько еще былъ слабъ по любви моей къ нему, что дозволилъ ему прочесть нѣсколько статей изъ тоя книги, которую надлѣжало было мнѣ всѣми силами отъ него скрывать. Усмотря важность ея Карачунъ, предпріялъ пользоваться ея наставленіями; но, дабы не показать мнѣ своего намѣренія, притворился, что будто онъ не столько еще Ассирійскій языкъ узналъ, чтобъ могъ разумѣть совершенно смыслъ прочитаннаго имъ. Чего ради просилъ меня дозволить ему читать ее со словаремъ, и дѣлать изъ нее для себя переводы, дабы лучше могъ успѣть въ ономъ языкѣ. Сія его прозьба вселила было сперва въ меня къ нему подозрѣніе, но лукавство его, совокупясь съ моею щедростію, преклонили меня на его желаніе: я ему дозволилъ дѣлать на себя оружіе; то есть: переводить волшебную мою книгу, помощію коея приключилъ онъ мнѣ по томъ наилютѣйшія бѣдствія. Онъ бы воспользовался ею и безъ моего позволенія, еслибъ не заключала она заклятія на похитителей своихъ, что кражею своею лишатъ они ее всея силы.

Получившижъ дозволеніе переводить ее, началъ онъ выписывать изъ нее все то, что могло удовольствовать корыстолюбіе его и злость: ибо онъ чрезвычайно былъ скупъ и золъ, хотя казался чивымъ и кроткимъ. И уже списалъ онъ ее болѣе половины, какъ пришло мнѣ на мысль, что онъ знаніе сіе можетъ употребить не токмо ко вреду другихъ,

но

но и къ моему собственному; ибо я провѣдалъ, что онъ многія дѣлалъ пакости тѣмъ, которые имѣли несчастіе хотя мало ему досадить. Сіе побудило меня книгу мою заперешь, а ему выговоришь суровымъ образомъ, что онъ повѣренность моея тайны употребляетъ во зло. Карачунъ старался передо мною оправдаться, и лукавствомъ своимъ дошелъ до того, что увѣрилъ меня во мнимой своей невинности. Впрочемъ книги моея не далъ уже я ему болѣе списывать, опасаяся отъ того худыхъ слѣдствій. Карачуну весьма сіе досадно было: однакожъ онъ сокрылъ отъ меня свое огорченіе. Притворство его долго бы можетъ статься продолжилось, ежелибъ не случилося вскорѣ послѣ того слѣдующее обстоятельство.

Отецъ сего бездѣльника впалъ въ нѣкоторое важное преступленіе, за которое родитель мой приказалъ его наказать. Сколько Карачунъ ни старался за своего отца, однакожъ не могъ отвратить отъ него наказанія; хотя оно по прозьбѣ его и уменьшено было. Сіе столько огорчило карла, что онъ отважился мстить моему родителю, и умертвилъ его наилютѣйшимъ ядомъ. Врачи, бывшіе при его кончинѣ, обьявили мнѣ, что онъ отравленъ. Я не зналъ на кого подумать, вѣдая то, что всѣ родителя моего любили; ибо онъ ко всѣмъ былъ милостивъ, и къ однимъ токмо законопреступникамъ являлъ гнѣвъ, наказывая ихъ иногда строго. И такъ, въ недоумѣніи моемъ, прибѣгъ я къ помощѣ моея книги, которая подтвердила мнѣ,

 что

что родитель мой скончался отъ яда; но что ядотворца не можетъ она обьявить, ибо онъ наложилъ на нее молчанïе своимъ волшебствомъ. Сïе обьявленïе подало мнѣ сомнѣнïе на Карачуна: я приказалъ его тотчасъ къ себѣ позвать, въ намѣренïи извлечь отъ него признанïе въ томъ муками. Однако гнѣвъ мой былъ уже безплоденъ: ибо не могли его ни гдѣ найти. Побѣгъ ево подтвердилъ мое подозрѣнïе, и при томъ заставилъ меня опасаться, что бы злость его не простерлась и на меня. Тогда то раскаявался я, но уже поздно, что подалъ ему на себя оружïе, открывъ ему мою тайну. А дабы не подвергнуть себя нечаянному отъ него нападенïю, принялъ я прибѣжище ко драгоцѣнной моей книгѣ, которая научила меня сдѣлать сïю безцѣнную стрѣлу, которой ни какое волшебство противиться не можетъ, и коя владѣтеля своего защищаетъ отъ нападенïя Духовъ и человѣковъ; а при томъ не имѣетъ она ни какïя силы въ другихъ рукахъ, и не можно ею овладѣть безъ моего согласïя.

Такимъ способомъ сдѣлавъ себя безопаснымъ отъ злоумышленïй Карачуновыхъ, предпрïялъ я и книгу свою такою же оградить безопасностïю, дабы опять не попалась она кому, и не произвела новаго мнѣ супостата. Сïя то самая причина побудила меня построить этотъ замокъ, и въ немъ сей кабинетъ, который обороняетъ весь сей домъ, и въ немъ живущихъ, какъ я уже вамъ сказывалъ. Вскорѣ по томъ преселился я сюда, и перенесъ сïю драгоцѣнную книгу,

ту, которая теперь находится въ сей скрынѣ. Переселилъ я также сюда часть моихъ придворныхъ, которыхъ вѣрность испыталъ я на передъ такимъ образомъ: приказалъ имъ обьявить, что преселяюсь я для житья въ пустыню, и что желающїе слѣдовать за мною не могутъ ожидать ни чиновъ, ни награжденїй, кромѣ спокойныя жизни; а которые не послѣдуютъ мнѣ, и останутся въ городѣ, тѣмъ опредѣляю я вѣчное жалованье, вдвое больше получаемаго ими, и повышаю каждаго чиномъ; въ чемъ увѣряю ихъ моимъ словомъ. Сїя хитрость, по желанїю моему, имѣла свое дѣйствїе: изъ десяти тысячъ придворныхъ, которые при Дворѣ моемъ находились, согласилось только сто человѣкъ за мною слѣдовать, которыхъ вы давича и видѣли. Сїи честные люди вѣрностью ко мнѣ своею ни чего не потеряли; ибо довольствуются здѣсь такою пищею и платьемъ, какихъ они сами пожелаютъ: а въ увеселенїяхъ также не имѣютъ недостатка, и почитаютъ себя блаженнѣе сто кратъ богачей живущихъ въ мїрѣ. На противъ того бѣглецы мои, хотя и получили по обѣщанїю моему все, но не долго онымъ пользовались; ибо лютый Карачунъ, лишась способа мнѣ вредить, но желая чѣмъ ни будь мнѣ отомстить, погубилъ ихъ всѣхъ, съ прочими моими подданными, превратя ихъ городъ въ ужасную гору, на коей вмѣсто деревьевъ ростутъ копья и мечи, а обитаютъ самыя наисвирѣпѣйшїя змѣи. Я сколько ни

 старался

старался привести во прежднее состоянїе сихъ бѣдныхъ людей, но только всѣ мои старанїя были безполезны.

Ахъ, государь мой! вскричалъ въ семъ мѣстѣ Свѣтлосанъ: позволь мнѣ прервать твою рѣчь: ни какъ эту самую гору и видѣлъ я во снѣ, о коей объявлялъ я тебѣ въ пустынѣ; и несчастнаго моего зятя - - - Исторїя его мнѣ уже извѣстна, перехватилъ рѣчь его Видостанъ, и ты объ ней сей же часъ услышишъ; не мѣшай только мнѣ разсказывать. И такъ, сей свирѣпый уродъ, сей лютый Карачунъ, недоволенъ будучи мщенїемъ надъ бѣдными моими подданными, предпрїялъ стараться всѣми силами и о моей погибѣлѣ. Но видя что я ото всѣхъ сторонъ безопасенъ отъ его ухищренїй, умыслилъ достичь до того коварствомъ, чего не могъ совершить открытымъ образомъ.

Сдѣлалъ онъ, силою своего волшебства, привидѣнїе подобящееся ему во всѣмъ, которому приказалъ онъ пойти въ мой замокъ, и раздражить меня до того, чтобъ я его предалъ смерти. Что, какъ онъ мыслилъ, такъ и совершилось: привидѣнїе поражено было мною саблею, и по пораженїи своемъ сохранило видъ разрубленнаго Карачуна, коего мнимый трупъ приказалъ я сожечь; и сочелъ тогда себя избавленнымъ ото всѣхъ ево гоненїй. Въ таковомъ мнѣнїи пробылъ я до тѣхъ поръ, пока несчастїе мое не увѣрило меня, что онъ еще живъ.

Между

Между тѣмъ, по прошествіи двухъ мѣсяцовъ послѣ сожженія мнимаго Карачунова тѣла, случилось мнѣ быть на охотѣ: пущенныя гончія собаки въ лѣсъ, для поднятія изъ норъ пужливыхъ звѣрей, подняли въ маломъ разстояніи отъ меня большій лай, что побудивъ меня и охотниковъ моихъ думать, что онѣ нашли звѣря, понудило насъ къ нимъ скакать. Проѣхавъ нѣсколько саженъ, увидѣли мы на деревѣ краснаго цвѣта мартышку, на которую смотря лаяли мои собаки. Таковый цвѣтъ на обезьянѣ показался мнѣ чуднымъ; а наипаче умножилось мое удивленіе, когда сей звѣрокъ началъ кидать на меня печальные взоры, и тѣлодвиженіями своими старался мнѣ показать, что онъ требуетъ моего покровительства. Будучи отъ природы жалостливъ, согласился я охотно помочь обезьянѣ: въ слѣдствіе чего приказалъ я собакъ отогнать, а ее снять съ дерева. Когдажъ ее сняли и принесли ко мнѣ, то начала она взглядами и движеніями своими изъяснять мнѣ свою радость и благодареніе, что меня столько тронуло, что опредѣлилъ я имѣть ее первымъ моимъ увеселеніемъ. Получа такую хорошую добычу, не хотѣлъ я продолжать болѣе звѣриныя ловли, и поѣхалъ во свой замокъ.

Пріѣхавъ въ оный, первое мое стараніе было велѣть ее накормить. Сія милость удвоила веселіе ея и благодарность, которыя старалася она мнѣ показать своими знаками; при всемъ томъ казалися мнѣ оныя принужденными,

ными, и задумчивость ея, которая за ними послѣдовала, дала мнѣ примѣтить ея грусть. Я старался ее утѣшить: но она, прижавъ лапы ко своему сердцу, воздыхала, и показывая на моихъ придворныхъ, трепала себя по груди. Сїи знаки заставили меня разсуждать, что бы такое хотѣла она мнѣ ими изъяснить; и на конецъ, по многихъ размышленїяхъ, пришло мнѣ въ голову испытать помощїю моея книги, не человѣкъ ли какїй превращенъ въ нее. Сїя мысль столь утвердилась въ моемъ воображенїи, что я тотъ же часъ предпрїялъ ей сдѣлать опытъ. Чего ради, приведя ее въ сей кабинетъ, взялъ я мою книгу, и сыскавъ въ ней ту статью, которая научаетъ, какими должно словами разрушать очарованїе, прочелъ ихъ надъ ея головою. Лишъ только окончилъ я чтенїе, какъ обезьяна исчезла, а вмѣсто ее предсталъ передо мною человѣкъ въ подобномъ вашему одѣянїи: онъ бросился къ моимъ ногамъ, благодаря мнѣ наичувствительнѣйшими словами за поданїе ему прежняго вида. Сїе превращенїе весьма меня удивило, и побудило любопытствовать, кто его привелъ въ такое уничижительное состоянїе. Онъ охотно согласился разсказать мнѣ свою повѣсть, и объявилъ, что онъ Вельдюзь, Полотскїй Князь. Какъ, государь мой! вскричалъ съ восхищенїемъ Свѣтлосанъ, прервавъ его рѣчь, такъ это былъ мой зять? - - - Онъ точно, отвѣтствовалъ Видостанъ; и вотъ что, по унесенїи его химерою, съ нимъ случилось.

При-

Приключенія Вельдюзевы.

Сіе крылатое чудовище, продолжалъ Видостанъ, подхватя его поднялося столь высоко, что онъ потерялъ изъ вида землю, и летѣло столь быстро, что скорое стремленіе воздуха, и при томъ ужасъ, захватили у него дыханіе, и лишили чувствъ. На послѣдокъ, когда онъ опамятовался, то увидѣлъ себя на пространной каменистой степи, коей конца не могъ онъ усмотрѣть. Сіе зрѣлище въ таковый привело его страхъ, что онъ опять упалъ въ обморокъ. На конецъ, пришедъ паки въ чувство, сталъ онъ разсуждать, что ему зачать въ сей крайности: сіе размышленіе завело его во глубокую задумчивость, изъ которыя извлекло его стенаніе. Онъ оглянулся туда, откуда оное происходило, но только не могъ ни чего усмотрѣть, что страхъ его еще болѣе умножило. Между тѣмъ стенаніе продолжалося, къ коему мало по малу Вельдюзь привыкая, осмѣлился на послѣдокъ увѣдать его причину.

Чего ради, слѣдуя на сей жалобный голосъ, пришелъ онъ къ зеленому камню, на которомъ сидѣла преужасныя величины ядовитая жаба. Камень, который она покрывала, трепеталъ подъ нею, и, испуская стонъ, произносилъ иногда жалобы человѣческимъ голосомъ. Сіе чудо опять привело въ ужасъ Полотскаго Князя; однакожъ любопытство его одержало надъ онымъ верхъ. Отважился онъ извѣдать сію тайну: но не зналъ какимъ образомъ то учи-

учинить; сомнѣвался онъ спрашивать о томъ у камня, думая, что онъ ему отвѣтствовать не можетъ, хотя и произносилъ нѣкоторыя слова на Персидскомъ языкѣ; но другїя дороги къ узнанїю сего чуда ему не оставалось. Персидскїй языкъ онъ разумѣлъ, и такъ не трудно ему было на ономъ изъясниться: чего ради, приступя къ нему, спросилъ у него, что онъ такое, и о чемъ приноситъ жалобы. Я былъ подобный тебѣ человѣкъ, отвѣтствовалъ ему камень: и жалуюсь на несчастное мое состоянїе, въ которое привелъ меня лютый волшебникъ со всѣми моими подданными. Ежели сердце твое, присовокупилъ онъ, удобно къ жалости, если человѣколюбїе природно тебѣ, незнакомецъ! такъ избавь несчастнаго Владѣтеля отъ сего ужаснаго бремени, которое его терзаетъ, и очарованїе его удерживаетъ. Какъ же я могу это сдѣлать, спросилъ его Вельдюзь, коего робость при каждомъ камневѣ словѣ усугублялась? Это ни мало не мудрено, отвѣтствовалъ ему камень: вооружись только безстрашїемъ, и сбрось съ меня ужасную сїю жабу.

Прозьба сїя весьма поколебала смѣлость Вельдюзеву: боялся онъ отважиться на толь опасное предпрїятїе, которое самому ему угрожало смертїю. Онъ бы скорѣе покусился на оное, ежелибъ имѣлъ при себѣ оружїе: но похищенїе его случилося въ такое время, когда онъ къ браку, а не ко сраженїю готовился: слѣдственно и вооружаться не имѣлъ причины.

Долго

Долго сожалѣнїе его боролося съ робостїю: выискивалъ онъ разные способы погубить лягушку; иногда хватался за камни, которыми усыпана была степь, но и тѣ отказывались ему въ помощи; ибо не могъ онъ ни какъ отдѣлить ихъ отъ земли. Между тѣмъ камень не переставалъ его просить объ избавленїи своемъ словами и стенанїемъ, что въ Вельдюзѣ умножало сожалѣнїе, и терзанїе совѣсти, которая укоряла его медленїемъ во спомоществованїи несчастному. Приходило ему на мысль, что бѣдная его Милослава, и онъ самъ, могутъ подвергнуться подобному же злоключенїю; вообразилось ему и то, что хотя онъ и не подастъ сему несчастному помощи, однакожъ не избудетъ смерти, которую безплодная сїя пустыня ему прїуготовляетъ; припомнилось ему и пророчество Полелино, которое по тѣхъ поръ не обѣщало ему съ невѣстою его благополучїя, пока не спасетъ онъ столька же несчастныхъ Князей отъ смерти, сколькихъ лишилъ жизни своимъ свирѣпствомъ. Сїи размышленїя, начали на послѣдокъ укрѣплять его смѣлость, и ласкать надеждою, что онъ поступкомъ симъ можетъ нѣсколько умилостивить разгнѣванныхъ на него боговъ.

Утвердясь въ сихъ мысляхъ, и призвавъ на помощь Чернобога, подошелъ онъ смѣло къ жабѣ, дабы сорвать ее съ камня. Лягушка, усмотрѣвъ его намѣренїе, начала ужаснымъ образомъ дуться, и бросая на него пламенные свои взгляды, устрашала его изблеванїемъ на

него яда, которымЪ она вся была наполнена. Сїе нѣсколько было его поостановило, но Бѣлый его ДухЪ, приставленный кЪ нему для побужденїя на добрыя дѣла, умножая вЪ немЪ сожалѣнїе, возбуждалЪ его кЪ безстрашному исполненїю сего предпрїятїя. Воспаленный поощренїемЪ его Вельдюзь, бросился безЪ страха на жабу, и, схватя ее, началЪ тащить сЪ камня, за который она весьма крѣпко держалась. Сколько употреблялЪ ПолочанинЪ силы на сорванїе ее, столько она его грызла и зїяла на него пламенемЪ, дабы его отогнать. Однако же Вельдюзь, сколько ни былЪ ею терзаемЪ, не оставлялЪ ее: и на конецЪ, ополчася всѣми силами, сорвалЪ ее сЪ камня. Тогда лягушка, превратясь во превеликаго слона, вскричала кЪ нему преужаснымЪ голосомЪ: ты побѣдилЪ, несчастный! и разрушилЪ очарованїе сего Персїянина, и его подданныхЪ; но за то самЪ отЪ повелителя моего претерпишЪ месть, лютѣйшую сто кратЪ ево наказанїя. ОкончавЪ сїи слова слонЪ, схватилЪ его своимЪ хоботомЪ, и помчался сЪ нимЪ весьма быстро.

Великодушный Вельдюзь, хотя и обманулся во своемЪ мнѣнїи, что спася другаго уменьшитЪ свое несчастїе, однакожЪ не каялся, что избавилЪ Государя сЪ цѣлымЪ его владѣнїемЪ отЪ вѣчнаго стона: и соглашался охотно потерять свою жизнь за спасенїе многихЪ несчастныхЪ. Едва сїе онЪ подумалЪ, какЪ услышалЪ слѣдующїя слова, низшедшїя отЪ пламеннаго облака: *Злоба привлекаетЪ наказанїе,*

ніе, а добрыя дѣла награжденіе; и въ самое то время слонъ исчезъ, а онъ очутился во прекрасной долинѣ, которая усыпана была благовонными цвѣтками, и окружена плодоносными деревьями. При видѣ сего пріятнаго позорища страхъ его исчезъ, и наступила радость: палъ онъ на колѣни, и приносилъ благодарность свою всѣмъ богамъ; а наиболѣе тому, который его, толь чудеснымъ образомъ, исторгнулъ изъ челюстей смерти.

По принесеніи своея молитвы, сѣлъ онъ подъ дерево для отдохновенія, и началъ наслаждаться онаго плодами: вскорѣ послѣ того застигъ его сонъ; ибо солнце склонилося тогда уже къ морю. Отдохновеніе его продлжалося спокойно до самыя зари, и уже Фивъ началъ показывать блистательные свои лучи, какъ онъ почувствовалъ, что нѣчто за пазухою у него шевелится; проснувшись отъ того увидѣлъ онъ, что это кроликъ, который искалъ у него спасенія отъ волка, гнавшагося за нимъ, и бывшаго отъ нихъ уже не далеко. Храбрый Вельдюзь, почувствовавъ къ сему малому звѣрку сожалѣніе, всталъ тотчасъ, и вознамѣрился его защищать; но не имѣя оружія, принужденъ былъ схватить камень, который по счастію ему попался. Онымъ поразилъ онъ столь сильно хищнаго звѣря, что растянулся тотъ мертвъ передъ его ногами. Въ то самое время избавленный кроликъ превратился во прекрасную дѣвицу, имѣющую зеленые волосы, а платье лазореваго цвѣта.

Я

Я чрезвычайно много тобою одолжена, великодушный иностранецъ! сказала она Полотскому Князю: и потщусь за услугу твою тебѣ заплатить, представя тебя моей теткѣ, которая не далеко отсюду живетъ; она волшебница, и можетъ услужить тебѣ при нужномъ случаѣ. Я уже довольно заплаченъ, сударыня, отвѣтствовалъ ей удивленный превращенїемъ ея Вельдюзь, услуживъ такой прекрасной особѣ какова ты, и почту себѣ за большое одолженїе, ежели ты удостоишъ мнѣ сказать, кому я имѣлъ счастїе помочь, смертной или богинѣ; ибо по виду твоему не льзя тебя инако сочесть какъ безсмертною.

Ты не со всѣмъ ошибся, отвѣчала она: я Русалка не далеко текущаго отсюду источника, а этотъ волкъ, отъ котораго ты меня избавилъ, былъ Сатиръ здѣшнихъ лѣсовъ. Ты самъ вѣдаешъ, продолжала она, сколь сїи животныя влюбчивы. Этотъ уродъ безпокоилъ не токмо одну меня, но и всѣхъ моихъ подругъ своею любовїю; однакожъ ни одноя изъ насъ не могъ прельстить гнусною своею харею; всѣ его презирали, и ругалися козлиными его прелестями. Это столько его разсердило, что онъ опредѣлилъ достать то силою, чего не могъ получить по склонности. Я была изо всѣхъ та несчастная, надъ которою вздумалъ онъ оказать свое свирѣпство. За всегда искалъ онъ случая найти меня одну, что ему и удалось было сегодня; но храбрая твоя рука спасла меня отъ его наглости. По

сихъ

сихъ словахъ Нимфа начала было снова благодарить Вельдюзю, но онъ просилъ ее досказать ея приключенїе, на что она въ угодность его и согласилась.

Сегодня проснувшись я, продолжала Наяда, противъ обыкновеннаго очень рано, вздумала прогуляться, пользуясь утреннимъ воздухомъ, какъ сей мерзскїй Сатиръ, который безпрестанно меня караулилъ, давъ мнѣ удалиться отъ моего источника, напалъ на меня нечаянно. Я дерзость его заплатя на передъ пощечиною, предпрїяла отъ него спасаться бѣгствомъ; а чтобъ лучше отъ него скрыться, приняла я на себя видъ кролика, и бросилася въ кустарникъ. Но Лѣшїй примѣтя мою хитрость, и превратяся самъ въ волка, погнался за мною; и конечнобъ меня поймалъ, ежелибъ помочь твоя не предускорила его дерзости.

Я очень радъ, сударыня, сказалъ ей Вельдюзь по окончанїи ея повѣсти, нашедъ случай тебѣ услужить; только дивлюсь, какая сила помогла мнѣ лишить жизни сего полубога. Я и сама этому дивилась, присовокупила Нимфа; да и теперь сего не постигаю. Потомъ, подумавъ нѣсколько, спросила у Вельдюзя, не имѣетъ ли онъ при себѣ какїя вещи, которая силу его умножаетъ. Нѣтъ, ни какїя, отвѣтствовалъ Полочанинъ. Постой! вскричала она увидя на рукѣ его перстень: покажи мнѣ свою руку. Вотъ онъ то тебѣ помогъ, продолжала она указывая на перстень; гдѣ ты его досталъ? Отъ матери моея, отвѣтствовалъ

Князь,

Князь. Онъ мой прежде былъ, сказала Нимфа осматривая его прилѣжно. Я не скажу тебѣ, примолвила она закраснѣвшись, откуду я его получила; а скажу только то, что играя въ нашемъ источникѣ съ моими подругами, сронила я его съ руки. Въ самое то время пришли къ намъ на берегъ промышленики искать жемчужныхъ раковинъ, кои въ источникѣ нашемъ родятся; они видно нашедъ мой перстень продали, который, переходя изъ рукъ въ руки, достался на послѣдокъ твоей матушкѣ. Я бы отъ тебя стала его требовать, ежелибъ ты не услужилъ мнѣ столь много; ибо перстень сей кромѣ того, что подаетъ чрезвычайную силу тѣмъ, которые имъ владѣютъ, имѣетъ еще и другое дарованіе. Оборотни его къ ладонѣ своей камнемъ, продолжала она. Вельдюзь ей повиновался: и въ самое то время увидѣлъ передъ собою крылатаго коня, который его спрашивалъ, куда прикажетъ онъ ему себя везти. Ни куда теперь, отвѣтствовала ему Нимфа, прося при томъ Полотскаго Князя, чтобъ онъ опять поворотилъ камнемъ къ верху: что когда было учинено, то конь паки сталъ невидимъ.

На этой лошадкѣ довольно я поѣздила, сказала Нимфа удивленному Вельдюзю улыбаясь; а теперь ты на ней можешъ разъѣзжать, сколько изволишъ. Полочанинъ возблагодарилъ ей за толь важное для него увѣдомленіе: на что Нимфа отозвалась, что мало бы она ему возблагодарила, еслибъ однимъ только симъ объявленіемъ

вленїемъ ограничила свою благодарность. Я хочу тебя познакомить съ моею теткою, присовокупила она: поѣзжай ты теперь къ ней на своемъ крылатомъ конѣ; ибо онъ всюда самъ дорогу знаетъ, лишъ только назначъ ему куда ѣхать. Я тебя стану у нее дожидаться, ибо я прежде тебя къ ней поспѣю. Проговоря сїе Наяда исчезла, а Вельдюзь, удивляяся сему приключенїю, остался разсуждать, ѣхать ли ему къ волшебницѣ, которая была ему со всѣмъ незнакома. На конецъ подумавъ, что Нимфа не преминетъ его ей препоручить, и что волшебница можетъ ему при нуждномъ случаѣ помочь, вознамѣрился къ ней ѣхать; чего ради оборотилъ свой перстень камнемъ къ ладонѣ, какъ Русалка его научила, чтобъ вызвать изъ него крылатаго коня.

Конь тотчасъ явился, и спрашивалъ у него, куда прикажетъ онъ себя везти: къ теткѣ сея Нимфы, сказалъ Вельдюзь, которой ты прежде служилъ, и коя давича со мною разговаривала. Очень изрядно, отвѣчалъ ему конь: ты будешъ тамъ въ минуту. Вельдюзь сколько удивлялся его разговорамъ, столь не менѣе и виду; ибо цвѣтъ его шерсти подобился бѣлизною своею снѣгу, станъ имѣлъ онъ полный и статный, голову гордую, украшенную густою гривою, состоящею изъ золотыхъ волосовъ, и которая перевита была голубыми лентами, и по мѣстамъ блистала дорогими каменьями; хвостъ его изъ такихъ же былъ волосовъ какъ и грива, и украшенъ былъ подобно;

добно; крылья имѣлъ онъ весьма пространныя, состоящія изъ бѣлыхъ, розовыхъ, и золотыхъ перьевъ, весьма прекрасно расположенныхъ; копыты у него были золотыя же; а глаза ево блистали такъ какъ звѣзды; узда, чапракъ, и сѣдло ево усыпаны были крупнымъ жемчугомъ и бралїянтами. Скажи мнѣ о своемъ происхожденїи, спросилъ его Полотскїй Князь: въ разсужденїи твоего вида и свойства, и богатаго убора, должно быть оно не маловажно. Ты не обманулся, отвѣтствовалъ ему конь: я внукъ того славнаго коня, который родился изъ крови Медузиной, когда Персей отрубилъ красавицѣ сей голову. Мусы меня весьма возлюбили: чему позавидовавъ Фортуна, лишила меня ихъ милости самымъ страннымъ образомъ.

Нѣкогда поѣхала на мнѣ Каллїопа, продолжалъ конь, къ нѣкоторому славному Витязю на поклонъ съ Одою, приказавъ мнѣ, какъ можно по скорѣе скакать, желая застать его дома. По несчастїю моему дорога къ нему была очень крута и бугриста, на которой я споткнувшись упалъ, и сшибъ съ себя Мусу, которая въ паденїи своемъ вывихнувъ себѣ ногу, не осмѣлилась поѣхать ко своему Ирою, боясь быть осмѣянною тамъ. Сїе столько ее разсердило, что Оду свою въ тотъ же часъ она изорвала, а меня заключила на вѣчное жилище въ этотъ перстень. Вотъ сколь опасно и малымъ раздражить риѳмотворное животное! Сей перстень подарила она по томъ своему любовнику: а тотъ этой Нимфѣ, которая давича съ

тобою

тобою говорила. Далѣе исторіи своей я не знаю, по тому что съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Нимфа въ послѣдній разъ велѣла мнѣ войти въ сей перстень, не видалъ я свѣта до самаго этого дня, и не вѣдалъ во чьихъ рукахъ я находился. Теперь я твой слуга, продолжалъ онъ: ибо рокъ мой таковъ, что кто этотъ перстень имѣетъ, тотъ мною одинъ и повелѣваетъ.

По окончаніи своея повѣсти просилъ онъ Вельдюзя, чтобъ онъ на него сѣлъ, и испыталъ его быстроту. Полотскій Князь не умедлилъ желанія его исполнить; а конь помчался быстрѣе всякія стрѣлы, и принесъ его чрезъ нѣсколько минутъ въ волшебницынъ замокъ, который во красотѣ, по описанію Вельдюзеву, присовокупилъ къ тому Видостанъ, малымъ чѣмъ моему уступаетъ.

Волшебница и племянница ея, которая тутъ уже была, встрѣтили его очень ласково, и осыпали учтивостями за храбрый его поступокъ съ Сатиромъ. Проводя въ покои, старалися онѣ угостить его всѣмъ тѣмъ, что вкусъ и обоняніе могутъ изобрѣсть наилучшаго. Послѣ чего просили Вельдюзя, чтобъ онъ объявилъ имъ, какому человѣку одолжены онѣ толь важною услугою, каковую онъ имъ оказалъ; въ чемъ онъ ихъ тотчасъ и удовольствовалъ. По выслушаніи его повѣсти, изъяснили онѣ ему свое сожалѣніе о его несчастіяхъ: при чемъ волшебница обѣщалась ему во всемъ томъ принимать участіе, что до него

касаться ни будетъ. Во исполненіе чего тотъ же часъ разослала она Сильфовъ для развѣдыванія о судьбѣ его невѣсты; и что ежели они ее найдутъ, то бы принесли ее немедленно къ нимъ въ замокъ.

Сильфы тотчасъ полетѣли, а Вельдюзь остался благодарить Превpату за ея попеченіе, которое она о дѣлахъ его воспринимала. Благодарность моя очень бы умѣренна была, сказала на то волшебница, ежелибъ я ее ограничила одною сею услугою. Нѣтъ, я хочу тебѣ услужить такъ, чтобъ по крайней мѣрѣ могъ ты за всегда памятовать, что услужа моей племянницѣ, а тѣмъ и мнѣ, услужилъ не неблагодарнымъ. Послѣ того топнула она ногою, проговоря нѣсколько словъ: отъ чего тотчасъ полъ въ комнатѣ раздвинулся, а изъ отверстія явился предъ нихъ Арапъ, имѣя въ рукахъ вооруженіе изъ чистаго золота; то есть: броню, щитъ, копье, лукъ и колчанъ со стрѣлами. Указывая на оное Превpата: вотъ чѣмъ, сказала Вельдюзю, хочу я свидѣтельствовать тебѣ мою благодарность: это вооруженіе защититъ тебя отъ пораженія всякаго человѣка; если только противникъ твой выше человѣческія силы чего при себѣ имѣть не будетъ. Это все принадлѣжало бѣдному моему мужу, котораго погубилъ лютый волшебникъ, нашъ непріятель. Этотъ злодѣй ни когдабъ не могъ одолѣть моего супруга, ежелибъ у него не украли препоясанія и меча обвороженнаго, которые принадлѣжали къ се-

му

му доспѣху, и имѣли въ себѣ чрезъестественную силу, и сохраняли его отъ всякаго волшебства. Впрочемъ не со всѣмъ еще вооруженїе сїе лишилося своея силы: кромѣ того что не пронзительно, возбуждаетъ оно великую храбрость въ томъ, кто его на себѣ имѣетъ, и при томъ умножаетъ весьма силу. И такъ, пожалуй прїйми его отъ меня, продолжала волшебница, во знакъ моея къ тебѣ благодарности; и надень его теперь же на себя для предосторожности отъ всякаго неожидаемаго случая. Вельдюзь, поблагодаря ее за ея подарокъ, наделъ на себя вооруженїе; и когда онѣ готовились описывать его въ немъ пригожство, то въ самое то время, прилетѣвшїй одинъ изъ посланныхъ Сильфовъ, привлекъ ихъ на себя вниманїе.

По смущенному его виду заключили было они, что онъ Милославы не нашелъ: чего ради волшебница начала уже было ему и выговаривать за его неисправность. Но отвѣтъ его привелъ ихъ всѣхъ въ такое удивленїе и ужасъ какихъ они не ожидали; ибо онъ объявилъ' что Милославу сыскалъ было онъ на островѣ,' узнавъ ее по тому описанїю, какое ему объ ней сдѣлали, и разсказавъ ей о своемъ посольствѣ, хотѣлъ было ее взять, и къ нимъ понести, какъ въ самое то время прїѣхалъ къ нимъ въ колесницѣ, запряженной аспидами, ужасный Исполинъ, который, вырвавъ у него изъ рукъ Милославу, увезъ ее съ собою. А онъ, не имѣя силы ей пособить, принужденъ

 былъ

былъ летѣть назадь, чтобъ увѣдомить ихъ о семъ печальномъ приключеніи.

Когда Сильфъ окончилъ свое повѣствованіе, то Вельдюзь, возбуждаемый любовію и негодованіемъ, предпріялъ гнаться за симъ похитителемъ. Волшебница старалась его уговорить, чтобъ онъ не вдавался безъ размышленія въ опасность; и обѣщалась на передъ развѣдать, кто таковъ сей похититель, и потомъ уже употребить хотѣла приличные способы къ освобожденію Милославину. Но Полочанинъ, горя нетерпѣніемъ, не внималъ ея словамъ, и поблагодаря ее приличнымъ образомъ, пошелъ отъ нее. Послѣ чего сѣвъ на крылатаго своего коня, приказалъ ему гнаться за Исполиномъ, котораго и нагналъ онъ вскорѣ надъ сею ужасною горою, въ которую превращены мои подданные.

Неустрашимый сей Князь, увидѣвъ любезную свою Милославу въ рукахъ у страшнаго сего Волота, устремился на него съ копьемъ, думая его онымъ сразить; но въ самый тотъ мигъ Исполинъ зинулъ на него пламенемъ, которымъ обжегъ у него ту руку, на коей былъ перстень. Вельдюзь, почувствуя боль, отдернулъ ее къ себѣ: отъ чего повернувшись у него перстень камнемъ въ верхъ, принудилъ крылатаго коня скрыться, а всадникъ полетѣлъ стремглавъ на утыканную копьями и мечами гору.

Стенаніе и вопль печальныя Милославы, послѣдовавшія за его паденіемъ, представили ему смерть ужаснѣйшею: страшная гора готовила

ему

ему неизбѣжимую кончину, которая бѣдную его невѣсту оставляла на вѣкъ во власти у лютаго Волота. Низверженный Вельдюзь началъ призывать на помощь и боговъ и людей, но всѣ его слова погибали на воздухѣ безполезно. Уже паденіе его оканчивалося: свирѣпые змѣи подняли головы, и разинули свои пасти, чтобъ его растерзать: уже коснулся онъ острѣямъ копей и мечей, какъ множество Сильфовъ подхватя его, отнесли къ волшебницѣ его пріятельницѣ, которая увидя онаго, стала ему выговаривать ласковымъ образомъ за его стремленіе и дерзость, съ каковою онъ отважился напасть на такого врага, коего и сама она трепещетъ.

Едва окончала волшебница сіи слова, какъ ужасный громъ и молнія сорвали съ покоя, въ коемъ они находились, крышку: и въ самое то время съ превеликимъ вихремъ слетѣлъ къ нимъ Исполинъ, который, обратясь къ Вельдюзю, сказалъ ему страшнымъ голосомъ: Дерзновенный! ты осмѣлился отнимать у меня мою невольницу, и напасть на меня по срединѣ воздуха: но будучи мною сверженъ, убоялся умереть. Ты не стоишъ по трусости твоей смерти; но за дерзость твою не стоишъ и жизни: и за то и другое долженъ ты претерпѣть такое состояніе, которое заставитъ тебя ужасаться и живота и смерти. По окончаніи сихъ рѣчей засвисталъ онъ преужасно: тогда предстало предъ него шестеро премерзскихъ карловъ, которымъ приказалъ

 онъ

онъ ободрать съ него вооруженіе; а перстень его взялъ къ себѣ. Послѣ того, прошептавъ нѣчто, взялъ Вельдюзя за ногу, и бросилъ въ отверстіе покоя.

Устрашенный Вельдюзъ, летя изъ покоя въ рощу, коею окруженъ былъ волшебницынъ замокъ, почувствовалъ въ себѣ легкость, и обратя на себя глаза увидѣлъ, что онъ болѣе не человѣкъ, но обезьяна. Сіе горестное превращеніе столь его опечалило, что онъ охотно соглашался тогда потерять и жизнь свою. Но животолюбіе принудило его схватиться за вѣтви деревъ, между коихъ онъ упадалъ. По счастію его схватился онъ за нихъ такъ удачно, что паденіе его онѣ остановили. Свойство новаго его состоянія способствовало ему безвредно слѣзти съ дерева на землю, на которую сошедъ вдался онъ во превеликую печаль. Но страхъ воспрепятствовалъ ему быть долго въ такомъ мѣстѣ, подлѣ коего находился ужасный его непріятель. Побѣжалъ онъ оттуду проклиная Исполина, и тужа о бѣдной своей пріятельницѣ, коей волшебникъ не преминетъ мстить за его избавленіе. На послѣдокъ, бѣгая около двухъ мѣсяцевъ по лѣсамъ, добѣжалъ онъ до моего замка, гдѣ напавъ на него мои собаки, принудили его взлѣзть на дерево, и дожидаться моея помощи. Вотъ всѣ приключенія твоего зятя, продолжалъ Видостанъ говоря Свѣтлосану; а окончаніе ихъ я уже тебѣ разсказалъ прежде; теперь осталось мнѣ досказать тебѣ мою исторію.

Оконча-

Окончаніе Исторіи Видостановой.

Несчастія Вельдюзевы тронули меня, и возбудили во мнѣ къ нему любовь и сожалѣніе. Я вознамѣрился ему помочь, чего ради и прибѣгнулъ къ кольцу, которое ты видишъ у меня на рукѣ: я его сдѣлалъ помощію моея книги; оно заключаетъ въ себѣ такого Духа, который увѣдомляетъ меня обо всемъ, о чемъ я ни спрошу. Сей Духъ, будучи мною вопрошенъ о непріятелѣ твоего зятя, отвѣтствовалъ мнѣ, что хотя объ немъ онъ и вѣдаетъ, но не смѣетъ мнѣ объявить. Я хотѣлъ увѣдать о семъ отъ моея книги, но и она мнѣ то же отвѣтствовала, прибавляя къ тому, что сдѣлано на тайну сію такое заклятіе, которому и самъ Князь Духовъ противиться не въ силахъ. Не могъ я подумать на Карачуна; ибо привидѣніе его, заколотое и сожженное мною, обнадеживало меня, что нѣтъ его болѣе на свѣтѣ; по чему я и заключилъ, что это былъ другій какій ни будь волшебникъ.

Между тѣмъ, дни черезъ три послѣ сего приключенія, нѣкто изъ придворныхъ моихъ объявилъ мнѣ, что прохаживаяся въ рощѣ, внѣ моего дворца, сошелся онъ съ молодымъ человѣкомъ, который, выспрося у него о господинѣ замка, просилъ его увѣдомить меня о себѣ, и испросить дозволенія передъ меня предстать, объявляя при томъ, что въ помощѣ моей имѣетъ онъ превеликую нужду. Человѣколюбіе мое склонило меня тотчасъ

согласиться на его прозьбу: я приказалъ его привесть къ себѣ, что въ тотъ же часъ и исполнено было. Какъ скоро онъ ко мнѣ вошелъ, то, повалясь мнѣ въ ноги, просилъ себѣ моего покровительства. Я его поднявъ, обнадеживалъ моею дружбою, и просилъ его сказать мнѣ, въ чемъ ему могу услужить. На что онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что исторiю свою желаетъ мнѣ разсказать на единѣ. Чего ради приведши его въ сей кабинетъ, просилъ его вторично разсказать мнѣ свою повѣсть, въ чемъ онъ меня тотчасъ и удовольствовалъ.

Повѣствованiе Хитраново.

Я называюсь, говорилъ онъ мнѣ, Хитранъ, отечество мое Китай, а жизнiю моею одолженъ я Богды-Хану. Я былъ одинъ сынъ у моего отца, и былъ бы за всегда благополученъ, ежелибъ не имѣлъ у себя сестры, которая всему моему несчастiю причина. Не удивляйся, Государь, примолвилъ онъ, моимъ словамъ: слѣдованiе моея повѣсти докажетъ тебѣ, что я имѣю причину такъ говорить.

Сестра моя, продолжалъ онъ, именемъ и свойствами Леста, имѣла у себя многихъ жениховъ, подданныхъ и союзныхъ намъ Государей: но только не хотѣла ни съ кѣмъ изъ нихъ вступить во бракъ. Я вопрошалъ ее иногда о причинѣ ея отвращенiя къ замужству, на что она отвѣтствовала мнѣ однѣми только слезами. Но нѣкогда вздыхая мнѣ гово-

говорила, что она и сама любитъ, но не изъ тѣхъ кого либо, которые къ ней сватаются, а такого, который о любви ея къ себѣ ни чего не знаетъ, и можетъ быть самъ прельщенъ уже другою. Я не зная со всѣмъ, о комъ она говорила, спрашивалъ ее, кто онъ таковъ, и дозволяетъ ли его состоянїе вступить ей съ нимъ въ супружество. Сїе то и причина моея горести, отвѣчала она, что не могу я ласкаться имѣть его моимъ мужемъ; но что касается до его состоянїя, то онъ такїя же знатныя породы какъ и я, и столь прекрасенъ, какъ ты. По сихъ словахъ она закраснѣлась, и потупила глаза свои въ землю. Я старался дойти мысленно до того предмета, которымъ сердце ея воспламенилось; но не могъ ни на кого помыслить по тому описанїю, какое она мнѣ сдѣлала.

Между тѣмъ приходилъ тотъ день, въ который мысли ея къ моему несчастїю открылись. Я былъ влюбленъ въ дочь перваго Министра моего родителя: любовь моя была до тѣхъ поръ тайна; но тогда открылась она къ неблагополучїю нашего дома. Нѣкогда прохаживался я съ моею любовницею въ саду нашего дворца: на конецъ, походя довольное время и уставъ, вошли мы въ пещеру, которая раздѣлялась на нѣсколько покоевъ. Въ одномъ изъ оныхъ отдыхая, началъ я любовницѣ моей изъяснять жаръ моея любви: обыкновенныя рѣчи любовниковъ, ласкающихся ко своимъ любезнымъ. Долго бы я пробылъ въ семъ

упра-

упражненіи, еслибъ причинившійся стукъ, во другомъ покоѣ пещеры, не пресѣкъ моихъ удовольствій, и не принудилъ туда пойти, дабы увѣдать онаго причину. Не мало я удивился, увидя сестру мою лѣжащую тамъ въ обморокѣ. Не приписывая ни чему кромѣ болѣзни сей ея припадокъ, сталъ я помогать ей, и стараніями моими привелъ ее вскорѣ во прежднее чувство. Когда она опамятовалась, то проливъ на передъ нѣсколько слезъ, начала мнѣ выговаривать нѣжнымъ образомъ за приключеніе ей сего припадка, приписывая оный любви моей къ такой особѣ, которая недостойна моея горячности, имѣя ниже моего состояніе. Слова ея не инако я сочелъ, какъ дѣйствіемъ ея честолюбія и гордости; но оныя были дѣйствіемъ наипозорнѣшія страсти, гнуснѣйшія обѣихъ сихъ пороковъ.

Сіе приключеніе принудило насъ оставить садъ, и возвратиться въ покои нашего дворца, куда долженъ былъ я проводить по благопристойности сестру мою. Во время нашея дороги, старалася Царевна отвратить меня отъ моея обладательницы всѣми силами: то опорачивая любовь мою къ ней, то охуждая качествы ея и поступки. На послѣдокъ видя, что я не соглашаюсь съ ея желаніемъ, сказала мнѣ сердитымъ голосомъ, что она не потерпитъ, дабы я посрамилъ нашу породу толь низкимъ союзомъ, и тотъ же день откроетъ нашему родителю о моей любви. Сказавъ сіе ушла она отъ меня поспѣшно,

и точно въ самый тотъ день объявила Богды-Хану о моей страсти. Но родитель мой, призвавъ меня къ себѣ, и услыша о сильной моей любви, смягчась при томъ моими слезами и прозьбами, соизволилъ на мое желанїе, чтобъ я совокупился бракомъ съ моею любезною хотя и намѣрился было сперва женить меня на дочерѣ нѣкотораго союзнаго намъ Государя.

Принеся ему тысячу благодаренїй, вышелъ я отъ него во превеликомъ восхищенїи, и побѣжалъ къ моей любовницѣ для сообщенїя ей сея радостныя вѣдомости. Препроводя съ нею нѣсколько минутъ въ безпрерывныхъ восторгахъ и восхищенїяхъ, вздумалось мнѣ пойти къ моей сестрѣ, чтобъ огорчить ее сею вѣдомостїю, и наказать за то, что она хотѣла меня разлучить съ моею любезною

Пришедъ къ ней, объявилъ я ей съ радостнымъ лицемъ соизволенїе моего родителя. Вѣсть сїя столько ее поразила, что она упала безъ памяти. Я старался ей помочь: сестра моя, отворя смутные свои глаза, смотрѣла на меня долго проливая слезы. По томъ, выславъ всѣхъ своихъ служительницъ изъ комнаты, просила меня сѣсть подлѣ себя, и пожимая мою руку нѣжнымъ образомъ, окропляла ее слезами, вздыхая при томъ непрестанно. Ахъ! вскричала она на послѣдокъ: для чего твое сердце не таково же какъ и мое? Не тѣмъ ты мнѣ, жестокїй, платишъ, продолжала она, чего достойна любовь моя къ тебѣ! Я не пожалѣю пролить всея моея крови за одинъ твой взглядъ,

за одно твое ласковое слово, которыми пользуется отъ тебя непрестанно недостойная твоя любовница. Любовь моя къ тебѣ такова, каковою ни кто и ни къ кому еще не воспламенялся. Постой! продолжала она, видя мое удивленїе и желанїе прервать ея рѣчь, дай мнѣ выговорить тебѣ все, что чувствуетъ моя душа. Такъ, ты не обманываешся, ежели усматриваешъ во словахъ моихъ такую къ себѣ любовь, каковыя сестрамъ не позволено имѣть ко братьямъ. Я ее чувствую къ тебѣ, и столь сильну, что ни сами боги не въ силахъ ее вырвать изъ моего сердца. Она одна составляетъ все мое на свѣтѣ блаженство: безъ нее и жизнь бы моя была мнѣ несносна; и смерть мою остановляетъ одна только надежда получить когда ни будь твое соотвѣтствїе. Вотъ моя тайна, которуюбъ тебѣ ни когда я не открыла, ежелибъ самъ ты не принудилъ меня къ этому. Теперь не остается мнѣ инаго тебѣ сказать, какъ просить твоего отвѣта, который ты можешъ учинить вонзя въ меня сей кинжалъ, или въ сердце недостойныя моея соперницы.

Сїе нечаянное ея открытїе привело меня въ такое недоумѣнїе, отъ коего долго не могъ я освободиться; на послѣдокъ началъ я ее уговаривать, чтобъ она оставила сїю безумную страсть, которая кромѣ стыда и безчестья ни чего ей не можетъ принесть. Слова мои, которыя лишили ее всея надежды, привели ее въ ужасное бѣшенство: она начала рыдать,

прокли-

проклинать мою любовницу, и дѣлать все то, что свойственно въ такихъ случаяхъ бѣшенымъ женщинамъ. На послѣдокъ, выхвативъ у меня кинжалъ, хотѣла пронзить себѣ грудь, до чего однакожъ я ее не допустилъ, сколько она ни старалась намѣренїе свое исполнить. Я угрожалъ ей, что позову ея служительницъ, и увѣдомлю родителя о беззаконной ея страсти, ежели она предпрїятїя своего не оставитъ. Изрядно! сказала она мнѣ на то, бросая на меня яростные взоры, я его оставлю, но не для того, чтобъ влачить безполезную и горестную жизнь, терзаяся мучительнѣйшимъ пламенемъ къ неблагодарнѣйшему изъ человѣковъ, а что бы пронзить оружїемъ симъ ту, которая осмѣлилась отнять у меня такое сердце, коего сама недостойна. Сказавъ сїе, кликнула своихъ служительницъ, а меня просила удалиться. По желанїю ея вышелъ я отъ нее вонъ, не надѣяся въ тогдашнемъ состоянїи привесть ее въ разсудокъ.

На другїй день, пришедъ къ ней, чтобъ повторить ей мои совѣты, дабы она оставила безпутную свою страсть, нашелъ ее со всѣмъ спокойну, и согласну на всѣ мои разсмотрѣнїя. Толь скорую перемѣну ея чувствїй ни мало не вздумалъ я тогда подозрѣвать, сочтя оное дѣйствїемъ ея размышленїй и страха, дабы не обезславиться такимъ порокомъ, который ото всѣхъ человѣковъ во презрѣнїи находится, и почитается беззаконнымъ. Обрадуяся счастливой сей перемѣнѣ, хвалилъ ее, что

она

она такъ разумно сдѣлала, побѣдя такую страсть, которая кромѣ позора, и безплоднаго мученія, ни чего ей не обѣщала. По томъ, утвердя ее въ мысляхъ сихъ наиболѣе, пошелъ я отъ нее весьма спокоенъ, не предвѣщая себѣ ни какихъ напастей.

Вскорѣ послѣ того женился я на моей любовницѣ. Весь нашъ Дворъ радовался сему браку; ибо первый Министръ всѣми былъ любимъ за добродѣтель свою и правосудіе. День нашего брака торжествованъ былъ со всевозможнымъ великолѣпіемъ: всѣ знатные Бояре приглашены были ко столу, который продолжался до полуночи. По окончаніи онаго препровожденъ я былъ съ молодою моею супругою во брачную комнату, и оставленъ на произволъ любви и нѣжности. Какоежъ было тогда мое веселіе, когда я увидѣлъ себя полнымъ обладателемъ тоя, которая любезнѣе мнѣ была всего на свѣтѣ! Будучи отъ радости внѣ себя, бросился я передъ нею на колѣни; цѣловалъ стократно ея руки, и клялся ей вѣчною вѣрностію. Но въ самомъ жарѣ моихъ восхищеній, застучались у дверей: сей стукъ произвелъ въ моемъ сердцѣ нѣкое устрашительное волненіе: тайный страхъ, и прерваніе удовольствія, вкушаемаго мною тогда, встревожили всю во мнѣ кровь, и произвели во всѣхъ моихъ жилалъ трепетаніе. Подошедъ ко дверямъ спрашивалъ я, кто стучится: на вопросъ мой отвѣтствовано мнѣ тихо, чтобъ я отворилъ дверь; ибо имѣютъ до меня прекрайнюю нужду,

ду, которая не терпитъ ни малѣйшаго медленія. Сіе еще болѣе встревожило меня: я отперъ тотчасъ двери, и увидѣлъ вошедшую ко мнѣ мою сестру.

Я пришла сюда, говорила она мнѣ съ ласковымъ лицемъ, показать тебѣ такую услугу, какую можетъ сдѣлать такая токмо сестра, какова я. По томъ, отведя меня къ сторонѣ, сказала мнѣ, что она принесла такое питье, которое предохраняетъ женъ отъ невѣрности. Симъ напиткомъ, продолжала она, хочу я услужить молодой твоей супругѣ, что предохранитъ ее отъ всякихъ соблазновъ. Пускай она теперь же его выпьетъ, примолвила она, вынимая изъ кармана скляночку, и подавая ее мнѣ; ибо завтра оно ни какого уже дѣйствія имѣть для нее не будетъ. Сказавъ сіе, начала она ласковымъ образомъ принуждать меня, чтобъ я заставилъ мою жену выпить сей напитокъ, предвѣщая мнѣ отъ того непоколебимую ея вѣрность. Сіе лестное обѣщаніе, побужденія ея, и благопристойность съ моея стороны, дабы не огорчить толь ласковыя сестры за ея усердіе ко мнѣ, склонили меня прозьбу ея исполнить; на что и жена моя согласилась.

Сестра моя, видя ее піющую, метала на нее радостные взгляды, кои толковалъ я тогда усердіемъ ея ко мнѣ. Теперь я торжествую! вскричала она по томъ, увидя, что жена моя все допила: напитокъ сей конечно сохранитъ ее отъ вѣчнаго непостоянства; ибо это столь

 лю-

лютый ядъ, что ни какое лѣкарство не можетъ его одолѣть. А чтобъ исполнить все то, продолжала она яростно, чѣмъ я ей должна, такъ вотъ ей мой подарокъ на свадьбу. По сихъ словахъ вонзила она во грудь бѣдныя моея супруги кинжалъ, который она до тѣхъ поръ въ сокрытіи держала. Рвись теперь, мучитель мой! возопила она ко мнѣ въ бѣшенствѣ: и заплати терзаніемъ за то мученіе, которое ты мнѣ причинилъ.

Представь себѣ, Государь! говорилъ мнѣ печально незнакомецъ, каково было тогда мое состояніе? Я думаю, что молнія, низшедшая съ небесъ, не привела бы меня въ такое изумленіе и ужасъ, въ какихъ тогда я находился. На конецъ гнѣвъ, преодолѣвъ всѣ прочія движенія, объялъ меня: я не могъ въ тогдашнемъ состояніи ему воспротивиться, и поразилъ тѣмъ же кинжаломъ лютую мою сестру, которымъ она умертвила несчастную мою супругу. Умри и ты, вскричалъ я ей, беззаконница! и ступай во адъ подъ область фурій, которыхъ ты злобою своею превосходишъ.

На стукъ паденія пораженныхъ, и крикъ нашъ, вошло къ намъ нѣсколько людей, а за ними вскорѣ и родитель мой. Два окровавленные трупа поразили всѣхъ удивленіемъ и страхомъ; а наипаче Богды Хана. Я бросясь предъ него на колѣни, разсказалъ ему все сіе печальное происшествіе; и будучи объятъ горестію и отчаяніемъ, просилъ его лишить меня жизни какъ смертоубійцу. Ахъ! сказалъ мнѣ

мнѣ родитель мой, проливая слезы: ты неповиненъ, хотя и лишилъ жизни свою сестру; всякій братъ этожъ бы сдѣлалъ, увидя погибающую свою супругу. Несчастливъ одинъ твой отецъ, продолжалъ онъ, который и къ беззаконнымъ дѣтямъ не можетъ истребити вдругъ горячности, вселяемыя въ сердца наши природою.

Приближенные Бояре старалися утѣшить какъ родителя моего, такъ и меня; и приказали вынесть вонъ тѣла супруги и сестры моея, дабы не умножать нашихъ сокрушеній печальнымъ симъ зрѣлищемъ. Я препроводя Императора въ спальню, старался его утѣшать, хотя и самъ не въ меньшемъ утѣшеніи имѣлъ нужду. Вся ночь почти прошла во взаимныхъ вздохахъ и стенаніяхъ; на конецъ уже на зарѣ родитель мой успокоился сномъ, что и мнѣ совѣтовали сдѣлать. Я бросился въ постелю не столько для сна, какъ чтобъ отдаться свободнѣе моей горести, которыя тогда ни чѣмъ не могъ я преобороть.

Долго не могъ я заснуть, терзаяся разными ужасными воображеніями: то представляя себѣ плачевную смерть моея супруги, то воображая лютость моея сестры, и мщеніе мое учиненное ей. Въ сихъ мысляхъ постигъ меня сонъ; но не для успокоенія, а для лютѣйшаго моего страданія. Приснилась мнѣ сестра моя въ такомъ точно видѣ, въ какомъ она лѣжала будучи отъ меня пораженна: платье ея было всюду окровавленно, волосы растрепаны, на ли-

цѣ ея присутствовали гнѣвъ и ярость. Она влекла за волосы несчастную мою супругу, испускающую стонъ и вопли, и пронзала ее безпрестанно кинжаломъ. Я бросился къ ней на помочь, и хотѣлъ поразить саблею ея мучительницу, какъ сестра моя поднявшись съ нею на воздухъ: нѣтъ, мучитель мой! вскричала ко мнѣ ярostнымъ и ужасающимъ голосомъ: ты не отнимешъ у меня моея жертвы; но самъ страшись мщенія моего, варваръ! ужасная моя тѣнь повсюду станетъ слѣдовать за тобою, и отомщевать тебѣ мое убійство. По сихъ словахъ вонзила она въ меня кинжалъ, и стала невидима. Сей ударъ такъ меня встревожилъ, что я проснулся, и не опамятовавшись еще со всѣмъ, осматривался гдѣ я раненъ: но не видя ни какого пораженія, опомнился, что это во снѣ мнѣ представилось. Однако же страхъ мой ни мало тѣмъ не уменьшился: я трепеталъ и ужасался, думая, что сновидѣніе сіе грозитъ мнѣ новымъ какимъ ни есть несчастіемъ. Одевшись по скорѣе, пошелъ я къ моему родителю, и объявилъ ему о сей устрашительной мечтѣ. Сонъ мой и его немало воспревожилъ: онъ также думалъ, что мечтаніе сіе заключаетъ въ себѣ тайность; чего ради приказалъ позвать къ себѣ Первосвященника, къ совѣтамъ коего прибѣгалъ онъ обыкновенно во всякихъ недоумительныхъ случаяхъ.

Хейхоамъ, такъ назывался сей Первосвященникъ, по выслушаніи моего сновидѣнія,

объя-

объявилъ причиною онаго неочищенїе мое отъ убїйства; чего ради совѣтовалъ по скорѣе очистить меня по законнымъ обрядамъ, что въ тотъ же день и исполнено было. Но мученїе мое тѣмъ не умалилось; въ наступившую ночь опять сестра моя мнѣ явилась: кляла, терзала меня, и угрожала не давать мнѣ вѣчно покоя. Сей ужасный сонъ, и другїе слѣдовавшїе за нимъ, заставили моего родителя, коему объ оныхъ объявлялъ я и жаловался, приносить моленїя и жертвы; но ни что не могло отогнать отъ меня привидѣнїя. На послѣдокъ стало оно мучить меня уже и на яву, представляясь мнѣ въ ужаснѣйшихъ видахъ. Всѣ способы были употреблены къ его отогнанїю; но ни что не могло освободить меня отъ сего призрака. На конецъ присовѣтовалъ родителю моему Хейхоамъ, чтобъ онъ отпустилъ меня путешествовать, и объѣхать всѣ славныя прорицалищи для истребованїя отъ оныхъ совѣта, какъ освободиться мнѣ отъ устрашающаго меня сновидѣнїя.

По полученїи дозволенїя отъ моего родителя, поѣхалъ я немедленно, и по довольномъ странствованїи, прибылъ я въ Дельфы, желая узнать отъ Аполлона мою судьбу, о коей всѣ боговѣщалищи темно изъяснялись. По очищенїи себя, и по принесенїи жертвы, вошелъ я во храмъ, ожидая отвѣта отъ Пиѳїи, которая, вскорѣ пришедъ за мною, сѣла на священный треножникъ, и наполнясь вдохновенїемъ,

венїемъ, неистовясь и скрежеща, произнесла мнѣ слѣдующее прорицанїе.

Пришелъ ты трепеща, отойдешъ ужасаясь,
И вѣкъ свой повлачишъ среди всегдашнихъ золъ,
Доколѣ не найдешъ, по Индїи скитаясь,
Изъ крѣпкихъ вѣчныхъ розъ блистающїй престолъ.

Сїе пророчество привело меня въ недоумѣнїе: я не зналъ куда ѣхать, и гдѣ искать престола изъ розъ, отъ котораго прорицанїе обѣщало мнѣ помощь; на послѣдокъ, не зная лучшаго средства къ освобожденїю отъ привидѣнїя, предпрїялъ ему повиноваться, и проѣхать всю Индїю для сысканїя обѣщанныя помощи. И такъ, взявъ твердо сїе намѣренїе, выѣхалъ я изъ Дельфъ, принеся еще жертву Аполлону. По томъ прїѣхавъ къ морю, нанялъ я корабль, на которомъ пустился въ море, льстясь надеждою скораго освобожденїя отъ безпрестанныхъ моихъ устрашенїй. Мореплаванїе наше было нѣсколько дней спокойно: но по томъ возстала преужасная буря, которая, продолжаясь болѣе мѣсяца, носила нашъ корабль по своей волѣ, и на конецъ оный разбила. Тогда всякїй изъ насъ старался токмо спасти свою жизнь, какъ кому можно было: я схватилъ доску, которая по счастью моему мнѣ попалась; и держась за нее крѣпко отдался на произволъ волнамъ. Я не помню сколько времени меня носило на морѣ; ибо ужасъ, воспослѣдовавшїй по разбитїи корабля, лишилъ

меня

меня всѣхъ чувствъ; и я опамятовался уже на берегѣ, на который меня выбросило.

Благодаря Небу за сохраненїе моея жизни, пошелъ я оттуду, желая сыскать какое ни будь жилище. По счастїю попалась мнѣ вскорѣ деревня, въ которой я отдохнувъ и укрѣпясь пищею, отправился во ближнїй отъ того мѣста городъ. Приставъ въ ономъ у торгующаго пряными кореньями купца, спрашивалъ у него, не знаетъ ли онъ такого Государя, у коего престолъ сдѣланъ изъ розъ. Нѣтъ, отвѣтствовалъ онъ, объ эдакомъ я не слыхивалъ; хотя и путешествовалъ по всей Индїи. Я спрашивалъ о томъ у другихъ: однакожъ всѣ невѣденїемъ мнѣ отзывались. Сїе безъизвѣстїе лишало меня всея надежды во исканїи моемъ; однако же предпрїятїя своего я не оставилъ, льстясь на послѣдокъ сыскать то, чего искалъ. Долго путешествїе мое продолжалось: ибо, будучи лишенъ кораблекрушенїемъ всего, принужденъ былъ странствовать пѣшкомъ; и на конецъ, по многихъ трудностяхъ, достигъ до сего замка, въ которомъ страданїе мое надѣюсь окончить. Ибо я слышалъ, Государь, примолвилъ онъ, отъ твоего придворнаго, что у тебя находится престолъ изъ розоваго яхонта, на коемъ вырѣзаны цвѣтки, упомянутые прорицалищемъ.

По окончанїи своея повѣсти, продолжалъ Видостанъ, бросился онъ опять мнѣ въ ноги, прося меня о помощи. Я его поднялъ, обнадеживая моею прїязнїю, и обѣщавая употребить

все въ его пользу что только будетъ состоять въ моей власти. Сїе обѣщанїе перемѣнило печальный его видъ въ веселый: онъ просилъ меня по скорѣе ему помочь; ибо ужасное привидѣнїе моея сестры, говорилъ онъ, за всегда лишаетъ меня прїятностей сна: а не рѣдко и на яву меня ужасаетъ. Я согласился охотно на его желанїе: и въ тотъ же часъ взявъ мою книгу, сыскалъ въ ней ту статью, въ коей описаны были заклинанїя на привидѣнїя, и выписавъ пристойное къ его обстоятельству, отдалъ Хитрану, чтобъ употребилъ оное въ оборону отъ привидѣнїя. Хитранъ, поблагодаря меня, просилъ дозволенїя жить въ моемъ замкѣ до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно осводится отъ призрака. Я и на то безо всякаго отрицанїя согласился. Послѣ чего, вышедъ съ нимъ изъ кабинета, представилъ его Полотскому Князю, который находился тогда въ залѣ съ моими придворными. Всѣ его привѣтствовали, и получили отъ него равномѣрныя ласки. Онъ столько намъ разговорами своими понравился, что сочли его всѣ самымъ честнымъ и достойнымъ человѣкомъ всякаго почтенїя; хотя онъ оказался на послѣдокъ обиталищемъ адскїя злобы, и всякихъ беззаконїй.

Остатокъ того дня препроводилъ я съ моими гостями весьма весело, не предвѣщавая себѣ ни какого зла. На другїй день Хитранъ пришедъ ко мнѣ обьявилъ, что онъ все исполнилъ по предписанїю моему, дабы прогнать

при-

привидѣнïе, но ни мало въ томъ не могъ успѣть; и еще болѣе раздражилъ его на себя. Я весьма сему удивился; ибо до тѣхъ поръ книга моя ни когда не обманывала меня во своемъ дѣйствïи. Сïе побудило меня спросить въ томъ изъясненïя у моего кольца, въ которомъ заключенный Духъ отвѣтствовалъ мнѣ нижеслѣдующими словами, произнесенными съ ужасомъ и смятенïемъ.

Брегися, Видостанъ: мечтанïе хоть тщетно,
Но можетъ навлещи напасти непримѣтно;
Храни свою стрѣлу: злодѣй ее дрожитъ:
А привидѣнïе заклятïй не бѣжитъ.

Сïи слова привели меня въ недоумѣнïе: я ни какъ не могъ доразумѣться ихъ смысла: слышалъ, что Духъ совѣтовалъ мнѣ беречься; и въ то же время объявлялъ, что мечтанïе тщетно, и можетъ нанести бѣды; что есть у меня злодѣй; что надобно хранить стрѣлу; и что привидѣнïе отъ заклятïй не бѣжитъ. Сïе побудило меня опять спрашивать у Духа объ изъясненïи его словъ, на что отвѣтствовалъ онъ мнѣ слѣдующее.

Едва мои уста безплодно отверзаю:
Преслушаться его заклятïй не дерзаю;
За рѣчь одну на вѣкъ во адъ могу низпасть.
Страшись его! страшись! ты можешъ самъ пропасть.

Сей отвѣтъ привелъ меня въ пущее недоумѣнïе и ужасъ: гость мой также встревоженъ

женЪ былЪ симЪ отвѣтомЪ; да и причину имѣлЪ кЪ тому. Конечно это, говорилЪ онЪ, не сестра моя представляется мнѣ привидѣнїемЪ, а какая ни будь адская фурїя, испущенная на меня богами за мое смертоубїйство. Я бы не сталЪ тебя, Государь, продолжалЪ онЪ, просить еще о помощи себѣ, слыша и о твоей опасности, ежелибЪ Дельфисское пророчество не обнадежило меня, что ты точно помочь мнѣ можешЪ. Да и по отвѣту твоего Духа видно, что этотЪ злодѣй, то есть привидѣнїе, которое не боится заклятїй, страшится твоея только стрѣлы. И такЪ, сколько для моея, столько же и для твоея собственныя безопасности, надобно это проклятое страшилище прогнать опять во адЪ. Да какЪ же можно это сдѣлать, сказалЪ я ему, когда оно не боится заклятїй? Помощїю твоея стрѣлы, отвѣтствовалЪ онЪ, о коей ДухЪ твой тебѣ говорилЪ. Слова его показалися мнѣ вЪ тогдашнемЪ моемЪ смятенїи довольно справедливыми. Я согласился дѣйствовать моею стрѣлою, противЪ которыя ни какая сила устоять не могла.

Но понеже привидѣнїе являлося ему одному, то я не зналЪ, какимЪ образомЪ ему помочь. КитаецЪ просилЪ меня ввѣрить стрѣлу его рукамЪ на однѣ токмо сутки, обѣщавая прогонить ею свое привидѣнїе, когда оно ему представится. Прозьба его показалася мнѣ справедлива: отдалЪ я ее ему, не воображая себѣ ни какихЪ отЪ того бѣдствїй.

Но

Но едва онъ принялъ ее отъ меня, какъ схвативъ меня въ охапку, топнулъ ногою въ полъ, который отъ того разступился, и бросился со мною въ сїе отверстїе. Во время нашего паденїя, вскричалъ онъ ко мнѣ страшнымъ и сердитымъ голосомъ: на конецъ я торжествую надъ тобою, гордый непрїятель! Познай по дѣйствїямъ симъ Карачуна, котораго ты думалъ побѣжденнымъ тобою: и научись наказанїемъ своимъ почитать сильнѣйшихъ и разумнѣйшихъ тебя.

По окончанїи словъ его, очутились мы въ той пещерѣ, въ коей вы меня нашли. Вотъ какое великолѣпное жилище тебѣ я приготовилъ, сказалъ мнѣ карло насмѣхаясь, прїявъ свой прежднїй видъ: ты въ немъ до тѣхъ поръ будешъ, пока твоя стрѣла возвратится къ тебѣ опять. Проговоря сїе дунулъ на меня, и исчезъ; а я превратился въ тотъ образъ, въ которомъ вы меня нашли: и увидѣлъ себя прикованна къ стѣнѣ, подъ стражею у остова, коего приставилъ ко мнѣ Карачунъ, и которому приказано было всѣхъ тѣхъ умерщвлять, кто ни покусится меня освободить изъ неволи. Вы я чаю примѣтили, говорилъ Видостанъ своимъ гостямъ, что остовъ держалъ мраморную дощечку: на ней было написано заклятїе, удерживавшее мое очарованїе: оно не могло ни чѣмъ разрушиться кромѣ моея стрѣлы. Впрочемъ ни оковъ моихъ, ни остова ни кто не могъ видѣть кромѣ тѣхъ, кои долженствовали принести ко мнѣ сїю стрѣлу.

Пред-

Представь себѣ, государь мой, говорилъ Индѣецъ Свѣтлосану, какое было тогда мое удивленіе, увидя живаго Карачуна, и низверженнаго себя въ бездну, изъ коея не имѣлъ я почти надежды выйтя! Горесть и бѣшенство овладѣли моимъ сердцемъ, что далъ себя обмануть моему злодѣю. Во крайности моей не зналъ я къ чему прибѣгнуть; всѣ способы къ избавленію моему были закрыты; и не оставалося мнѣ ни какія помощи кромѣ моего Духа, находящагося въ моемъ кольцѣ. Я пожалъ оное: ибо симъ образомъ вызывалъ я его изъ кольца. Духъ предсталъ передо мною въ унылом образѣ, ожидая моего приказанія. Я спрашивалъ его сердитымъ и съ печалію смѣшаннымъ голосомъ, для чего онъ допустилъ обмануть меня Карачуну, и не предувѣдомилъ объ его хитрости. Духъ отвѣтствовалъ мнѣ на сіе слѣдующею рѣчью:

Несчастія сего ты самъ себѣ причиной:
Ты легковѣріемъ обманутъ, не судбиной.
Не ясно ли тебѣ отвѣтъ мой объявилъ,
Чтобъ ты стрѣлу свою со тщаніемъ хранилъ?
Злодѣй твой вымыслилъ свое повѣствованье,
Чтобъ лучше получить успѣхъ въ своемъ желанье.
Одна твоя стрѣла причиною была,
Что злость его тебя толь поздно пожрала:
Ее боялся онъ, ее онъ ужасался,
И всѣми силами о томъ одномъ старался,
Чтобъ волей отъ тебя ее себѣ достать,
Не могши кражею сей вещью завладать.

Не

Не можно было мнѣ сказать тебѣ то ясно,
Что посѣщенїе его къ тебѣ опасно;
Едва я вымолвилъ, чтобъ ты стрѣлу хранилъ,
Какъ онъ на мой языкъ оковы наложилъ.
Заклятїя его я долженъ былъ бояться,
Когда ему самъ адъ не смѣетъ противляться.
Теперь молчанїе хранить я свобожденъ;
Уже его обманъ жестокїй совершенъ.
Онъ и менябъ своей подвергъ свирѣпой власти,
Когдабъ не сохранилъ меня отъ сей напасти
Преславный книги сей волшебныя творецъ,
Котору у тебя хотѣлъ похитить льстецъ.
Мой рокъ меня тому лишъ только подвергаетъ,
Кто сею книгою волшебной обладаетъ.
Во вѣки буду я подъ властїю твоей,
Коль самъ не подаришъ кому ты книги сей,
Котора смерть твою теперь останoвляетъ,
И злобу твоего тирана притупляетъ.
Спокойся: скоро ужъ его минется власть:
Ужъ ближится его свирѣпая напасть;
Злодѣйствами его разгнѣванные боги,
Къ погибѣли его устроили дороги.
Младый Ирой и Князь, холодныхъ житель странъ,
Назначенъ сокрушить сей грозный истуканъ.
Тебѣ совѣтую назвать себя Пророкомъ:
Ты можешъ имъ прослыть при знанїи глубокомъ,
Которо мнѣ Судьбамъ угодно было дать,
И коимъ я тебѣ потщуся помогать.
Пророчествомъ къ себѣ ты привлечешъ народы,
И можешъ ожидать отъ нихъ себѣ свободы,
Которую тебѣ тотъ можетъ возвратить,
Кто согласится сей стрѣлою подарить,

Котору погубивъ теперь, ты сталъ несчастенъ,
И надъ которою тиранъ твой нынѣ властенъ;
Но вскорѣ сей стрѣлой престанетъ онъ владѣть.
Престанешъ бѣдствіе и ты сіе терпѣть,
Послушай лишъ сего спасительна совѣта:
Всѣмъ вопрошающимъ отъ устъ твоихъ отвѣта,
Вели себѣ стрѣлу за оный приносить,
Какою кто тебя возможетъ подарить.
Стрѣла твоя однимъ симъ можетъ возвратиться,
И благоденствіе твое возстановиться.

Сіи его слова ободрили унылое мое сердце, и на мѣсто ужаса и отчаянія вселили въ него упованіе и радость. Переспрашивалъ я его не однократно о всемъ томъ, о чемъ онъ мнѣ ни говорилъ. На конецъ, будучи удовольствованъ во всемъ его отвѣтами, вздумалося мнѣ узнать, для чего онъ говорилъ все стихами, а не прозою. На сей вопросъ Духъ мой улыбнулся, и отвѣтствовалъ мнѣ такъ:

Пока еще твоей не преданъ былъ я власти,
Начальникомъ я былъ людей немалой части,
У коихъ за всегда стиховъ исполненъ ротъ,
И для того и самъ я прозванъ Риѳмоглотъ.
Сей родъ людей почтенъ названьемъ стихотворцевъ,
Провозвѣщателей судебъ, порокоборцевъ.
Однакожъ я не тѣхъ начальникъ былъ умовъ,
Которы таинство нашли волшебныхъ словъ,
Свирѣпство укрощать, и претворять въ кройство,
Раздоры прогонять, и водворять спокойство;
Необходительныхъ, свирѣпѣйшихъ звѣрей,
Собрать и укротить, и претворить въ людей.

Влады-

Владычество мое надъ тѣми простиралось,
У коихъ разума на пядь не протягалось,
Которы даръ нашли недумавши писать,
И враками народъ нещадно отягчать;
Гордиться больше всѣхъ прегнусными стихами,
И похулителей ихъ вракъ [illegible]читать скотами,
Достойны сами чѣмъ назваться прежде всѣхъ,
И заглаждать такимъ признанїемъ свой грѣхъ.
Съ такими обходясь жужжащими сверчками,
Привыкъ я говорить на риѳмахъ и стопами,
Въ чемъ также мнѣ моя и должность помогла,
Котора въ пущее ихъ бѣшенство влекла.
Дыханїя мои ихъ кровь воспламеняли,
И мрачную ихъ желчь съ безумьемъ съединяли.
Негодные стихи, и злобу въ ихъ позоръ,
Являло ихъ перо передъ народный взоръ.
Изъ рукъ ихъ ни чего во вѣкъ не выходило,
Которобъ не смѣшно и не поносно было.
Мнѣ должно было ихъ всечастно посѣщать,
И къ разсужденїю ихъ умъ не допущать:
Вселять въ нихъ вздорныя и злыя вображенья,
И возбуждать стихи марать безъ разсужденья.
Но на конецъ ихъ родъ, къ несчастью моему,
Распространился такъ къ позору своему,
Что мѣня въ нищаго, бродягу, крючкотворца,
Попалъ бы ужъ всегда ты прямо въ стихотворца.
Хоть былъ неутомимъ, досуженъ я, и Духъ,
Но сладить не возмогъ съ толпой сихъ гнусныхъ мухъ,
Изъ коихъ многїя, сколь мерзско ни пищали,
Названїе людей великихъ похищали.

За

За небреженіе такое Князь Духовъ,
Другому власть отдавъ надъ шайкой сихъ скотовъ,
Подвергъ меня на вѣкъ несчастной сей судбинѣ,
Въ которой нахожусь невольникомъ я нынѣ.

Повѣсть его весьма меня увеселила: я распрашивалъ его о другихъ разныхъ обстоятельствахъ, на что онъ мнѣ также стихами отвѣтствовалъ. Такимъ образомъ утѣшалъ онъ меня до самаго того дня, въ который вы, ко мнѣ пришедъ, кончили мою неволю возвращеніемъ моея стрѣлы, коею разрушилъ я очарованіе; чему меня научилъ мой Духъ. Что же касается до происшедшаго шума и стука, по изрѣченіи мною нѣкоторыхъ волшебныхъ словъ, оный произошелъ отъ дѣланія Духами колесницы, въ коей вы очутились въ то время, когда исчезла пещера. Вотъ вся моя исторія, о которой хотѣлъ я васъ увѣдомить.

Свѣтлосанъ и Бориполкъ, по оказаніи своего удивленія, возблагодарили его за повѣствованіе; послѣ чего Славенскій Князь спросилъ его о своемъ зятѣ. Ахъ! вскричалъ Индѣецъ, я хотѣлъ было сіе отъ тебя сокрыть, дабы не нанесть тебѣ сокрушенія: я увѣдомился отъ моего Духа, что по несчастіи моемъ пропалъ онъ изъ моего замка; и думаю, что похитилъ его Карачунъ; но впрочемъ Духъ мой въ семъ меня не увѣряетъ, ибо и самъ о томъ не вѣдаетъ, сколько онъ ни проницателенъ; тайна сія и отъ него сокрыта.

Вѣдо-

Вѣдомость сїя весьма опечалила Свѣтлосана, и разрушила его надежду, которую было сперва онъ возымѣлъ. Индїянинъ старался его утѣшить, обѣщавая освѣдомиться о ево зятѣ въ тотъ же день. Въ слѣдствїе чего, взявъ свою книгу, прочелъ въ ней нѣчто: отъ чего возсталъ пресильный вѣтръ, отъ коего отворилися въ кабинетѣ окны. Въ оныя влетѣлъ со превеликимъ шумомъ вихрь, и превратяся въ тужъ минуту въ молодаго крылатаго человѣка, предсталъ предъ Видостаномъ. Индѣецъ, поблагодаря его за поспѣшность, приказалъ ему облетѣть весь кругъ земный, и искать Вельдюзя, коего принесть къ нему въ замокъ, ежели онъ его найдетъ. Вихрь повиновался: а Видостанъ, попрося гостей своихъ слѣдовать за нимъ во столовую комнату, обьявилъ имъ идучи, что посланный имъ есть Духъ, имѣющїй подъ властїю своею вѣтры.

Стѣны столовыя комнаты были украшены живописью, представлявшею Золотое Время. На одной сторонѣ изображена была роща, украшенная плодоносными деревьями, коихъ плодами питалися первые человѣки. Въ сторонѣ видима была не большая горка, усыпанная цвѣтками, и по мѣстамъ украшенная виноградомъ. На сей горкѣ сидѣла чета молодыхъ людей разнаго пола, въ самомъ цвѣтѣ ихъ молодости: положенїе ихъ и лицы изображены были лучше всея картины. Львы и тигры лѣжали у ногъ ихъ, играя съ ягнятами

тами и малыми звѣрками, изъясняя тѣмъ невинность первыхъ временъ. Робкїе зайцы и олени мѣшалися между слоновъ и медвѣдей, не опасаяся отъ нихъ ни малаго себѣ вреда.

Другая стѣна изображала разныя забавы тогдашняго вѣка людей: одни играли на дудкахъ и свирѣлкахъ, другїе пѣли, иные плясали, и возбуждали другъ друга къ непорочному веселїю; нѣкоторые изъ нихъ наслаждалися плодами: а прочїе по уединеннымъ мѣстамъ утопали въ любовныхъ прохладахъ. Малые ребята рѣзвилися также между собою, и съ такими звѣрями, коихъ лютость и самыхъ наихрабрѣйшихъ устрашаетъ нынѣ. Третья стѣна представляла конецъ Золотаго Вѣка, и отшествїе на небеса Астреи; а потолокъ украшенъ былъ изображенїемъ Олимпа.

Видостанъ, приведши въ сїю комнату своихъ гостей, просилъ ихъ сѣсть за столъ, на которомъ, кромѣ приборовъ, и при нихъ книжекъ, ни чего не было. Свѣтлосанъ и Бориполкъ весьма сему удивилися: но пришли въ большее еще удивленїе, когда волшебникъ, сѣвъ съ ними за столъ, просилъ ихъ то кушать, что имъ угоднѣе покажется. Между тѣмъ разогнувъ свою книгу, и прочтя въ ней танѣчто, кинулъ свою тарелку на воздухъ: тарелка исчезла, а передъ нимъ явилось самое прелестнѣйшее кушанье. Я не удивляюсь, говорилъ Индїянинъ своимъ гостямъ, что вамъ приключенїе сїе кажется странно: я нарочно такъ сдѣлалъ, чтобъ васъ удивить, и показать

зать могущество моея власти и знанія. Сіи книги, предложенныя предъ васъ вмѣсто кушанья, содержатъ въ себѣ названія всего того, что вымыслила человѣческая роскошь для напитанія людей богатыхъ. Находятся въ нихъ и такія еще кушаньи и плоды, о коихъ и до сихъ поръ не знаетъ свѣтъ, и не будетъ извѣстенъ. Ежели воображенію вашему понравится которое изъ нихъ, то стоитъ вамъ только прочесть названіе его, и пожелать. Пожалуйте, примолвилъ онъ, сдѣлайте сему опытъ, выбравъ такую пищу, которая вамъ наилучшею покажется.

Свѣтлосанъ и Оруженосецъ его, посмотря во свои книжки, и прочтя имена тѣхъ кушаній и плодовъ, которыя имъ наилучшими показались, пожелали ихъ: въ тотъ самый мигъ пустыя ихъ тарелки исчезли, а вмѣсто оныхъ явились исполненныя того, чего они желали. Прикушавъ онаго, усмотрѣли они, что одно человѣческое искусство не можетъ ихъ столь изрядно приготовить, въ разсужденіи вкуса и вида. Удивленіе ихъ возрастало при каждомъ ихъ пожеланіи. Въ напиткахъ также недостатка не было, и вкусъ ихъ не уступалъ ни мало Нектару, питію боговъ. На послѣдокъ, когда голодъ ихъ и жажда совершенно удовольствовались, тогда Видостанъ ударилъ три раза о столъ рукою: въ тотъ мигъ оный исчезъ, а они очутились въ садовой бесѣдкѣ.

Сколько дворецъ великолѣпіемъ своимъ и богатствомъ привлекалъ вниманіе, столько садъ рѣдкостію деревьевъ и цвѣтковъ, и прочими украшеніями приводилъ въ удивленіе зрителей. Не было въ немъ ни одного простаго дерева: априкозовыя, сѣменичныя, миндальныя, масличныя, персиковыя, и прочія плодоносныя деревья составляли его рощи; кипариссы, лавры, мирты, пальмы, винограды составляли просѣки и чащи; цвѣтники были наполнены всякими наилучшими цвѣтками, какіе только находятся въ поднебесной; истуканы, водометы, бесѣдки и пещеры были наилучшее подражаніе природы, и достопамятность пренія ея со искусствомъ. Однимъ словомъ: вертоградъ сей превосходилъ описанныя стихотворцами Илисійскія поля.

Видостанъ, видя удивленіе своихъ гостей, старался умножить оное, показывая имъ всѣ рѣдкости онаго. Въ самое то время водяные органы, птицы и Дріяды, совокупя свои голосы, составили такое пѣніе, какое человѣческому воображенію невмѣстно. Тьма другихъ разнообразныхъ предметовъ, въ коихъ искусство казалося превосходящимъ природу, приводили Славянъ во пріятное восхищеніе: казалося имъ, что они находятся въ царствѣ Нїи, въ жилищѣ блаженныхъ тѣней, или во прелестномъ обиталищѣ божественныя Лады. И когда старалися они насыщать свои взоры одною привлекавшею ихъ рѣдкостію, то красота

другихъ

другихъ отвлекала къ себѣ ихъ зрѣнїе, и переводила ихъ изъ удивленїя въ удивленїе.

Еще не могли они обозрѣть и сотыя части удивительныхъ украшенїй сего сада, когда вихрь, посланный Видостаномъ искать Вельдюзя, прилетѣлъ къ нимъ неся съ собою желѣзную бочку. Вотъ гдѣ, сказалъ онъ Индїянину, положа свою ношу на землю, вашъ Вельдюзь: онъ заключенъ въ этой бочкѣ; я ее нашелъ на той страшной горѣ, въ кою превращены твои подданные. Сей неожидаемый случай привелъ всѣхъ во удивленїе и ужасъ, кои прїумножилъ еще голосъ, происшедшїй изъ бочки во слѣдующихъ словахъ. Избавь по скорѣе меня изъ сея вѣчныя темницы, великодушный Видостанъ! и возврати мнѣ паки прежднїй мой видъ, котораго лишилъ меня лютый Карачунъ. Избавленїе мое обратится тебѣ самому во превеликую пользу; ибо со освобожденїемъ моимъ соединена врага нашего погибѣль. А сїе тебѣ не трудно учинить: вонзи только, продолжалъ голосъ, волшебную твою стрѣлу въ очарованную сїю бочку, послѣ чего увидишъ такое дѣйствїе, какого ты ни какъ не ожидалъ. Видостанъ не медля ударилъ стрѣлою своею въ бочку, которая въ тотъ же мигъ превратилась въ желѣзную колесницу, запряженную двумя зїяющими пламенемъ саламандрами, кои, ухватя Видостана, бросили въ оную, и помчали съ необычайною скоростїю по воздуху.

 Свѣтло-

Свѣтлосанъ и Бориполкъ при видѣ ужаснаго сего приключенія оцепенѣли: и въ самое то время увидѣли передъ собою малорослаго Еѳіопа, (это былъ Карачунъ,) одетаго пламеннаго цвѣта въ одежду, на коей вышиты были золотомъ знаки небеснаго круга. Вы освободили моего врага, сказалъ онъ имъ грозным голосомъ, и за то должны претерпѣть вѣчное наказаніе. Проговоря сіе, хотѣлъ онъ ударить Свѣтлосана дубиною, коею былъ вооруженъ; но въ самое то время затряся, и премѣня свой грозный видъ на ласковый, сказалъ учтивымъ образомъ Славенскому Князю: Извини меня, Государь, что я осмѣлился испытать твою храбрость. Я вижу теперь, что ни какая напасть поколебать ее не можетъ. Мое намѣреніе было только увѣриться, истинна ли та слава, которая о храбрости твоей носится по всей подсолнечной; и теперь къ удовольствію моему познаю, что она не довольно еще возвеличила твои достоинствы. Къ великимъ людямъ имѣлъ я за всегда почтеніе, присовокупилъ онъ: и всегда старался имъ услуживать; а какъ ты заступаешъ между ними первое мѣсто, такъ прошу мнѣ сказать, чѣмъ могу тебѣ услужить. Не сомнѣвайся, Государь, хотя бы это стоило погибѣли всея вселенны, то и она по желанію твоему въ сей же часъ разрушится.

Удивленный приключеніемъ симъ Князь, не вѣдалъ чему приписать кротость сего страшнаго урода: и во время Карачунова привѣтствія

вѣтствія старался проникнуть сего причину. Думалъ онъ сперва, что ласковость его заключала въ себѣ какую ни есть кознь; но трусость, съ каковою сей злодѣй говорилъ свою рѣчь, склонила его думать, что скрывается затутъ какая ни будь тайность, которая защищаетъ его отъ наглостей сего волшебника. Ободрясь сими мыслями, отвѣтствовалъ онъ Карачуну твердымъ голосомъ, что онъ согласится скорѣе потерять тьмократно жизнь свою, нежели приключить свѣту малѣйшую напасть; а ежели онъ хочетъ ему услужить, то ни чѣмъ ему болѣе удовольствія не сдѣлаетъ, какъ ежели возвратитъ ему его сестру, зятя, и Видостана. Во время Свѣтлосановой рѣчи Карачунъ стоялъ потупясь, какъ будто бы ужасался чего; а при именахъ Милославы, Вельдюзя и Видостана, затрепеталъ пресильно, и произнеся стенаніе исчезъ.

Славяне, избавясь вида сего страшнаго чудовища, ободрились, и принесли благодарность свою богамъ, за толь удивительное ихъ избавленіе отъ предстоявшія опасности. Въ самое то время предсталъ предъ нихъ Духъ во образѣ юноши, одетаго въ лазоревое платье, и вооруженнаго пламеннымъ копьемъ. Познай теперь, говорилъ онъ Свѣтлосану, сколько благочестіе и праведное сердце пріятны богамъ: ни какая сила не избавила бы тебя отъ лютости Карачуновой, еслибъ богобоязливость твоя, и милосердіе къ бѣднымъ и несчастнымъ людямъ, не преклонили боговъ поборствовать

 по

по тебѣ. Но наипаче всѣхъ покровительствуетъ тебя сильный Бѣлбогъ, щедрый заступникъ милостивыхъ и человѣколюбивыхъ людей. Съ младенчества неизмѣняемое твое усердіе къ добродѣтели, склонило его защищать тебя ото всѣхъ напастей. Онъ видя твою опасность, послалъ меня къ тебѣ на помощь: сего пламеннаго оружїя, и претящаго моего взора устрашась Карачунъ, премѣнилъ свое свирѣпство на робость и покорство; и исчезъ для того, чтобъ ты не принудилъ его, спомоществуемъ мною, исполнить твоего приказанїя. Но сїе не первое тебѣ благодѣянїе отъ боговъ: они твою умножили силу и храбрость, возбудили тебя къ путешествїю, послали къ тебѣ сонъ, которымъ увѣдомили тебя о бѣдствїяхъ сестры твоея и зятя; они внушили тебѣ мысль подарить волшебную стрѣлу Видостану, дабы избавя его оною отъ узилища, обрѣлъ ты въ немъ себѣ помощника. Ступай теперь искать твою сестру, которую ты вскорѣ найдешъ, и освободишъ изъ плѣна ея тирана; превозможешъ всѣ препятствїя, и побѣдишъ славно общаго вашего врага. Но при томъ помни всегда, что не инако сїе ты можетъ учинить, какъ удовлетворенїемъ Правдѣ и Добродѣтелѣ. Окончавъ сїе Духъ исчезъ, а Князь и Оруженосецъ его пали на колѣни, и принесли благодаренїе свое Бѣлбогу и прочимъ божествамъ.

По окончанїи молитвы, начали они совѣтоваться, куда имъ ѣхать, и гдѣ искать

Мило-

Милославу; ибо ни Духъ, ни Видостанъ, не открыли имъ о ея пребыванїи. Въ семъ недоумѣнїи согласились они положиться на счастїе. Утвердясь на семъ мнѣнїи, пошли они къ Видостановымъ придворнымъ, чтобъ обЪявить имъ о несчастїи ихъ Государя; однакожъ не сыскали изъ нихъ ни одного, а на мѣсто ихъ нашли толикоежъ число хамелеоновъ, которые, увидя ихъ, старалися имъ всячески изЪяснить свою горесть. Славяне познали изъ сего, что это несчастные Видостановы служители, приведенные непремѣнно Карачуномъ въ сїе жалостное состоянїе. Сей предметъ наипаче умножилъ ихъ горесть. Между тѣмъ не могли они понять, какъ возмогъ Карачунъ пресилить очарованный Видостановъ кабинетъ, который защищалъ, по обЪявленїю Индѣйскаго Государя, весь замокъ и жителей его отъ всякаго непрїязненнаго нападенїя. Сїя причина возбудила въ нихъ любопытство пойти въ кабинетъ, и посмотрѣть, нѣтъ ли въ немъ какїя перемѣны. Сомнѣнїе ихъ было правильно: блестящїя янтарныя писмены на стѣнахъ кабинета были черны какъ уголь: и всѣ вещи находившїяся въ ономъ были похищены. Сїе жалкое зрѣлище опечалило еще болѣе Славянъ: они подумали тогда, что прїятель ихъ погибъ невозвратно. Соболѣзнованїя сїи продержали ихъ долго въ семъ зданїи; на конецъ, по довольномъ сѣтованїи, опредѣлили они, ища Милославу и Вельдюзя, стараться помочь и Видостану, ежели еще можно будетъ подать ему

какое споможенїе. Послѣ того пошли они сыскать своихъ коней, которые также перенесены были въ Видостановъ замокъ: осѣдлавъ оныхъ, и запасшись на дорогу съѣстнымъ, выѣхали они изъ замка; и принеся молитвы богамъ, и учиня обѣты, дали конямъ своимъ на волю ѣхать туда, куда они захотятъ.

Чрезъ нѣсколько дней путешествїя своего ни какимъ приключенїемъ не были они встревожены. Путь ихъ продолжался по степямъ и лѣсамъ, коими замокъ Видостановъ былъ окруженъ. На послѣдокъ въ одинъ день застигла ихъ ночь въ густомъ миртовникѣ, по срединѣ коего былъ небольшїй лужокъ. Свѣтлосанъ и Борилолкъ слѣзши со своихъ коней, и разсѣдлавъ оныхъ, пустили ихъ на лугъ; а сами поужинавъ, и помолясь богамъ своимъ покровителямъ, и защитникамъ тѣхъ мѣстъ, отдалися во объятїя Морфеевы для полученїя силъ къ дальнѣйшему путешествїю.

При окончанїи первыя стражи сонъ ихъ былъ прерванъ печальнымъ и ужасающимъ пѣнїемъ: Славяне встали, и осматриваяся на всѣ стороны, дабы увидѣть откуду оное происходило, усмотрѣли они сквозь деревья сїянїе многихъ пламенниковъ. Странное сїе приключенїе возбудило въ нихъ любопытство узнать онаго причину. Взявъ свое оружїе, пошли они къ тому мѣсту, откуду происходилъ свѣтъ: подошедъ къ оному, увидѣли они торжественное шествїе жрецовъ, и нѣсколькихъ послѣдователей за ними; въ рукахъ

у

у всѣхъ у нихъ были свѣчи и пламенники. По срединѣ сея толпы шелъ человѣкъ въ бѣломъ одѣянїи, и въ вѣнкѣ изъ цвѣтковъ: руки у него были загнуты на задъ и связаны. Печальный его видъ и воздыханїя, и прочїе признаки, показывали его осужденнымъ на жертвоприношенїе, что и не ложно было. За сею жертвою несены были препоясанїе и мечъ, украшенныя золотомъ и дорогими каменьями; по томъ веденъ былъ конь, на коемъ лѣжало Варяжское платье и оружїе.

Свѣтлосанъ и Оруженосецъ его, дивяся странному сему позорищу, и желая узнать его окончанїе, шли за нимъ до того времени, пока шествїе остановилося при нѣкоторой пещерѣ, въ коей, по освѣщенїи ея, увидѣли они великолѣпную гробницу, а на оной истуканъ, представлявшїй молодаго Индїянина. Передъ гробницею стоялъ украшенный цвѣтками жертвенникъ. Жрецы вошедъ въ пещеру, и положа на жертвенникъ дрова, развели огонь: окурили истуканъ благовонїями, окропили пещеру и предстоявшихъ священною водою, поя между тѣмъ имны въ честь богамъ. По томъ Первосвященникъ, взявъ осужденнаго на жертву, привелъ къ жертвеннику, и поставовя предъ онымъ на колѣни, прочелъ надъ нимъ молитвы, окропилъ его чистительною водою, и окуря благоуханїемъ, вознесъ жертвенный ножъ, чтобъ имъ пронзить его. Тогда Свѣтлосанъ, исполненъ будучи человѣколюбїя и

желанія спасти сего неповиннаго, бросился ко жрецу, и вырвалъ у него ножъ.

Сіе великодушное его дѣйствіе привело жрецовъ, и народъ пришедшій съ ними, въ великое смятеніе: первое по тому, что они его не примѣтили, и не ожидали отъ него такого нападенія; второе, что сочли сіе дѣло ужаснѣйшимъ злочестіемъ; чего ради во превеликой ярости бросились на него всѣ съ кинжалами. Свѣтлосанъ ни мало не устрашась ихъ свирѣпства, обнажилъ свой мечъ въ сопротивленіе имъ, и началъ отвращать нападенія ихъ безчисленными ударами; при чемъ присовокупился къ нему и Борисполкъ. Не много стоило имъ труда разогнать сію кровожадную толпу, изъ коея перерубили и переранили они большую часть.

Оставшись побѣдителями, первое ихъ стараніе было, чтобъ разрѣшить отъ узъ осужденника, который, получа свободу, палъ имъ въ ноги, и приносилъ свою благодарность наичувствительнѣйшими словами. По изъясненію его узналъ Свѣтлосанъ, что онъ Варягъ, чего ради почувствовавъ къ нему большую пріязнь, по причинѣ сосѣдства ихъ Земель, и нѣкоторымъ образомъ единоплеменства, спросилъ у него, кто онъ таковъ, и какимъ образомъ попался въ руки сихъ свирѣпыхъ людей? Варягъ съ охотою согласился въ томъ его удовольствовать, и началъ повѣсть свою слѣдующимъ образомъ.

При-

Приключенія Русовы.

Я называюсь Русъ, отечество мое Винетта; родитель мой пріобрѣлъ себѣ въ семъ городѣ довольную славу, обучая молодыхъ людей словеснымъ наукамъ; наипаче всего искусенъ онъ былъ въ Исторіи, которая вселила въ меня охоту ко странствованію. Я просилъ дозволенія у моего отца путешествовать: но онъ, имѣя во мнѣ одного у себя сына, не хотѣлъ на то ни какъ согласиться; однакожъ желанія моего ни мало тѣмъ не уменьшилъ. Я вознамѣрился уѣхать отъ него тайно, что и учинилъ, запасшись деньгами, кои у него похитилъ.

Сей кражѣ, и недозволенію родителя моего на тайный мой побѣгъ, приписываю я всѣ несчастія, которыя со мною по томъ случились. По выѣздѣ моемъ изъ Винетты пустился я на передъ во Славенскъ, оттуду въ Кіево владѣніе, по томъ въ Земли Чеха и Леха, а на конецъ во Грецію. Въ сей странѣ пробылъ я довольное время, не болѣе для пріятности сея Земли, какъ для наученія себя словеснымъ наукамъ. Нашелъ я въ ней довольно разумныхъ людей, однакожъ не менѣе и глупцовъ, изъ коихъ одинъ принудилъ меня оставить сію страну, славную седмью Мудрецами. Оттуду пробрался я въ Вавилонъ, и принужденъ былъ въ семъ городѣ быть мертвымъ, со прочими ево жителями, немалое время. Сіе непремѣнно вамъ странно покажет-

ся, примолвилъ русъ, великодушные мои избавители: и для того разскажу вамъ объ этомъ приключеніи, пропущая другія маловажныя, дабы не наскучить вамъ моею повѣстью.

Государь сея страны назывался Варaранъ: онъ, будучи человѣкъ молодый, жертвовалъ не рѣдко любви: Сераль его содержалъ въ себѣ болѣе трехъ сотъ красавицъ; но наипаче всѣхъ одна полоненная Италіянка привлекла на себя его взоры, и владычествовала надъ нимъ болѣе, нежели онъ надъ своими подданными. Она была маленькое его божество, коего прихотямъ жертвовалъ онъ всѣмъ: дѣлалъ для нее безпрестанныя пиршествы, маскарады, концерты, всенародныя игры, и проч. Словомъ, не было такого увеселенія, какого бы онъ для нее не выискалъ, хотябъ оно стоило годовыхъ его доходовъ.

Нѣкогда сей Владѣтель, въ день ея именинъ, представилъ народу позорище, на коемъ и самъ присутствовалъ съ нею: великолѣпіе онаго привлекло великое множество народа отовсюду. Всѣ устремили на него свое вниманіе; но въ самомъ жарѣ онаго разрушило его ужаснѣйшее приключеніе. Вдругъ появилось на небѣ густое облако, которое летѣло по оризонту съ необыкновенною скоростію: поровнявшися съ позорищемъ начало оно спущаться на землю, и вдругъ развернувшись, представило нашимъ глазамъ самаго гнуснаго карла, одѣтаго въ великолѣпную и странную одежду. Пока сіе явленіе, объявъ всѣхъ умы, привлекало на себя

себя народные взоры, въ то время карло, принесенъ будучи облакомъ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Варaранъ со своею любовницею, схватя ее поднялся съ нею на воздухъ, произнеся многія ругательствы и насмѣшки Персидскому Государю. Язвительныя его слова, и похищеніе любовницы, утушивъ страхъ и удивленіе въ Варaранѣ, возбудили въ немъ великій гнѣвъ: схвативъ у одного изъ стражей копье, поразилъ онъ имъ карла въ лядвію; чему послѣдуя придворные и народъ, начали въ него бросать всѣмъ тѣмъ, что кто имѣлъ въ рукахъ. Сіе нападеніе столь разъярило воздушнаго путника, что онъ обратилъ насъ всѣхъ въ камни, а городъ со всѣмъ уѣздомъ во степь: сказавъ при томъ, что по тѣхъ поръ не отдѣлимся мы отъ земли, и не получимъ прежняго своего вида, пока не снимешъ кто съ Варaрана, обращеннаго также въ зѣленый камень, голыми руками ядовитыя жабы, родившіяся отъ плевка, изверженнаго симъ гнуснымъ волшебникомъ на Персидскаго Владѣтеля. Но сего вы вѣчно не дождетесь, примолвилъ карло; ибо сего не можетъ учинить одна человѣческая сила.

Да и дѣйствительно осталися бы мы на вѣкъ въ семъ горестномъ состояніи, ежелибъ не послали боги къ намъ избавителя, которому сіе стоило, я чаю, жизни; ибо когда онъ сорвалъ съ Варaрана жабу, то оная, превратяся въ великаго слона, унесла его тотчасъ у насъ изъ вида. Варaранъ и подданные его,

получа

получа прежній свой образъ, принесли общую благодарность богамъ; а избавителю своему въ честь воздвигли золотый изваянъ; ибо ни чѣмъ другимъ кромѣ сего не могли они засвидѣтельствовать ему своея благодарности.

Ахъ! вскричалъ при сихъ словахъ Свѣтлосанъ: это былъ несчастный мой зять, который, возвратя вамъ жизнь, лишился можетъ быть своея отъ лютаго Карачуна. Сїе восклицанїе вселило въ Руса любопытство: онъ просилъ Славенскаго Князя разсказать ему о себѣ, кто онъ таковъ. Свѣтлосанъ, увѣдомя его о томъ въ короткихъ словахъ, просилъ его доканчивать свою повѣсть, на что Русъ съ охотою согласясь, продолжалъ ее слѣдующимъ порядкомъ.

Получивъ паки жизнь, старался я по скорѣе выѣхать изъ Персїи, опасаясь вторичнаго превращенїя. Слыша много похвальнаго объ Индїи, поѣхалъ я въ нее, желая узнать о странѣ сей обстоятельно. Объѣзжая многїя мѣста достойныя любопытства, наѣхалъ я на конецъ на такое, которое паки лишило было меня жизни. Нѣкогда въ весьма жаркїй день, проѣзжая лавровую рощу, захотѣлось мнѣ подъ тѣнїю ея отдохнуть: чего ради привязавъ моего коня къ дереву, легъ самъ на траву, и отдыхая на ней нечаянно заснулъ. Въ самомъ почти началѣ моего сна, пробудился я отъ рева и треска вѣтвей: проснувшись увидѣлъ я, что преужасныя величины барсъ нападалъ на моего коня, который отъ него всѣми силами отби-

отбивался. Желая помочь ему, и себя спасти отъ опасности, схватилъ я копье, и поразилъ имъ хищнаго звѣря, коего удвоившаяся тѣмъ ярость обратилась на меня. Сколько храбрость и досужство мое ни употреблялъ я себѣ въ помощь, однакожъ не возмогъ себя защитить ото всѣхъ его нападенiй; и на послѣдокъ непремѣнноб стал его жертвою, еслибъ не помогъ мнѣ Левсилъ, славный страны тоя волшебникъ, который случился тогда на ловлѣ подлѣ самаго того мѣста. Барсъ былъ тотчасъ убитъ, а я отнесенъ въ его замокъ для излѣченiя отъ ранъ.

Искусствомъ его былъ я въ тотъ же день отъ оныхъ освобожденъ; и хотѣлъ было отъ него поѣхать, принесши на передъ мою благодарность за споможенiе ево; однакожъ былъ имъ удержанъ. Видъ мой и образъ моихъ изъясненiй столько ему понравились, что захотѣлъ онъ меня имѣть при себѣ вѣчно, и раздѣлять со мною всѣ выгоды своего состоянiя; а я видя ево къ себѣ прiязнь, и полюбя его также, согласился на то охотно. На послѣдокъ поопознавшись болѣе, и сдѣлавшись тѣсными прiятелями, не стали мы скрывать другъ отъ друга ни чего: я ему разсказалъ мои приключенiя, а онъ мнѣ свои, кои состояли во слѣдующемъ.

Природою былъ онъ Арменинъ, и сынъ богатаго купца; искусству волхвованiя научился онъ отъ своея бабки, которая была родомъ изъ Египта. Оставшись послѣ отца

своего

своего весьма молодъ, получилъ онъ богатое наслѣдство, и употребилъ его на изученіе себя совершенно кабалистикѣ, для которыя странствовалъ онъ по всѣмъ частямъ свѣта; и досталъ себѣ помощію ея преудивительныя вещи, изъ коихъ препоясаніе и мечъ, которыя вы здѣсь видите, были всего важнѣе. Прибывъ въ Индію, и проѣзжая тѣми мѣстами, въ которыхъ на послѣдокъ построилъ себѣ замокъ, влюбился онъ по случаю въ Нимфу, увидѣвъ ее спящую подлѣ источника, мимо коего проѣзжалъ. Пріятный его видъ и ласки, къ чему можетъ быть наиболѣе послужило его искусство, склонили ее скоро на его желаніе, съ такимъ при томъ условіемъ, чтобъ онъ женился на ней, и остался жить въ той странѣ; ибо она ее оставить не хотѣла. Левсилъ на все съ радостію согласился: женился на ней, и построилъ великолѣпный замокъ по близости отъ того мѣста, гдѣ обитала прежде Нимфа.

По любви ихъ и согласію надлѣжало жизни ихъ продлиться во вѣкъ благополучною: любили они другъ друга какъ любовники, искренни были какъ друзья, и вѣрны какъ супруги. Левсилъ открылъ ей всѣ свои таинствы, и сдѣлалъ ее столькожъ искусною въ чернокнижіи сколько былъ и самъ. Согласіе ихъ и любовь можнобъ было поставить примѣромъ, ежелибъ они жили въ нынѣшніе вѣки; а въ древнія времена оныхъ довольно было. Жизнь свою провождали они въ безпрерывныхъ

весе-

веселїяхъ и забавахъ: всякая малость дѣлала имъ удовольствїе; однимъ словомъ, вѣкъ бы ихъ пролетѣлъ какъ одна минута еслибъ ненависть и злоба лютаго волшебника не дала имъ почувствовать горестей сего мїра.

Волшебникъ сей былъ Карачунъ, и самый тотъ, который превратилъ Варарана и всѣхъ его подданныхъ въ камни. Онъ былъ весьма влюбчивъ и корыстолюбивъ: всѣхъ прекрасныхъ женщинъ похищалъ онъ во свой Сераль, а дорогїя и рѣдкїя вещи собиралъ отовсюду во свои сокровищи. Объ этомъ извѣстился я отъ Левсила; ибо онъ по причинѣ съ нимъ ссоры, и также по искусству своему зналъ объ немъ обстоятельно. А ненависть его навлекъ онъ на себя отъ слѣдующаго приключенїя.

Построивъ свой замокъ, и желая великолѣпнымъ образомъ торжествовать свой бракъ съ Нимфою, позвалъ Левсилъ на оный всѣхъ знаемыхъ ему волшебниковъ, которые одарили новобрачныхъ рѣдкими и важными вещами по ихъ наукѣ. Свадьба ихъ торжествована была великолѣпно и весело: уже сопиршествующїе, наполнившись виномъ, запѣли пѣсню въ честь новобрачнымъ, и утопая въ веселїи ни о чемъ иномъ не помышляли кромѣ роскоши, какъ вдругъ огненный клубъ, провождаемый громомъ и молнїями, влетѣвъ къ нимъ въ комнату, пресѣкъ ихъ восхищенїя, и обратилъ на себя взоры всѣхъ.

Это былъ Карачунъ: сдѣлавшись изъ огня человѣкомъ, подошелъ онъ къ Левсилу, и сказалъ ему съ надмѣннымъ и насмѣшливымъ видомъ: Я очень сожалѣю, что ты сочелъ меня ниже всѣхъ, и не удостоилъ меня имѣть своимъ гостемъ; однакожъ, я чаю, ты вѣдаешъ, что знанїе мое и власть могутъ поколебать вселенную, и съ самымъ твоимъ замкомъ. Милостивый государь! перехватилъ рѣчь ево Левсилъ: это не отъ презрѣнїя произошло; а отъ того, что я, не имѣя чести быть тебѣ знакомъ, не осмѣлился тебя прозьбою моею трудить, не надѣяся при томъ, чтобъ ты удостоилъ меня своимъ посѣщенїемъ. Извиненїе не худо вздумано: вскричалъ Карачунъ; однако уже поздно, да и несправедливо; по тому что я и не званый сюда прїѣхалъ, дабы доказать тебѣ, что я не гордъ и не сердитъ. Левсилъ, спомоществуемый прочими волшебниками, старался всячески предъ нимъ извиниться; [illegible] на послѣдокъ, казалось, умягчилъ его совершенно, какъ то изъявлялъ тогда Карачунъ притворнымъ своимъ видомъ.

Левсилъ посадилъ его въ первое мѣсто, а прочїе гости сѣли по своимъ. Веселїе опять повсюду разлилося, и всякъ думалъ объ одномъ винѣ и пированїи. Карачунъ также показывался слѣдующимъ общему желанїю; однакожъ непрестанно задумывался, по часту взглядывая на Нимфу. Прочїе, бывъ отягощены виномъ, сего не примѣчали; но Левсилъ будучи трезвъ, и прїемля въ томъ больше всѣхъ участїя,

стія, не пропускалъ ни одного его взора, коихъ частые и страстные обороты увѣрили его вскорѣ, что онъ имѣетъ себѣ въ немъ соперника. Чего ради получивъ на него подозрѣніе, предпріялъ его остерегаться, опасаяся отъ него себѣ нападенія. Однакожъ Карачунъ, сколько былъ ни дерзостенъ, не отважился ни чего тогда предпріять при собраніи волшебниковъ, коихъ совокупная сила превышала его могущество. Чего ради, по окончаніи стола, поблагодаря съ притворною ласкою Левсила, поднялся на воздухъ, и исчезъ отъ всѣхъ въ минуту.

Левсилъ оставшись одинъ со своими гостями, изъяснилъ имъ свои подозрѣнія на Карачуна, и просилъ ихъ всѣхъ помочь себѣ въ такомъ опасномъ для него обстоятельствѣ. Волшебники, будучи имъ угощены, охотно согласились на ево прозьбу, и сдѣлали между собою совѣтъ, какимъ образомъ отвратить отъ новыхъ супруговъ нападенія Карачуновы. По довольномъ ихъ о томъ разсужденіи, придумали на конецъ сдѣлать такое ожерелье для Левсиловой жены, что когда она будетъ имѣть его на себѣ, то всякъ, кто бы къ ней ни прикоснулся, ожжется отъ нее такъ какъ отъ раскаленнаго желѣза. А чтобъ и мужъ ея не претерпѣлъ тогожъ, прикасаяся къ ней, то положили сдѣлать ему золотую цепь, на которую повѣсить изъ таковагожъ металла Талисманъ, на коемъ начертанныя волшебныя

 слова

слова учинятъ прикосновенiе его къ Нимфѣ невреднымъ.

Выдумка сiя весьма показалась новобрачнымъ: они просили волхвовъ исполнить ее по скорѣе самымъ дѣломъ, что они и учинили совокупными силами въ тотъ же часъ, и вооружили ими молодыхъ супруговъ. Послѣ чего, по учиненiи съ обѣихъ сторонъ учтивостей, разстались. Волшебники разъѣхались по своимъ жилищамъ, а новобрачные отдалися въ объятiя любви и сна.

Карачунъ, заразясь любовiю къ Нимфѣ, предпрiялъ ее похитить: въ слѣдствiе чего, вооружася всѣми своими силами, и полетѣлъ къ нимъ подъ вечеръ, уповая ихъ исплошить, и найти неспособными къ оборонѣ. Видъ принялъ онъ на себя седмиглавыя идры, дабы страшнѣе показаться: и въ семъ образѣ примчался въ Левсиловъ замокъ.

Молодые супруги находились тогда въ саду наслаждаяся прiятностiю воздуха, а болѣе своими нѣжностями. Малорослый чародѣй, увидя ихъ въ семъ расположенiи, воскипѣлъ сильнѣйшею завистiю, и бросился на Нимфу, дабы ее похитить изъ рукъ нѣжнаго ея супруга. Но лишъ только прикоснулся къ ней, то взревѣлъ какъ Лѣшiй, будучи уязвленъ пламенемъ, происшедшимъ отъ волшебнаго ожерелья, которое на ней было. Въ ярости своей хотѣлъ было онъ растерзать Левсила, думая что онъ сему былъ причиною: но Арменинъ, имѣя на себѣ волшебное препоясанiе и

мечъ,

мечъ, коихъ силѣ ни что не могло противиться, поразилъ его симъ оружіемъ, и отсѣкъ ему одну голову, что такъ взбѣсило Карачуна, что бросясь всѣмъ своимъ тѣломъ на Левсила, хотѣлъ его разорвать въ куски; но получа еще себѣ ударъ, который лишилъ его другія головы, принужденъ былъ ярость свою удержать, и прибѣгнуть къ отступленію. Чего ради принявъ прежній видъ, и спомоществуемъ будучи злыми Духами, поднялся на воздухъ, крича при томъ Левсилу: Ты побѣдилъ теперь, бездѣльникъ! однакожъ не долго станешъ гордиться своимъ злодѣйствомъ: праведная моя месть вскорѣ тебя накажетъ, и увѣритъ тебя, что Карачунъ больше имѣетъ силы Арменина.

Левсилъ, будучи ободренъ своею побѣдою, смѣялся его угрозамъ; однакожъ положилъ съ тѣхъ поръ за всегда ходить въ семъ спасительномъ препоясаніи, и имѣть при себѣ мечъ; а супругѣ своей совѣтовалъ носить также за всегда ожерелье. На ночь заграждалъ онъ свою спальню волшебными словами, коимъ научили его волхвы; а днемъ защищалъ его мечъ; и такъ ото всѣхъ сторонъ находился онъ безопасенъ отъ Карачуна. Но отъ чего не можно ему было ожидать несчастія, отъ того оно ему приключилось: то есть отъ меня, отъ наилучшаго ево пріятеля. Симъ именемъ могу я величаться: ибо подлинно былъ я ему искренній другъ, и причинилъ ему бѣдствіе не съ умысла, но будучи обманутъ кознями лютаго Карачуна.

Вскорѣ послѣ побѣды моего друга надъ симъ чародѣемъ прiѣхалъ я въ Индiю, и вошелъ въ Левсиловъ замокъ объявленнымъ мною образомъ. Подружась съ симъ любезнымъ человѣкомъ, не отставалъ я отъ него ни на минуту, такъ какъ и онъ отъ меня. Всѣ увеселенiя, какiя можно было найти въ замкѣ, служили къ нашему удовольствiю: чаще всего ѣздили мы на охоту, кою весьма страстно любилъ мой прiятель, и которая на послѣдокъ учинилась намъ бѣдственна; а наипаче Левсилу.

Нѣкогда будучи на оной, и гоняя довольное время звѣрей, разбилися мы всѣ по разнымъ мѣстамъ: иный гонилъ изъ насъ вепря, тотъ барса, а мнѣ попался олень, какого ни я и ни кто другiй отъ рода не видывалъ. Роги у него были золотые, ноги желѣзные, на шѣѣ блистало жемчужное ожерелье, въ ушахъ бралiянтовыя серги, а станомъ столь былъ пригожъ, что не всякiй бы живописецъ могъ вѣрно положить на картину его красоту. Таковый удивительный олень всякаго бы зрителя склонилъ ко вниманiю; а я такое почувствовалъ желанiе къ овладѣнiю имъ, что поскакалъ за нимъ въ тужъ минуту, и положилъ не возвращаться прежде, пока его не поймаю или не застрѣлю. Мнѣ весьма хотѣлось похвастаться передъ Левсиломъ сею добычею, каковыя не случалось ему ни когда и видать.

Въ сихъ мысляхъ проскакавъ за нимъ довольное время по долинамъ, горамъ и лѣсамъ, пригналъ его на послѣдокъ къ весьма крутой

и

и каменистой горѣ, въ коей находилось множество пещеръ. Въ одну изъ оныхъ вбѣжалъ гонимый мною олень: а я надѣясь способнѣе его въ оной поимать, оставилъ мою лошадь, и вошелъ за нимъ въ пещеру. Она раздѣлялась на другïе многïе вертепы, въ коихъ заблуждая нѣсколько времени, увидѣлъ я на конецъ въ недалекомъ отъ меня разстоянïи свѣтъ, и блистанïе металловъ и камней. Побуждаясь любопытствомъ пошелъ я туда, откуду зрѣнïе мое они поражали: чѣмъ ближе я къ нимъ подходилъ, тѣмъ болѣе они увеличивались; и на послѣдокъ, по приближенïи моемъ туда, представилась моимъ глазамъ великолѣпная зала, украшенная серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Освѣщена она была многими хрустальными паникадилами, отъ которыхъ сïянïе разливалося повсюду. На противу дверей стоялъ престолъ изъ чистаго золота, усыпаннаго бралïянтами: на немъ сидѣла дѣвица въ бѣлой розами усѣянной одеждѣ. Красота ея столь была велика, что затмевала всѣ украшенïя находившïяся въ пещерѣ. Руки и ноги ея скованы были алмазными цепями, кои прикрѣплены были ко престолу.

Сïе удивительное зрѣлище столько меня поразило, продолжалъ Русъ, что я пришедъ въ изумленïе, и въ нѣкоторый родъ боязни, не могъ ни одного выговорить слова, и только что смотрѣлъ на окованную красавицу. Она первая перервала молчанïе: ты удивляешся,

русъ, сказала она мнѣ, сему чудному позорищу; но еще болѣе удивишся, когда узнаешъ мою исторїю. Я Царская дочь: въ несчастное сїе состоянїе приведена я Карачуномъ: онъ меня похитилъ отъ моего родителя, и заключилъ во свой Сераль, желая имѣть меня своею любовницею. Всѣ богатствы свѣта отдавалъ онъ въ мою власть: все хотѣлъ покорить моей волѣ; но ни чѣмъ не возмогъ снискать склонности моея къ себѣ. Угрозы его также ни мало не подѣйствовали надо мною; ибо способомъ нѣкотораго моего знанїя въ кабалистикѣ, умѣла я отвращать всѣ его насильствы. Сїе столько его огорчило, что заключа меня въ вертепѣ, оковалъ сими волшебными цепями, коихъ ни что пресѣчь не можетъ, кромѣ волшебнаго Левсилова меча; и ни кто другїй кромѣ тебя. Первому причиною заклятїе Карачуново, а другому мое соизволенїе, продолжала она закраснѣвшись. Ты вина сея моея неволи, жестокїй! для тебя я презрила Критскаго Царя, для тебя возгнушалась Карачуномъ, и ввержена въ сїи оковы. Вспомни Лакедемонъ, и въ немъ несчастную Царевну Горїаду, на которую зрѣнїе твое навлекло на тебя отъ ревниваго моего жениха нѣсколько ударовъ, и принудило тебя оставить Грецїю. Я самая та Горїада прельщенная тобою: я за тебя поссорилась со Критскимъ Царемъ; и будучи по томъ похищена Карачуномъ, отвергла его предложенїе, и осуждена за то въ вѣчную неволю. Терзаяся любовїю

бовїю къ тебѣ всякїй часъ, послала я искать тебя по всѣмъ мѣстамъ сего оленя, сотвореннаго моимъ искусствомъ, который и привелъ тебя въ сїю пещеру. Теперь желанїе мое исполнилось: я вижу тебя; а о любви твоей ко мнѣ стану судить по твоему отвѣту. Но знай на передъ: ежели ты изъ оковъ моихъ меня освободишъ, то Карачунъ тебѣ мстить не будетъ; онъ мнѣ клялся въ этомъ, заключая меня въ цепи, княземъ Духовъ и всѣми богами. Сверхъ того будешъ ты обладать вѣчно мною, ежели только любовь моя тебѣ прїятна; будешъ царствовать со мною на престолѣ, и поведешъ спокойную и прїятную жизнь въ моихъ объятїяхъ. По сихъ словахъ она умолкла, ожидая моего отвѣта.

А я, будучи пораженъ прелестями ея и словами, пришелъ въ пущее недоумѣнїе, и не зналъ что говорить. Сердце мое наполнилось снова къ ней любовїю, которую почувствовалъ я въ Лакедемонѣ: а удовольствїе, слыша ея къ себѣ любовь, и лестныя ея обѣщанїя, помутили всѣ мои мысли. Въ восторгѣ моемъ бросился я предъ нею на колѣни, и будучи внѣ себя схватилъ ея руку, и, цѣлуя ее страстно, вскричалъ: Ахъ, прекрасная Горїада! возможно ли, чтобъ Русъ былъ столько счастливъ? и льзя ли, чтобъ наипрекраснѣйшая особа въ свѣтѣ удостоила толь бѣднаго человѣка почтить своимъ взоромъ, и согласилась для него претерпѣвать напасти? Нѣтъ! я скорѣе самъ тьмократно умру, нежели допущу

пущу тебя страдать еще въ семъ подземномъ жилищѣ. Но, ахъ! желанїе мое освободить тебя есть больше, нежели способы его исполнить. Мечъ, отъ коего, по словамъ твоимъ, зависитъ твое освобожденїе, въ рукахъ у Левсила, моего прїятеля, который, какъ я ему ни другъ, не смѣетъ и мнѣ его ни на минуту повѣрить, опасаяся Карачуна, лютаго твоего похитителя, который безпрестанно ищетъ случая его исплошить безъ волшебнаго сего меча.

Какъ! перехватила Горїада, когда я для тебя презрила Царя, лишилася всѣхъ утѣхъ свѣта, подверглася съ радостїю вѣчнымъ оковамъ, ты не находишъ тогда средства освободить меня отъ узъ; отрѣкаешся быть моимъ супругомъ, и сидѣть со мною на престолѣ? Неблагодарный! Сего ли отъ тебя я ожидала? Таковыя ли цѣны горячность моя стоитъ? Я бы для освобожденїя твоего, изъ подобнаго несчастїя, предала жизнь мою всѣмъ мученїямъ: пожертвовала бы тебѣ отцемъ, матерью, всѣмъ моимъ родомъ, и наилучшею моею прїятельницею. Ты не находишъ средства освободить меня, и для того только, что твой прїятель обладаетъ симъ мечемъ, и что онъ тебѣ не ввѣритъ его опасаясь Карачуна. Я согласна на сїе; но развѣ нѣтъ другихъ способовъ его получить? Не ужели ты не находишъ въ себѣ столько досужства, чтобъ похитить его тайно для спасенїя тоя, которая тебя обожаетъ? Ахъ! Государыня, вскричалъ я, могу

ли

ли я сїе учинить не подвергая себя презрѣнїю всего свѣта, отваживая моего прїятеля нападкамъ Карачуновымъ? Нѣтъ, перехватила окованная красавица, себя ты презрѣннымъ не учинишъ, избавляя отъ вѣчныя темницы несчастную Царевну, тебя любящую, и впадшую для тебя въ толь недостойное состоянїе своего сана. Жестокїй! Смотри на лїющїяся мои слезы, на томленїе мое и трепетъ: вообрази лютое страданїе моего сердца, пылающаго къ тебѣ неограниченною любовїю! Освобожденїемъ моимъ не одной ты мнѣ учинишъ благодѣянїе: ты избавишъ отъ горести двухъ несчастныхъ родителей, которые непрестанно о мнѣ сокрушаются, и изрываютъ себѣ гробъ ежечасными воздыханїями. Ежели ты пресѣчешъ мои оковы, и возвратишъ меня имъ, то какою благодарностїю не воздадутъ они за твое благотворенїе! Какою похвалою не возвеличатъ они твое дѣянїе! Они тебя поставятъ выше смертныхъ: отдадутъ тебѣ престолъ свой, учинятся твоими рабами, божествомъ тебя своимъ поставятъ, и живаго почтутъ тебя жертвами! А я, пылающая уже и къ жестокому, какимъ тебя почту въ моемъ сердцѣ, когда ты учинишся моимъ избавителемъ? Ты мнѣ священнѣе Олимпа будешъ! Ты мнѣ будешъ. . . Государыня! вскричалъ я тогда, ставъ ею чрезвычайно тронутъ: я готовъ тебя избавить отъ сея неволи; но научи меня, какъ мнѣ сїе учинить. Ты вѣдаешъ конечно, присовокупилъ я, по своему искус-

искусству, что Левсилъ препоясаніе свое и мечъ имѣетъ при себѣ непрестанно, а ночью спальню свою, въ которой ихъ хранитъ, заграждаетъ волшебными словами, которыхъ ни какая сила побѣдить не можетъ.

Я знаю это, сказала мнѣ съ пріятностію моя прелестница; но не ужели любовь твоя ко мнѣ не можетъ обрѣсти какого средства къ полученію ихъ? Левсилъ тебя любитъ; изыщи какую ни будь хитрость, которая бы тебѣ спомоществовала овладѣть его мечемъ. Хитрость сія будетъ тебѣ простительна, и Левсилу ни какія отъ того погибѣли не приключится; ибо какъ скоро ты меня избавишъ, то я сама, вмѣстѣ съ моею благодарностію, потщуся возвратить ему его оружіе. Любезный мой русъ! поспѣши освободить страждущую твою супругу отъ плѣненія; я тебя инако уже не считаю, примолвила она, кидая на меня страстные взоры, какъ любезнымъ моимъ супругомъ; ибо коль скоро ты меня освоводишъ, тужъ минуту и я, и престолъ отца моего, тебѣ принадлѣжать будутъ.

Что же касается до способа, продолжала она, какимъ тебѣ достать Левсиловъ мечъ, то я тебя оному научу, ежели ты самъ не хочешъ принять на себя труда вымыслить его. Вотъ, говорила она, подавая мнѣ малую золотую коробочку, сія волшебная вещь можетъ тебѣ послужить, во предпріятіи семъ, самымъ легчайшимъ способомъ. Она имѣетъ

силу,

силу, когда ее раскроютъ, приводитъ природу въ разстроенїе: возбуждать бурю, громъ, молнїю, градъ и вихрь. Возми ее, и ступай въ Левсиловъ замокъ. Когда настанетъ вечеръ, то ты, имѣя ее за всегда у себя въ карманѣ, раскрой ее: отъ сего единаго дѣйствїя смутится вся природа: возстанетъ пресильная буря съ безпрестаннымъ громомъ и молнїею. Ты ихъ не страшись внутренне, ибо они ни какого зла тебѣ не приключатъ; но притворись предъ Левсиломъ, будто ты сего весьма боишся: такимъ образомъ дай пройти цѣлой ночѣ, и слѣдующему дню. По прошествїи ихъ, и по наступленїи вечера, скажи Левсилу, принявъ на себя испужанный видъ, что ты весьма страшишся сея непогоды, и не можешъ ночевать во своей спальнѣ; примолви, что ты и прошедшую ночь не спалъ, находясь въ повсеминутномъ страхованїи отъ безпрестаннаго грома и блистанїя. И по семъ проси Левсила, чтобъ онъ позволилъ тебѣ ночевать во своей спальнѣ, огражденной волшебными словами, которые сохраняютъ ее не токмо отъ насилїя человѣковъ, но отъ огня, желѣза и бурь, и не допускаютъ ни кого въ нее войти безъ его позволенїя.

Когда же онъ дозволитъ тебѣ въ ней переночевать, то уже не трудно будетъ тебѣ овладѣть его оружїемъ: ты можешъ во время ночи его похитить, и прїѣхать сюда для моего освобожденїя. Ибо трудно только войти въ его спальню, а выйти изъ нее ни ка-

кого уже труда тебѣ не будетъ стоить. Вотъ какъ тебѣ надобно поступить, любезный мой Русъ! продолжала она говорить, кидая на меня ласковые и распаленные взоры: не отринь прозьбы пылающія къ тебѣ Горіады: извлеки меня изъ ужасныя сея темницы, и, возратя моимъ родителямъ, учинися нашимъ Царемъ, и Повелителемъ храбрыхъ Спартянъ.

Послѣдовавшія за симъ ласкательствы ея и слезы въ такое колебаніе привели мой духъ, что я склонился бы тогда предать и Левсила и самого себя Карачуну, лишъ бы только освободить ее отъ узъ и темницы, не токмо похитить мечъ у моего пріятеля. Возвращая ей за ея ласки тьмою равномѣрныхъ ласканій, и безчисленными колѣнопреклоненіями, обѣщалъ ей со клятвою исполнить ея повелѣніе. Въ слѣдствіе чего, простясь съ нею, и поѣхалъ отъ нее къ Левсилову замку, по близости коего упражнялися въ ловитвѣ наши охотники.

Я ихъ нашелъ всѣхъ собравшихся уже въ одно мѣсто, и между ними Левсила, заботящагося о моемъ отсутствіи, и приказывающаго искать меня. Прибытіе мое весьма его обрадовало: онъ спрашивалъ меня о причинѣ отдаленія моего отъ нихъ; а я, желая сокрыть отъ него настоящее приключеніе, принужденъ былъ ему лгать, что будто гонясь за звѣремъ заплутался, и на силу могъ найти прежній путь.

Левсилъ,

Левсилъ, почитая меня искреннимъ себѣ другомъ, ни мало не вздумалъ подозрѣвать меня во лжѣ, и повѣрилъ всѣмъ моимъ словамъ охотно. Послѣ чего поѣхали мы въ замокъ, ибо начало уже смеркаться. А я между тѣмъ, спѣша начать порученное мнѣ отъ Горіады дѣло, раскрылъ въ моемъ карманѣ волшебную коробочку; и какъ только сіе учинилъ, то и началъ воздухъ колебаться, и мало по малу возставать вихрь. Вскорѣ показалися темныя облаки, которыя, совокупляясь между собою, покрыли надъ нами небо, и будучи понуждаемы вѣтромъ, начали спираться другъ со другомъ, и на послѣдокъ произвели такій сильный громъ, молнію, дождь и градъ, каковыхъ ни я ни Левсилъ отъ рода не видывали. Сіе принудило насъ убираться по скорѣе въ замокъ.

Слѣдуя Горіадину ученію, принялъ я на себя видъ боящагося человѣка, и движеніями моими и словами старался увѣрить моего пріятеля, и Превращу его жену, что я весьма сея бури устрашаюсь. Они старалися мнѣ доказать, что она ни чего страшнаго въ себѣ не имѣетъ, и что сіе естественно, и не должно такъ устрашать разумнаго человѣка. Я и самъ это вѣдалъ; но желая умыслъ мой произвести въ дѣйство, не давался имъ на уговоръ, и часъ отъ часа притворялся боязливѣйшимъ. Представляя такимъ образомъ робѣющаго лице, весьма мало ѣлъ во время ужена, вскакивая и содрогаясь при всякомъ

 уда-

ударѣ грома. По окончаніи стола, простился я съ ними гораздо ранѣе обыкновеннаго, поставляя причиною робость мою, для уменьшенія которыя, говорилъ я имъ, хотѣлъ зарыться въ мою постелю. Они охотно склонились на мое желаніе, и простясь со мною пошли во свою спальню, а я побѣжалъ въ мою.

Безо всякаго притворства провелъ я безо сна большую часть ночи: образъ моея прелестницы по всеминутно упражнялъ мои мысли: все ея слова и взгляды представлялися моему воображенію; наипаче обѣщанія ея услаждали мое честолюбіе: я воображалъ себѣ, что будто уже сижу на Лакедемонскомъ престолѣ, и повелѣваю Спартанскими Народами. Но высокомѣрію моему не довольно и сего было: я предпріялъ учиниться Обладателемъ всея Греціи; и на послѣдокъ хотѣлъ окончить власть гордыхъ Персовъ. По недолгомъ насладженіи себя сими мнимыми побѣдами, вздумалъ я показать силу моего оружія Индіямамъ. Подвергнувъ ихъ моему игу, предпріялъ я увеличить державу мою покореніемъ Африки. Но можетъ ли удовольствовать великій духъ толь малое пространство Земель! Я видѣлъ неповинующихся еще моему скипетру цѣлую Европу, и безчисленные острова Океяна. Чего ради вознамѣрился я и ихъ всѣхъ подвергнуть моему оружію, и учиниться единодержавнымъ Обладателемъ всея подсолнечныя. Такъ заблуждаясь моими помышленіями

радо,

радовался я несказанно, воображая себѣ, какъ я стану величаться, когда всѣ Части Свѣта будутъ предстоять моему престолу, и съ какимъ трепетомъ станутъ внимать всѣ мои слова. При семъ общемъ повиновенiи всея Земли, однѣ только планеты не признавали моея власти; но я бы и ихъ конечно уже покорилъ себѣ, когдабъ немилосердый Кикимора, божество Сна и Ночи, не исторгъ у меня скипетра, и не оковалъ тягостными своими оковами Обладателя Вселенныя. Или лучше сказать: сонъ пресѣкъ глупыя мои размышленiя.

На другiй день, по пробужденiи моемъ, одевшись, пошелъ я къ Левсилу, который находился уже въ залѣ, разговаривая со своею женою о чрезмѣрности бури, коя часъ отъ часа умножалась. Хотя онъ и былъ искусенъ въ угадыванiи причинъ, однакожъ не могъ постигнуть моея тайны, готовившiя ему погибѣль. А я, принявъ на себя видъ устрашеннаго и обезпокоеннаго человѣка, обьявилъ имъ, что будто не спалъ во всю ночь, въ повсеминутномъ находясь страхѣ отъ молнiй. Старался я имъ выразить какъ можно наилучше боязни мои и трепетанiя, и на послѣдокъ довелъ ихъ до того, что они сами начали изыскивать средство къ безопасности моей отъ бури; и на конецъ, не сыскавъ довольнаго къ ободренiю мнимыя моея робости, согласились, по прозьбѣ моей, дозволить мнѣ ночевать въ ихъ спальнѣ. Во благосклонности сей наипаче утвердили ихъ мои благодарности, которыя

однакожъ не изъ того проистекали источника, изъ коего мнили ихъ они. Весь остатокъ того дня препроводилъ я съ ними, притворяяся непрестанно пужающимся, и прося ихъ о сдержанїи своего обѣщанїя.

На конецъ насталъ вечеръ, и по окончанїи ужена пошли мы всѣ трое въ Левсилову спальню, куда приказали перенесть мою постелю. Искренняя прїязнь и собесѣдованїе моего друга, чрезмѣрно терзали мою совѣсть: я покушался нѣсколько разъ, повергнувшись къ нему въ ноги, открыть ему мой умыселъ, и отказаться со всѣмъ отъ моея прелестницы; но воображенїе о красотѣ ея, и о Спартанскомъ престолѣ, совокупляяся съ глупою надеждою завоевать всѣ Части Свѣта, утушали въ тужъ минуту мои угрызенїя, и утверждали меня паки въ беззаконномъ моемъ предпрїятїи. Не долго я ожидалъ его исполненїя: прїятель мой вскорѣ заснулъ со своею женою; а я, пользуясь ихъ успокоенїемъ и темнотою ночи, похитилъ роковое препоясанїе его и мечъ, и ушелъ изъ спальни, опредѣляя въ тотъ же часъ ѣхать къ Горїадѣ, дабы удобнѣе отъ всѣхъ скрыть мое похищенїе.

Въ самомъ дѣлѣ ни мало я и не медлилъ: тогожъ часа пошедъ въ конюшню, и осѣдлавъ моего коня, поѣхалъ я изъ замка, не будучи ни кѣмъ усмотрѣнъ; ибо сонъ и сильная буря, объявшїя замокъ, сокрывали мой отъѣздъ отъ взоровъ каждаго. Выѣхавъ изъ замка, поскакалъ я во всю конскую прыть, для освобожде-

нїя

нїя отъ узъ моея прелестницы, и для восшествїя моего на Спартанскїй престолъ. Во время продолженїя сего пути, размышлялъ я, радуяся на передъ, сколько удивлю Левсила и Превратy, когда явлюсь имъ въ порфирѣ и вѣнцѣ; ибо я принялъ тогда намѣренїе на передъ воцариться, а по томъ уже показаться моимъ прїятелямъ. Сими и подобными услаждаясь мыслями, къ чему также способствовала и темнота, сбился я съ дороги, ведшїя меня къ пещерѣ, и принужденъ былъ проѣздить цѣлую ночь; хотя на послѣдокъ и закрылъ волшебную коробочку, дабы утишилась буря, и воздухъ принялъ прежднїй свѣтъ, но со всѣмъ тѣмъ не могъ сыскать горы, въ коей находилась Горїада, прежде солнечнаго восхода.

На конецъ, при помощѣ солнечныхъ лучей, нашелъ ее; но какое было мое удивленїе, когда я вмѣсто отверстїя, ведшаго во внутренность горы, нашелъ только не весьма широкую расщелину, въ которой увидѣлъ картину въ человѣческїй ростъ, на коей былъ изображенъ деревянный истуканъ, точно похожїй на меня, съ ослиными ушами, въ дурацкой шапкѣ, и съ дѣтскою побрякушкою въ рукахъ. Я остолбенѣлъ при семъ видѣ, и устремилъ удивленные мои глаза на картину, на коей изображенное мое подобїе окружено было малыми ребятами, представлявшими разные пороки, и точно тѣ, которые показалъ я въ себѣ при измѣнѣ моему прїятелю. Они всѣ представлены были указывающими и ру-

гающимися моему изображенїю, надъ которымъ начертаны были слѣдующїя слова:

Прелестникъ Горїадинъ,
Премудрый Русъ,
Спартанскїй Обладатель,
Исторгнувшїй у всѣхъ земныхъ Владыкъ вѣнецъ,
Завоеватель всѣхъ небесныхъ звѣздныхъ странъ;
И на конецъ
Всѣмъ титламъ симъ дастъ толкъ вотъ эта образина.

На подножїи коея, продолжалъ воздыхая и стыдяся русъ, написаны были красными буквами слѣдующїя строки, соотвѣтствующїя на верхнїе стихи:

Невольникъ Ладинъ,
Лукавый трусъ,
Предатель,
Льстецъ,
болванъ,
Глупецъ,
Скотина,

По сему двойственному изображенїю, говорилъ Варягъ, не трудно мнѣ было узнать самого себя, и то, что я былъ обманутъ и одураченъ, и что это былъ Карачунъ, врагъ моего прїятеля, который сыгралъ со мною сїю шутку. Досада, стыдъ, и угрызенїе совѣсти, привели меня въ бѣшенство: ярость моя, понуждавшая меня ко отмщенїю моего позо-

позора, возбудила меня первѣе всего пожертвовать моему гнѣву предметъ моего посрамленія. Я выхватилъ мечъ, чтобъ изрубить въ куски сію проклятую картину, какъ въ самое то мгновеніе, изображенные на ней ребяты поднялись на воздухъ, и смѣясь изо всея силы, ухали мнѣ и кричали: *Э! братъ, взялъ! э! э! а! о! у!* А болванъ, представлявшій мое лице, въ то же самое время повалился съ картины на меня, и чуть было не сшибъ меня съ ногъ; между тѣмъ, пока удивленіе мое и ужасъ держали меня какъ окаменѣнна, онъ вскочилъ, и погналъ меня взашѣй своею побрякушкою, приговоривая при томъ: *Не прельщай Горіады! Не воюй на планеты! Не побѣждай свѣта!*

Сей одушевленный уродъ прибилъ бы меня до смерти, ежели бы не было при мнѣ волшебнаго меча, коего помощь употребилъ я ко своей оборонѣ, и тѣмъ принудилъ исчезнуть сіе мое привидѣніе. Сіи насмѣшничествы утвердили наиболѣе мои подозрѣнія, что я обманутъ Карачуномъ подъ видомъ Горіады; и что послужилъ ему орудіемъ для погубленія моего друга. Горесть и стыдъ, объявшія мое сердце, склонили бы можетъ быть меня тогда покуситься на жизнь мою, ежели бъ опасность, въ каковой я чаялъ тогда быть моего пріятеля, не понудила меня поспѣшать ему на помощь. Сыскавъ моего коня, поскакалъ я къ Левсилову замку изо

всея силы, и пріѣхалъ къ оному весьма скоро; но уже прибытіе мое было безполезно.

Лютый Ееіопъ, воспользуясь моимъ отсутствіемъ, напалъ на обезоруженнаго мною Левсила безо всякаго себѣ опасенія. И уже при возвращеніи моемъ, сей гнусный чародѣй летѣлъ изъ замка на ужасномъ аспидѣ, влача за собою любезнаго моего пріятеля, окованнаго цепями и терзаемаго множествомъ ястребовъ. Бѣдная его жена, окруженная служителями своими, бѣгала по срединѣ замка съ растрепанными волосами, имѣя развращенное печалію лице, вопія и терзаяся отчаянно, и призывая на помощь боговъ мстителей; но всѣ ея моленія погибали втунѣ: свирѣпый карло вскорѣ увлекъ у всѣхъ изъ вида несчастнаго Левсила. Сіе привело бѣдную Преврату внѣ себя: она упала на землю безъ памяти. Я хотѣлъ бѣжать къ ней на помощь; но вспомня, что я всему сему злу причина, не осмѣлился передъ глаза ея показаться; и поѣхалъ прочъ отъ замка, терзаяся угрызеніями совѣсти, и проклиная Карачуна; а наипаче себя, что причинилъ погибѣль наилучшему моему пріятелю, ослѣпяся вредною страстію, и прельстясь суетнымъ привидѣніемъ.

Будучи волнуемъ раскаяніемъ, горестію и сожалѣніемъ, воображая себѣ печальное приключеніе моего друга, и отчаяніе бѣдныя его супруги, далъ я коню моему волю, и не помнилъ самъ куда ѣхалъ. Конечнобъ не опомнился я во весь тотъ день, ежели бы спотткнувшись

моя

моя лошадь не сронила меня съ себя. Паденіе сіе возвратило мнѣ память; но горесть моя пущую отъ того получила надо мною силу; къ чему также присовокупилась и болѣзнь, ибо въ паденіи моемъ ушибся я весьма больно о камень. Сіе понудило меня искать по скорѣе жилища, на которое по счастью моему вскорѣ я и наѣхалъ. Это была небольшая деревенька, въ коей не могъ я сыскать хорошаго лѣкаря, который бы пользовалъ меня, и по сей причинѣ принужденъ я былъ пробыть въ оной весьма долгое время, по тому что полученный мною при паденіи ударъ, присовокупясь къ горестѣ моей и скукѣ, произвелъ во мнѣ весьма сильную горячку, отъ которыя на силу въ годъ возмогъ я оправиться.

Во время пребыванія моего въ сей деревнѣ, пришло мнѣ нѣкогда на мысль несчастіе моего пріятеля, и проклятая хитрость употребленная на то Карачуномъ, при чемъ вспомнилась мнѣ и золотая коробочка, послужившая къ тому наиболѣе. Я было объ ней со всѣмъ позабылъ, однако вздумалось мнѣ при тогдашнемъ случаѣ разсмотрѣть ее по лучше; а при томъ же, помогая тогдашней великой моей бѣдности, вознамѣрился было я продать ее кому ни будь изъ проѣзжавшихъ мимо сего мѣста купцовъ; и для того приказалъ я вынять ее изъ кармана моего платья, въ которомъ она лѣжала, радуяся, что по крайней мѣрѣ, по лишеніи моего друга, и по потеряжіи съ нимъ всего моего благоденствія, оста-

 лась

лась у меня сїя драгоцѣнная вещь. Но какимъ пораженъ я былъ удивленїемъ и стыдомъ, когда на мѣсто ее принесли ко мнѣ кусокъ дикаго камня, кляняся мнѣ, что ни чего больше кромѣ сего въ карманахъ моихъ не нашли! Долго я не могъ повѣрить ни имъ ни собственнымъ моимъ чувствамъ. Но поворачивая камень, увидѣлъ начертанныя на немъ писмены; съ жадностїю принялся я ихъ читать, и вотъ что къ посрамленїю моему нашелъ ими изображенно:

Не льстись корыстїю отъ беззаконныхъ дѣлъ;
И благодаренъ будь, что самъ остался цѣлъ.

Сїи справедливыя слова поразили меня какъ громомъ, и произвели во мнѣ лютѣйшее терзанїе: измѣна моя представилася мнѣ во всей своей гнусности; и я почиталъ себя наипозорнѣйшимъ изъ смертныхъ, измѣня такому прїятелю, каковыхъ нынѣ чудомъ почитаютъ. Сїи сокрушительныя размышленїя растравили весьма сильно мою болѣзнь, отъ коея началъ уже было я выздоравливать, и едва не повергли меня во гробъ. Но можетъ быть болѣзнь моя и лишила бы меня жизни, еслибъ не избавилъ меня отъ нее сильный Бѣлбогъ, которому обѣщался я, что по выздоровленїи моемъ употреблю всѣ старанїя подать помощь Левсилу, ежели онъ еще живъ.

Для исполненїя моего обѣта, по выздоровленїи моемъ, предпрїялъ я объѣздить всѣ Части Свѣта, навѣдываясь о Карачунѣ и о прї-

пріятелѣ моемъ. Странствованіе мое продолжалося болѣе двухъ лѣтъ, въ которыя однакожъ весьма мало достопамятнаго со мною приключилось. На послѣдокъ пріѣхалъ я въ Агру, столицу Индіи, гдѣ бытіе моего тѣла совершенно бы исчезло, ежелибъ помощь ваша не исторгнула меня изъ рукъ безчеловѣчныхъ жрецовъ. Случай сей достоинъ вашего вниманія, и для того разскажу я вамъ объ немъ обстоятельнѣе.

По прибытіи моемъ въ сей городъ спросилъ я у одного мимоидущаго, гдѣ могу найти гостинницу, въ которой бы я могъ переночевать. А ты развѣ не здѣшній, спросилъ меня Индіянинъ? Такъ, я иностранецъ, отвѣчалъ я ему. Изрядно! вскричалъ онъ съ восхищеніемъ: я тебя провожу въ такую, коею ты совершенно доволенъ будешъ. По семъ, взявъ моего коня за узду, провелъ меня чрезъ нѣсколько улицъ, и на послѣдокъ остановясь предъ великолѣпнымъ домомъ: вотъ здѣсь, сказалъ мнѣ, самая наилучшая, гдѣ ты можешъ не токмо одну ночь, но цѣлый годъ ночевать, и всемъ будешъ доволенъ. Я благодарилъ его наилучшимъ образомъ за сіе, не вѣдая того, что онъ мнѣ симъ погибѣль устроевалъ, а не благодѣяніе показывалъ. Между тѣмъ коварный сей услужникъ постучавшись у воротъ, которые тотчасъ ему отперли, просилъ меня въѣхать на дворъ, на которомъ встрѣтило насъ нѣсколько людей, и освѣдомясь обо мнѣ, кто я таковъ, и за чѣмъ пріѣхалъ,

ѣхалъ, просили меня слѣзть съ лошади, и войти въ покои, обѣщавая мнѣ всякія удовольствія.

Я повиновался ихъ прозьбѣ, и послѣдовалъ за ними, изъ коихъ одинъ пошелъ напередъ, чтобъ увѣдомить обо мнѣ хозяина того дома. Оный былъ Первосвященникъ въ семъ городѣ, что я въ тотъ же день отъ самого его узналъ. Сей коварный святоша вышелъ ко мнѣ на встрѣчу, и принявъ меня весьма ласково, просилъ слѣдовать въ покои. По приходѣ нашемъ въ оные, старался онъ угостить меня наилучшимъ образомъ; а между тѣмъ выспрашивалъ меня обо всемъ, что до обстоятельствъ моихъ ни касалось. Я будучи отъ природы откровененъ, и при томъ же имъ обласканъ, разсказалъ ему обо всемъ, о чемъ онъ ни желалъ узнать. Отвѣтами моими казался онъ быть доволенъ, и обласкавъ меня снова, началъ передо мною извиняться, что онъ не можетъ имѣть удовольствія долѣе разговаривать со мною, будучи отзываемъ своею должностію для нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ: того ради чтобъ я отпустилъ ему его неучтивость, и пробылъ до тѣхъ поръ одинъ, пока онъ отправитъ свои дѣла. А я, ни мало не понимая изъ сего, что онъ шелъ сговариваться съ подобными ему бездѣльниками о моей погибѣлѣ, воздавалъ ему за притворныя его учтивости искренними ласканіями, и оставшись одинъ въ комнатѣ, употребилъ его отсутствіе на отдохновеніе.

Будучи

Будучи утружденъ путешествіемъ, легъ я на софу, и проспалъ до самыя ночи. По наступленіи оныя меня разбудили, прося отъ имени Первосвященникова отуженать съ нимъ. Я тотчасъ всталъ, и пошелъ туда куда меня звали. Уженъ былъ уже готовъ, и хозяинъ ожидалъ меня за нимъ со двумя жрецами, которыхъ онъ видно нарочно пригласилъ. Столъ былъ весьма великолѣпенъ, и ни въ чемъ не было недостатка; а наипаче въ винѣ, которымъ хозяинъ старался всѣхъ уподчивать. На послѣдокъ, когда увидѣлъ онъ, что я охмѣлѣлъ, то поднеся мнѣ кубокъ вина, просилъ меня выпить его весь, обнадеживая, что я ему сдѣлаю великую тѣмъ угодность, ежели его выпью. Я повиновался его прозьбѣ, и выпилъ оный до дна. Но какъ скоро я сіе учинилъ, то и началъ клонить меня сонъ: и по прошествіи не многихъ минутъ столь меня одолѣлъ, что я не выходя изъ за стола заснулъ.

Я не помню ни чего, что сдѣлалося со мною во время моего сна; но когда я проснулся, то увидѣлъ себя окованна цепями, и въ семъ одѣяніи, въ которомъ вы меня теперь видите. Я весьма сему удивился, и спрашивалъ вокругъ стоящихъ меня служителей, какое учинилъ я преступленіе, что сдѣлали меня невольникомъ изъ свободнаго человѣка и иностранца. На вопросъ мой отвѣтствовано мнѣ, что сіе учинено по приказу Первосвященника, кото-

который самъ мнѣ объявитъ причину сего со мною поступка.

Вскорѣ пришелъ къ намъ и Первосвященникъ, въ богослужительномъ одѣяніи, провождаемый многими жрецами, одетыми въ подобныя же одежды. Злодѣй! сказалъ онъ приступя ко мнѣ, ты умертвилъ Наслѣдника нашея Державы, и похитилъ младую нашу Государыню, его супругу: возврати намъ ихъ обѣихъ; или сея же ночи окаянное твое тѣло поѣстъ и попалитъ священный огнь. Грозный его видъ, и взводимое на меня беззаконіе, о которомъ я ниже помышлялъ, привели меня почти въ безуміе. Цѣлую минуту стоялъ я внѣ себя, и не зналъ что ему отвѣтствовать; на послѣдокъ, вышедъ нѣсколько изъ моего смятенія, спросилъ его, мнѣ ли онъ сіе говоритъ; ибо ты довольно знаешъ, продолжалъ я, по изустному моему тебѣ повѣствованію, что я ниже когда либо видалъ вашего Наслѣдника Державы и его невѣсту, не токмо чтобъ учинить надъ ними приписуемое мнѣ злодѣйство. Нечестивый! вскричалъ на то Первосвященникъ, твое извиненіе не оправдитъ тебя; когда небесный гласъ въ томъ тебя изобличаетъ. Зіанъ, сказалъ онъ по семъ обратясь къ одному жрецу, прочти ему описаніе плачевнаго сего приключенія, воспослѣдовавшее на то божеское прорѣченіе, и указъ Великаго Могола, повелѣвающій предавать огню всѣхъ злочестивыхъ сюда пришельцевъ, которые подъ видомъ странствованія приключаютъ здѣсь вопіющія на небо злодѣянія.

нія. Жрецъ повиновался ему, и прочелъ мнѣ указъ Моголовъ, въ которомъ описано было сіе приключеніе, воспослѣдовавшее на то пророчество, и Государское повелѣніе сожигать чужестранцевъ. Содержаніе онаго было слѣдующее: Индійскій Государь имѣлъ у себя сына, именемъ Селина, весьма изрядныхъ качествъ и превосходнаго разума. Сего юнаго Князя вознамѣрился было онъ женить на Черданѣ, дѣвицѣ украшенной всѣми прелестями ея пола, и одаренной многими добродѣтелями, къ томужъ дочерѣ нѣкотораго подвластнаго Моголу. Владѣтеля Уже бракъ сихъ юныхъ супруговъ былъ совершенъ и торжествованъ; но на другій день, когда пришли ихъ поздравить со благополучнымъ окончаніемъ ихъ союза, то младова Князя нашли безъ чувствъ лѣжаща, а Черданы и со всѣмъ не обрѣли. И сколько по томъ ни прилагали стараній, чтобъ юнаго сего Князя привесть во прежднее его состояніе, и возвратить ему дыханіе и жизнь, а супругу его сыскать; однакожъ ни въ томъ ни въ другомъ не успѣли. Моголовъ сынъ остался бездыханенъ, хотя и казался сохраняющимъ въ себѣ жизнь; а Чердана осталась неизвѣстно погибшею. Сего ради возымѣли прибѣжище свое ко славному Индійскому боговѣщалищу, чтобъ испросить у него изъясненіе въ семъ недоумительномъ приключеніи. Пророчество изрѣкло имъ слѣдующій отвѣтъ, который, говорилъ Русъ, остался у меня въ памяти, какъ я тогда ни испужанъ былъ.

Когда

Когда вонзится въ грудь иноплеменну ножъ,
Алкающїй огонь поѣстъ злодѣйски члены,
Разрушатся тогда мечты, коварствы, ложь,
А бѣдствующихъ дни получатъ перемѣны:
Черданинъ минетъ плѣнъ, воспрїиметъ жизнь Селинъ;
Увидитъ мiръ по семъ, кто былъ творецъ сихъ винъ:
Невѣрный то Пигмей, коварный Исполинъ.

Сїе прорѣченїе, продолжалъ Русъ, означало, какъ видно по всѣму, какого ни на есть волхва иностранца, которому боги предсказывали казнь, а по ней освобожденїе всѣмъ бѣдствующимъ отъ него; но ясно сего не объявляли, конечно по волѣ высочайшїя ихъ Судьбы. Хитрые Индїйскїе жрецы сїе поняли: но будучи лукавы и корыстолюбивы, вотъ какъ растолковали Моголу сїе прорѣченїе, дабы воспользоваться имѣнїемъ несчастныхъ иностранцевъ. Что понеже сей причинитель смерти Государева сына, и хищникъ его супруги, долженъ быть иностранецъ и волхвъ, и что не прежде окончится очарованїе юнаго Князя и возвращенїе Черданы, пока не истребится желѣзомъ и огнемъ сей злотворецъ, того ради всякаго прїѣзжающаго къ нимъ иностранца предавать, по священному обряду, желѣзу и огню предъ истуканомъ младаго Князя, пока не сыщется настоящїй виновникъ, и смертїю своею не возвратитъ наслѣдника Государству.

Прельщенный словами ихъ Моголъ, согласился на сїе варвасство по любви ко своему сыну,

сыну, и повелѣлъ сему нечестивому Первосвященнику, который, какъ видно, въ умыслѣ семъ былъ первый, что бы всякаго иностранца предавалъ онъ въ сей пещерѣ, созданной для сего нарочно, желѣзу и огню; а имѣнїе ихъ бралъ на соборъ жрецовъ, которые проклятую сїю должность отправлять станутъ.

Послѣ какъ окончилъ жрецъ сїе чтенїе, продолжалъ Варягъ, то Первосвященникъ паки началъ меня увѣщавать, чтобъ я оживилъ Селина, и возвратилъ его супругу; но когда я отрекся, что ни какъ сего учинить не могу, не будучи сему злу причастенъ, тогда безчеловѣчный сей жрецъ, приказалъ готовиться къ жертвоприношенїю, которое опредѣлено было производить ночью, для того, что несчастїе Императорскаго дома произошло въ такое время. Шествїе и обрядъ онаго, говорилъ Варягъ Славянамъ, я чаю вы сами видѣли; и я бы непремѣнно въ сїю ночь погибъ, ежелибъ боги не послали васъ ко мнѣ на помощь, великодушные мои избавители. Вотъ вся моя исторїя, о которой вамъ угодно было отъ меня увѣдать. Теперь не остается мнѣ инаго вамъ сказать, какъ представить мой совѣтъ, чтобъ оставили вы наискорѣе сїи страшныя мѣста; ибо разгнанные вами жрецы не преминутъ намъ мстить, обьявя въ городѣ о разбитїи своемъ; и конечно собравъ воиновъ погонятся за нами, и предадутъ насъ всѣхъ смерти.

Нѣтъ! сказалъ ему Свѣтлосамъ, совѣту твоему не могу я послѣдовать: возможно ли

мнѣ безъ угрызенія совѣсти оставить человѣческій родъ въ опасности, когда имѣю способъ ему помочь? Во словахъ твоихъ нашелъ я неоспоримое доказательство, которымъ легко могу разрушить заблужденіе Великаго Могола, и вывесть на ружу жреческое корыстолюбіе, проливающее неповинныхъ кровь. Я намѣренъ теперь же поѣхать къ Индійскому Государю, и представить ему ясно его лютость. Ежели же онъ, не смотря на истинны, кои я ему предложу, вздумаетъ еще и насъ предать несправедливому своему осужденію, то я употреблю тогда, на отомщеніе гостопріимства и правосудія данную мнѣ отъ Чернобога силу, и Левсиловъ мечъ, который прошу тебя мнѣ ввѣрить, и оставить его у меня потуду, пока мы найдемъ несчастнаго твоего друга.

Сказавъ сіе, приказалъ онъ Бориполку сыскать своихъ коней, а Русу одеться во прежднее свое платье; между тѣмъ самъ скинулъ съ себя свой мечъ, и отдалъ Варягу, а Левсиловъ препоясалъ на себя. Когда Русъ переоделся, а Бориполкъ привелъ коней, то не медля ни мало поѣхали они всѣ трое въ Агру. Во время ихъ пути освобожденный отъ пламени Варягъ, удивляяся Свѣтлосановой храбрости и великодушію, обѣщался вѣчно за нимъ послѣдовать, и принимать вкупѣ бѣды и трудности. Славенскій Князь со своея стороны обнадеживалъ его своею дружбою, и обѣщалъ ему раздѣлить съ нимъ равномѣрно и счастіе свое, ежели окончитъ благополучно свое предпріятіе,

пріятіе, и взойдетъ на престолъ своего родителя. Обѣщаніе сіе усугубило къ нему преданность Русову, и вселило въ него великое желаніе прилѣпиться на вѣки ко Свѣтлосану. Въ сихъ и подобныхъ симъ увѣреніяхъ, проѣхали они большую часть дороги; и когда Солнце испустило седмицвѣтные свои лучи на половину земнаго круга, тогда подъѣзжали уже они ко столицѣ Индійской, изъ предмѣстія коея выходила насупротивъ имъ превеликая толпа вооруженныхъ людей луками и копьями.

Это была погоня, посланная за ними отъ Могола, и предводимая жрецами, которыхъ Славяне разогнали. Сія толпа окружила вскорѣ Сѣверныхъ жителей, и хотѣла было употребить наглость, чтобъ принудить ихъ ко здачѣ; но Свѣтлосанъ объявилъ сей дерзновенной кучѣ, что онъ ни кого не оставитъ изъ нее жива, ежели осмѣлятся малое сдѣлать имъ огорченіе; но что своею волею поѣдутъ они сами въ городъ, и предстанутъ предъ ихъ Государя. Индѣйцы немедленно согласились на его предложеніе, и, окружа отовсюду Славянъ, пошли за ними въ Агру.

По вступленіи ихъ въ сей городъ, народъ сбѣгался со всѣхъ сторонъ, чтобъ увидѣть такихъ особъ, которыя въ двоемъ одолѣли и разогнали великое число людей. Наиболѣе всѣхъ привлекалъ къ себѣ народные взоры Славенскій Князь: благородный его видъ, и величественная осанка, не инако его имъ представляли, какъ богомъ начальствующимъ во

браняхЪ. Индїяне сЪ перваго на него взгляда почувствовали кЪ нему великую любовь и почтенїе, и внутренне желали имѣть его своимЪ ГосударемЪ. До самаго Моголова дворца проводили они Свѣтлосана, не спущая сЪ него глазЪ, прося боговЪ покровительствовать его, и умягчить вЪ пользу онаго Моголово сердце.

До прїѣзда СлавянЪ ко дворцу, уже Индїйскїй Государь предувѣдомленЪ былЪ обЪ ихЪ прибытїи, и повелѣлЪ представить ихЪ предЪ себя. ОнЪ назывался АбубекиромЪ: нрава былЪ кроткаго, но легковѣрнаго: разгорячался за ничто, и ни чѣмЪ также и смягчался; впрочемЪ былЪ любитель достоинства и добродѣтели. Когда Славяне предстали предЪ него, тогда сей ИмператорЪ, осматривая ихЪ одного за другимЪ, ощутилЪ ко Свѣтлосану подобныя народнымЪ чувствованїя; ибо внѣшнїя сего Князя качествы представили ему онаго витяземЪ, и таковымЪ, каковыхЪ онЪ между человѣками не видывалЪ; а развѣ зналЪ по описанїямЪ бытѣйскимЪ. Сїе удивленїе и любовь, которыя чувствуемЪ мы кЪ достоинствамЪ, премѣнили его гнѣвЪ, которымЪ было онЪ сЪ начала распалился, во прїязнь ко Славенскому Князю, и во сладостное удовольствїе на него взирать. ПребывЪ такимЪ образомЪ нѣкоторое время вЪ разсматриванїи его, на послѣдокЪ, пресѣкши молчанїе, сказалЪ ему: ИностранецЪ! какое ты имѣлЪ право прервать священный порядокЪ жертвоприношенїя, исторгнуть отЪ потребленїя жертву,

тву, коея закланіе ласкало меня оживленіемъ моего сына, и возвращеніемъ его супруги; и сверхъ того, уничтожая почтеніе ко священному сану, (*указывая на предстоявшихъ жрецовъ,*) разгнать дерзновенно сихъ богослужителей, и умертвить изъ содружества ихъ великое число? По семъ онъ умолкъ, ожидая отвѣта отъ Славенскаго Князя, который, ни мало не будучи смѣшанъ его вопросомъ, отвѣтствовалъ ему бодрственно слѣдующею рѣчью.

Великій Обладатель Индіи! многіе случаи являютъ отъ внѣ со всѣмъ противный видъ, нежели каковый имѣютъ во внутренности своего существа: наше приключеніе сего есть рода. Но я потщуся явить его твоему правосудію таковымъ, каково оно есть въ самой вещи. Я не имѣлъ ни какія причины досадовать на сихъ священнослужителей, и не съ тѣмъ проѣзжалъ пространную твою Державу, что бы нанесть тебѣ въ особѣ ихъ оскорбленіе; но безчеловѣчное ихъ звѣрство раздражило мое терпѣніе, и неволею исторгло мой мечъ на защищеніе неповинно умерщвляемаго моего единоземца. Ты бы самъ, Государь, будучи на моемъ мѣстѣ, учинилъ то же; ибо какое варварское сердце можетъ спокойно смотрѣть на умершвленіе неповиннаго человѣка, и не подвигнуться на сожалѣніе и гнѣвъ? Вотъ сія несчастная и непорочная жертва, которую стремилося предать пламени корыстолюбіе сихъ святошъ. Не удивляйся изрѣченію сему, Государь! чистосердечіе мое докажетъ тебѣ

 ясно

ясно все ихъ коварство и лицемѣріе, какими исторгли они у тебя соизволеніе на погибѣль неповинныхъ, дабы утучнять себя корыстями съ оныхъ. Ты самъ представь, Государь, свойственноль быть богамъ лютѣе человѣковъ? и возможноль, не погружаяся въ беззаконіе, приписывать Божеству такое повелѣніе, чтобъ для сысканія единаго беззаконника, умерщвлять тьмы неповинныхъ людей? А ежели безъ воли ихъ предавать человѣка смерти, не имѣя на него ни малѣйшаго подозрѣнія во злодѣйствіи, и для единыя токмо надежды обрѣсти въ немъ, по погубленіи его, виновника злу, то какая уже несправедливость можетъ превзойти адское сіе неправосудіе. Но ты въ этомъ неповиненъ, Государь! Извиняетъ тебя въ семъ родительская твоя горячность къ сыну, и хитросплетенное жреческое коварство, скрывающееся подъ видомъ твоея пользы, и облекщееся силою мнимаго божескаго повелѣнія, чтобъ истреблять неповинныхъ иностранцевъ. Всему этому виною есть сей варваръ, (*указывая на Первосвященника,*) и нечестивые его сообщники: ихъ алчность къ собранію имѣнія употребила во зло неповиннымъ человѣкамъ несчастіе твоея породы, божеское прорѣченіе, и твое чадолюбіе. Не сомнѣвайся въ истиннѣ моихъ словъ, Государь, извѣтъ мой докажетъ тебѣ ясно, что небесное прорѣченіе иный заключаетъ въ себѣ смыслъ, нежели каковый ему дало гнусное ихъ любоимѣніе. По сему ихъ адскому коварству, и поносной къ

тебѣ

тебѣ невѣрности, и о прочихъ суди ихъ поступкахъ. Но что бы долѣе не подвергать неповинныхъ неправедному умерщвленію, и душу твою избавить отъ обольщенія сихъ ненасытимыхъ Арпій, такъ вѣдай, Государь, что божескій гласъ изобличаетъ въ умерщвленіи твоего любезнаго сына, и въ похищеніи прекрасныя его супруги, гнуснаго чародѣя Еѳіопа, лютаго и коварнаго Карачуна; а въ яснѣйшее доказательство моихъ словъ, прочти заглавныя буквы прорѣченныхъ седми строкъ боговѣщалищемъ, которыя изображаютъ точно имя Карачуна.

Пораженный истинною сихъ словъ Индійскій Государь, и проклятымъ коварствомъ своего Первосвященника, и его сообщниковъ, обратился къ нимъ, чтобъ истребовать отъ нихъ оправданія въ семъ ясномъ на нихъ доказательствѣ, но уже болѣе не увидѣлъ изъ нихъ никого. Сіи злодѣи, почувствуя всю опасность, какою угрожала имъ Свѣтлосанова рѣчь, ушли тайно другъ за другомъ изъ дворца, дабы не подвергнуться въ тужъ минуту раздраженному правосудію, и что бы предупредить оное новыми коварствами. Отбытіе ихъ открыло наиболѣе глаза Императору, и увѣрило его совершенно въ точности ихъ плутовства. Воспылалъ онъ гнѣвомъ, и повелѣлъ въ тужъ минуту начальнику своея стражи, забрать подъ караулъ Первосвященника и сообщниковъ его. Злодѣи! вскричалъ онъ по семъ, они не довольны были умерщвленіемъ толикаго числа не-

повинныхъ людей, но хотѣли еще, продолжая мое ослѣпленіе, пожертвовать своему неистовству и сего премудраго иностранца, безъ спасительнаго увѣдомленія коего не престалъ бы я ни когда обагрять моего скипетра неповинною кровію; и учинять моего царствованія примѣромъ наилютѣйшаго тиранства.

По семъ восклицаніи обратился онъ ко Свѣтлосану, и благодаря ему наичувствительнѣйшимъ образомъ за истолкованіе толикихъ важностей, просилъ его объявить, кому онъ одолженъ толь великимъ благодѣяніемъ. Когдажъ Славенскій Князь объявилъ ему, что онъ родомъ и саномъ ему равенъ, тогда Моголъ въ пущее пришелъ воспаленіе противу злокозненныхъ своихъ жрецовъ, описавшихъ ему Свѣтлосана самымъ злочестивѣйшимъ человѣкомъ, и старавшихся его увѣрить, что онъ учинитъ самое богоугоднѣйшее дѣло, ежели повелитъ умертвить сего иностранца самымъ мучительнѣйшимъ образомъ. О какъ несчастливъ Государь, возопилъ онъ, окруженный толиками чудовищами! Прости мнѣ, знаменитый Князь, говорилъ онъ обратяся ко Свѣтлосану, варварство, къ которому привели меня сіи беззаконники; я потщуся его омыть пролитіемъ всея ихъ крови.

Такъ говоря, старался онъ оправдить себя передъ Славенскимъ Княземъ, и учтивостями, оказуемыми Славянамъ, загладить несправедливость поступка противу чужестранцевъ. А къ совершенію доказательства своея невинности,

сти, и истиннаго раскаянія, повелѣлъ сей день включить въ число торжественныхъ, и праздновать его по всягодно. Между тѣмъ, желая наградить причиненную Славянамъ досаду веселіемъ, приказалъ учредить въ тотъ день великій пиръ, къ которому приглашены были всѣ знатные Вельможи его Двора. Между тѣмъ Моголъ, говоря непрестанно со Свѣтлосаномъ, просилъ его паки разсказать свою исторію обстоятельнѣе, въ разсужденіи его путешествія въ Индію. Славенскій Князь во всемъ его удовольствовалъ, обьявя ему подробно всѣ обстоятельствы своея жизни, похищеніе сестры своея и зятя, и ужасныя злодѣйствы малорослаго чародѣя.

Императоръ весьма былъ удовлетворенъ его повѣствованіемъ, и воспріималъ къ нему часъ отъ часа болѣе любви и почтенія. А въ доказательство своея къ нему пріязни, повелѣлъ принесть богатые и великолѣпные дары для Свѣтлосана и для спутниковъ его; однакожъ сей Князь отъ нихъ отрекся учтивымъ образомъ, представляя Абубекиру, что въ разсужденіи его путешествія будутъ они для него отяготительны. Во время препиранія ихъ о семъ, донесли Моголу, что Первосвященникъ и сообщники его не повинуются его указу, и сверхъ того возмущаютъ на него народъ; и что уже великая онаго часть приведены ими къ бунтованію. Сіе обьявленіе привело Императора въ великую ярость на Первосвященника. Неблагодарный и дерзновенный

ный рабЪ! возопилЪ онЪ: вотЪ какЪ онЪ платитЪ мнѣ за неизсчетныя мои кЪ нему щедроты! Но сїе его злодѣйство не останется безЪ наказанїя, я вскорѣ заставлю его раскаяться вЪ семЪ беззаконїи. СилостанЪ, продолжалЪ онЪ говорить обратясь ко стражоначальнику, сей часЪ вооружи всѣхЪ моихЪ тѣлохранителей, и вѣрныхЪ мнѣ РаспутовЪ, и накажи немедленно безумную чернь, дерзнувшую на меня возстать; а невѣрныхЪ жрецовЪ потщися поимать живыхЪ. Я хочу казнїю ихЪ показать примѣрЪ мученїямЪ, каковымЪ должны предаваться таковые измѣнники, которые дерзаютЪ возставать на своево Государя.

СилостанЪ со тщанїемЪ повиновался повелѣнїю Могола, и отбылЪ произвести оное вЪ дѣйство; а Индїйскїй Владѣтель продолжалЪ говорить такЪ, обратясь ко Свѣтлосану: Ты не повѣришЪ, любезный мой гость, коль велики были мои благодѣянїя кЪ сему невѣрному жрецу; а коль безмѣрна его ко мнѣ неблагодарность, сїе ты видишЪ теперь самЪ. ОнЪ былЪ бѣдный ученикЪ, и понравился мнѣ способомЪ своего краснорѣчїя, коимЪ владѣетЪ онЪ довольно вЪ нарочитомЪ степенѣ. Сїе побудило меня возвесть его вЪ нѣкоторый духовный санЪ, и отверсти ему мои милости, которыя на послѣдокЪ открыли ему путь ко первосвященничеству. Обманчивое его краснорѣчїе извлекало ему по вседневно мои благодѣянїя; однакожЪ я и во время оныхЪ примѣчалЪ вЪ немЪ не рѣдко такое сердце, вЪ которомЪ

торомъ царствовали властолюбїе и корысть. По благости моей къ нему, не старался я выводить слѣдствїй изъ сихъ моихъ примѣчанїй, хотя иногда и доходили до меня жалобы на чрезмѣрную его жадность къ любоимѣнїю и власти. Лукавое его краснорѣчїе всегда исторгало сего лицемѣра отъ моего правосудїя. И могу сказать, что при всѣхъ его злыхъ намѣренїяхъ, онъ бы еще и нынѣ пользовался моими щедротами, если-бы его коварство въ разсужденїи иностранцевъ, и теперешнее его бунтованїе не открыли мнѣ ясно, что онъ злодѣй, стремящїйся похитить можетъ быть самый мой вѣнецъ.

Едва успѣлъ онъ окончать послѣднїя сїи слова, какъ крикъ поражающихъ и поражаемыхъ возбудилъ во всѣхъ вниманїе, и принудилъ обратиться туда, откуду оный происходилъ. Они увидѣли въ окны, которыя были на площадь, окружающую дворецъ, что народъ въ ярости гналъ и побивалъ стражу, посланную отъ Императора на утишенїе бунта. Первосвященникъ и сообщники его, сидя на коняхъ, держали священныя знамены, и побуждали неистовящуюся чернь ко кровопролитїю. Сїе ужасное зрѣлище привело Абубекира, и всѣхъ его придворныхъ, въ великое устрашенїе. Ну! вскричалъ онъ, теперь мы погибли! Лютый жрецъ достигъ до желанїя своего; теперь я вижу ясно, что онъ предпрїялъ похитить у меня жизнь мою и вѣнецъ. Спасайся, любезный мой Князь, сказалъ онъ по

томъ

томъ съ торопостію Свѣтлосану, пускай я одинъ погибну; а ты не долженъ принять участія въ моемъ злополучіи. Проговоря сіе, приказалъ онъ принесть себѣ отраву и вооруженіе, чтобъ употребить ко своему спасенію то или другое, смотря по обстоятельствамъ. Постой! вскричалъ къ нему тогда Свѣтлосанъ: Вѣнценосцу не отравою надлѣжитъ оканчивать свою жизнь, и не унывать во крайности, такъ какъ и не подвергать себя прельщеніямъ во благополучіи. Пребудь въ чертогахъ сихъ, Государь! продолжалъ онъ ему говорить; мы одни сего возмущенія причиною, такъ мы его и окончать долженствуемъ. Проговоря сіе, повелѣлъ онъ Ворилолку и Русу слѣдовать за собою.

Какъ пущенная стрѣла изъ лука, сильною рукою, летитъ визжа, пронзаетъ все, и не находитъ себѣ ни гдѣ въ теченіи своемъ препонъ, тако и Славенскій Князь, по исшествіи своемъ изъ чертоговъ, бросясь въ кучу яростныя черни, проницалъ повсюду какъ молнія, пронзалъ все какъ перунъ, и по всѣмъ мѣстамъ отверзалъ себѣ пространный путь. Вскорѣ дошелъ онъ до бунтующаго Первосвященника, который, при видѣ пламенныхъ его очей, затрясся и поблѣднѣлъ. Помогите! возопилъ онъ къ народу: вотъ сей волхвъ, прельстившій Императора, и желающій воцариться надъ нами. А! бездѣльникъ вскричалъ ему Свѣтлосанъ: я познаю твое коварство; но оно послѣднее въ жизни твоей будетъ; сей же мигъ освободится Индія отъ

зара-

заражающаго ее чудовища, и опустотающаго вселенную! Проговоря сїе бросился онъ на трепещущаго жреца, и пресѣкъ его на полы. Ну, Индїяне! вскричалъ онъ по семъ громогласно: тиранъ, возмущавшїй спокойствїе ваше, уже погибъ; а вы воспользуйтесь его погибѣлью, и возвратитесь къ должности вашей и повиновенїю, которыми обязаны вы Великому Моголу. Чтожъ касается до меня, я не волхвъ, такъ какъ видно облыгалъ меня предъ вами коварный сей жрецъ, и ни мало ни чѣмъ не прельщалъ Императора; но только истолковалъ ему пророчество, гласящее о Селинѣ и Черданѣ, и доказалъ ему ясно, что сей злотворецъ есть гнусный Еѳїопъ Карачунъ, похитившїй и у меня сестру и зятя. А сей коварный Первосвященникъ обнесъ меня вамъ, и искалъ моея смерти для того только, что я исторгъ изъ несытыхъ его челюстей неповинныхъ иностранцевъ, которыхъ онъ предавалъ напрасно огню, а имѣнїемъ ихъ безсовѣстно наполнялъ свои сокровищи, и дѣлился ими съ сообщниками своими. Онъ увидя, что Великїй Моголъ ясно разобралъ нашу неповинность, а его коварство, ушелъ тайно изо дворца со своими соумышленниками; и опасаяся себѣ достойнаго наказанїя, возмутилъ вашу противу меня храбрость симъ нелѣпымъ обманомъ, дабы тѣмъ избыть своея казни. А хочу ли я надъ вами царствовать, такъ какъ онъ старался васъ въ семъ увѣрить, то это вы теперь сами видите:

ибо, поражая сего беззаконника, не себѣ я васъ покоряю, но законному вашему Государю. Впрочемъ же, хотя бы вы и сами пожелали воцарить меня надъ вами, то и тогда бы я не согласился; по тому что великїе боги не простымъ человѣкомъ на свѣтъ меня произвели, но сыномъ сильнаго Владѣтеля надъ храбрыми славянами. А въ доказательство истинны моихъ словъ, допросите сами сихъ бездѣльниковъ, говорилъ онъ указывая на жрецовъ; они вамъ ясно объявятъ все свое злодѣйство, такъ какъ и Первоначальника своего.

Во время сея рѣчи народъ внималъ его спокойно, и будучи пораженъ его видомъ, храбростїю, и истинною его словъ, весьма удобно преклонился къ вѣроятїю, и бросился на жрецовъ, которые хотѣли было предаться бѣгству. Индїяне поимавъ ихъ всѣхъ привели предъ Свѣтлосана, и принуждали ихъ признаться въ ихъ грѣхѣ, въ которомъ обличалъ ихъ Славенскїй Князь. Устрашенные и терзаемые совѣстїю жрецы не долго въ семъ колебалися, но бросясь на колѣни предъ Княземъ и народомъ, признались во всемъ, въ чемъ ихъ Свѣтлосанъ ни обличалъ; и только просили себѣ единыя пощады ихъ жизни. Но народъ, раздраженный ихъ злодѣйствами, и тѣмъ, что они его преклонили къ бунтованїю противу Могола, бросился на нихъ съ остервенѣнїемъ, и растерзалъ ихъ на мѣлкїя части.

По семъ кровопролитномъ дѣйствїи возгласили Индїяне: Да здравствуетъ нашъ

Великій МоголЪ, и да живетЪ неисчетныя лѣты! Славенскій Князь, обрадованный толь скорымЪ утишеніемЪ бунтованія, похвалилЪ чернь, что она толь скоро вышла изЪ заблужденія своего, и обратилася кЪ должности. НародЪ со своея стороны благодарилЪ его, что онЪ разрѣшилЪ ево ослѣпленіе, и наказалЪ причинителя всего сего смятенія; при чемЪ просилЪ униженно Свѣтлосана, дабы онЪ предстательствовалЪ за него у Великаго Могола, что онЪ ему охотно и обѣщалЪ, обнадеживая всѣхЪ Государскою милостію. Также присовокупилЪ кЪ сему увѣщаніе, что бы впредь и народЪ остерегался отЪ подобныхЪ сему возмущеній, и пребывалЪ непоколебимЪ вЪ вѣрности ко своему Государю.

Прельщенные храбростію и разумомЪ ево Индіяне, препроводили его со плесканіемЪ и похвалами до Императорскаго дворца, и остановилися предЪ онымЪ, ожидая себѣ отЪ Могола милости или казни. Между тѣмЪ СвѣтлосанЪ, послѣдуемый своими сопутниками, и лучшими людми изЪ народа, пошелЪ во дворецЪ, на крыльцѣ коего стоялЪ уже МоголЪ, дабы встрѣтить побѣдителя. КакЪ скоро вошелЪ на оное СвѣтлосанЪ, то и бросился вЪ его объятія АбубекирЪ, и проливая радостныя слезы, возопилЪ кЪ нему: Непобѣдимый защитникЪ мой! чѣмЪ воздамЪ тебѣ за великую твою мнѣ услугу? и какими похвалами возвеличу тебя за высокіе твои подвиги? Царства моего тебѣ мало; ибо я не токмо его, но и жизнь мою отЪ тебя нынѣ получаю.

чаю. Развѣ назову тебя по старости лѣтъ моихъ сыномъ; но и симъ не тебѣ, а себѣ учиню я славу. По толь знаменитыхъ твоихъ подвигахъ остается мнѣ единое сїе, чтобъ сооружа тебѣ жертвенникъ, воскурить на немъ фимїамъ, яко божеству спасшему престолъ и жизнь мою. Государь! отвѣтствовалъ ему смиренномудренно Свѣтлосанъ: не мнѣ приписуй славу за усмиренїе бунтующихъ твоихъ подданныхъ, но богамъ дѣйствовавшимъ моею рукою. О добродѣтельная душа! возопилъ Императоръ въ восхищенїи: не ложно я сказалъ, что ты болѣе царства моего стоишъ; но ради боговъ продолжи благодѣянїя твои ко мнѣ: и хотя изъ единыя милости, удостой меня называться твоимъ отцемъ, и имѣть честь оставить тебѣ мой престолъ.

При семъ словѣ восплескалъ весь народъ, и бросясь на колѣни возопїялъ: Да здравствуетъ нашъ юный Моголъ Свѣтлосанъ, и да живетъ ко благоденствїю нашему многїя лѣты! Услышавъ сїе Абубекиръ, продолжалъ говорить съ прїязнїю Славенскому Князю: ты слышишъ гласъ народа: онъ есть гласъ Божїй; преклонися хотя безсчетными его желанїями, и воцарися со мною. Я знаю, что ты великодушенъ, и не захочешъ лишить моего сына его наслѣдїя; но можетъ быть судьба на вѣки его отъ меня похитила; а ежели по счастїю моему возвратится онъ къ жизни, то онъ и тѣмъ весьма доволенъ будетъ, когда ты отдашъ ему половину моего Царства, и

будешъ

будешь ему вмѣсто отца, защищая и наставляя его какъ сына. Во время сего предложенія Свѣтлосанъ стоялъ смиренно, потупя въ землю свои очи; по окончаніижъ Абубекиромъ рѣчи, отвѣтствовалъ ему такъ: Желаніе твое и народа твоего, Государь, дѣлаютъ мнѣ болѣе чести, нежели стоятъ мои дѣла; ибо я уже тебѣ обьявилъ, что усмиреніе бунтующихъ не моею силою учинено, но промысломъ всесильныхъ; и такъ всѣ похвалы за сіе принадлѣжатъ имъ, а не мнѣ. А за доброжеланія твои, и твоего народа ко мнѣ, потщуся я во всю мою жизнь воздавать всѣмъ тѣмъ, чѣмъ силы мои мнѣ дозволятъ. Но скипетра твоего себѣ я не желаю: хотя Земля твоя великолѣпствуетъ всѣми щедротами Природы, а мое наслѣдіе отдано въ жертву жестокимъ хладамъ; но оно мнѣ пріятнѣе всякія страны. Весьма я счастливъ буду, когда научуся и онымъ управлять достойно. И такъ, Государь, собрегай великолѣпную сію страну любезному твоему сыну, котораго боги конечно тебѣ возвратятъ; а премудрость твоя наставитъ его, какъ оною правитъ.

Сіе безкорыстіе наипаче восхитило Индіянъ, которые услышавъ его отрицаніе, наиболѣе воспламенилися желаніемъ имѣть его своимъ Государемъ. Абубекиръ равномѣрныя имѣлъ съ народомъ мысли, и неотступно просилъ Свѣтлосана, чтобъ онъ хотя до оживленія его сына пробылъ въ Индіи, и царство-

валъ съ нимъ совокупно. Но Славенскій Князь противополагалъ ему на то непреоборимый свой долгъ, повелѣвающій ему искать сестру и зятя. Сими и прочими убѣжденіями, склонилъ онъ наконецъ Могола согласиться на его отъѣздъ; но чернь, будучи во всемъ пристрастнѣе и неразсуднѣе просвѣщенныхъ умовъ, и во всемъ чрезвычайна, возопіяла къ Императору, что она откажется отъ повиновенія ему, ежели онъ отпуститъ Славенскаго Князя, и не воцаритъ съ собою; а Свѣтлосана убѣждала тѣмъ, что ежели онъ добровольно не склонится на желаніе народное, то приставятъ къ нему стражу, и принудятъ неволею надъ ними воцариться.

Сіе обстоятельство смутило Абубекира и Свѣтлосана: первый принужденъ былъ убѣждать другаго согласиться на желаніе Индіянъ, а другій уговаривать народъ, который однакожъ на всѣ его разсмотрѣнія былъ непреклоненъ. Сіе принудило Славенскаго Князя склониться на то притворно, не возмогая иначе отъ сего освободиться. Соизволеніе его наполнило всѣхъ радостію: всѣ пали предъ нимъ на землю, принося ему тьмы благодареній, и возсылая за него богамъ неизсчетныя моленія. По семъ всякъ изъ народа пошелъ во свой домъ, дабы провести тотъ день съ домашними и пріятелями своими въ веселіи и пированіи, обѣщавая себѣ на передъ благоденствіе подъ властію добродѣтельнаго сего Князя. Но придворному празднеству ни что не могло сравниться: подобнаго великолѣпія и веселія ни

кто

кто изъ Индїянъ два раза въ жизни своей не видывалъ; ибо оное походило не на обыкновенное, но на волшебное. Всѣ Вельможи и знатное Дворянство имѣли въ немъ участїе. Продолжалось оно до самыя почти утреннїя зари, и кончилось для того только, что уже пиршествующїе не въ силахъ были вкушать его веселїя.

Во время сего пира Славяне, по приказанїю Свѣтлосанову, старалися во всемъ наблюдать умѣренность; и когда отбывъ прочїе гости предалися сну, тогда они, переодѣвшись въ Индїйское платье, которое нарочно для того заготовили, вышли вонъ изъ города, не будучи ни отъ кого примѣчены во своемъ намѣренїи. Но бывъ пѣшїе не далеко бы могли они уйти, ежели бы по счастїю ихъ не попался имъ купецъ торгующїй конями, коихъ онъ велъ въ городъ для продажи. Славяне, купивъ ихъ тотчасъ, пустились отъ столицы по проселочной дорогѣ, дабы въ случаѣ погони не быть паки возвращенными въ городъ.

Путешествїе ихъ нѣсколько дней было нарочито спокойно. Они уже не весьма далеко были отъ Персидскихъ предѣловъ, какъ остановило ихъ путь слѣдующее приключенїе. Подъѣзжая къ пространному лѣсу, увидѣли они надъ онымъ летающаго ворона, который, какъ скоро ихъ увидѣлъ, то и устремился къ нимъ летѣть, каркая при томъ непрестанно: а полетавъ около ихъ нѣкоторое время, воз-

вратился опять на поверхность лѣса. Путешественники нѣсколько были симъ удивлены, однакожъ не остановили своего пути, и продолжали оный. Но какъ скоро поровнялись съ лѣсомъ, то воронъ паки къ нимъ возвратился, каркая изо всея силы, и летая около Славянъ, дѣлалъ такіе повороты, которыми нѣчто старался изъяснить, и послѣ опять прилетѣлъ отъ нихъ въ лѣсъ. Славяне пришедъ отъ сего въ большее удивленіе, начали разсуждать о семъ приключеніи, продолжая однакожъ свой путь. Примѣтя сіе воронъ, опять къ нимъ возвратился, и уже не только леталъ вкругъ нихъ, но, подлетая къ нимъ, щипалъ ихъ за платье, и старался всячески вразумить ихъ, чтобъ они возвратилися по его слѣдамъ. Свѣтлосанъ понялъ, что скрывается тутъ нѣкая тайность, и что птица желаетъ ихъ возвратить въ лѣсъ: онъ сообщилъ о томъ свои мысли сопутникамъ своимъ, которые охотно согласились увидѣть окончаніе сего приключенія.

Какъ скоро воронъ понялъ ихъ желаніе, то и полетѣлъ по тихоньку предъ ними: Славяне послѣдовали за нимъ, и въѣхали въ лѣсъ по небольшой тропинкѣ. Не долго слѣдовали они за нимъ въ густоту лѣса, какъ усмотрѣли въ дали привязаннаго къ дереву человѣка. Воронъ въ самое то время закаркалъ, и обращаясь то къ Славянамъ, то къ привязанному человѣку, вдругъ повалился съ воздуха на землю, какъ бы такое животное,

кото-

которое не имѣетъ крыльевъ; и когда путешественники ожидали съ паденіемъ его убоя, тогда птица, упавъ на землю, превратилась въ зайца, и тотчасъ отъ нихъ сокрылась.

Сіе приключеніе въ большее привело ихъ удивленіе; и когда они находились отъ сего почти въ недоумѣніи, тогда привязанный къ дереву человѣкъ вскричалъ къ нимъ: Помогите несчастному, великодушные незнакомцы! Славяне, возбужденные его прозьбою, немедленно поѣхали къ нему, дабы избавить его отъ узъ. Какъ скоро Свѣтлосанъ по ближе къ нему подъѣхалъ, то и узналъ въ немъ того Древлянскаго Князя, который подарилъ ему золотую стрѣлу, принадлѣжавшую Видостану. Онъ слезъ тотчасъ со своего коня, и отвязывая его сказалъ ему: Я очень радъ, любезный мой Князь, что нашелъ случай отслужить тебѣ нѣсколько за твой подарокъ. Удивленный Древлянинъ сими словами, осматривалъ жадно Свѣтлосана, и самъ позналъ его вскорѣ. Ахъ, государь! вскричалъ онъ, будучи уже отвязанъ, и обнимая Свѣтлосана: подарокъ мой гораздо меньше теперешняго твоего благодѣянія. Ни какъ, отвѣтствовалъ другій, онъ для меня очень былъ важенъ, и стрѣла твоя, возвратя свободу Видостану, снискала мнѣ при томъ такія свѣдѣнія, какихъ бы я ни когда безъ нее не получилъ. Но прежде нежели узнаешъ ты отъ меня о семъ, оставимъ по скорѣе сіи мѣста, которыя жизни твоей были столь опасны. Бориполкъ, сказалъ онъ по

 томъ

томѣ своему Оруженосцу, отдай Князю твоего коня, а ты можешь ѣхать съ Русомъ вмѣстѣ, пока попадется намъ и для тебя купить лошадь. Оруженосецъ исполнилъ по его приказанію, а Свѣтлосанъ просилъ Древлянина сѣсть на оставленнаго ему коня: послѣ чего оставили они немедленно лѣсъ, и пустились по той дорогѣ, которая вела ихъ къ Персіи. Во время пути Славенскій Князь, желая узнать о всѣхъ приключеніяхъ Древлянина, просилъ его разсказать подробно свою исторію, къ чему и прочіе присовокупили свои прозьбы. Древлянскій Князь, помолчавъ немного и воздохнувъ, началъ такъ свою повѣсть.

Исторія Останова.

Начало печальныя моея жизни ты довольно вѣдаешь, Государь, сказалъ онъ Свѣтлосану; но сіи господа можетъ быть о томъ не знаютъ, чего ради и начну ее съ самаго ея происхожденія. Я называюсь Останъ, продолжалъ онъ, и происхожу изъ древняго поколѣнія Древлянскихъ Князей, которыхъ Княжество находится въ Червонной Россіи между Днѣпромъ и Припятью, пространными водою рѣками. Я родился отъ послѣдняго Князя нашего рода, именемъ Любослава; и едва я увидѣлъ свѣтъ, какъ смерть моея матери, приключившаяся ей отъ моихъ родовъ, возвѣстила мнѣ несчастную жизнь, на которую сужденъ я рокомъ. Родитель мой любя свою супругу

весьма

весьма страстно, вскорѣ за нею послѣдовалъ, препоруча меня въ опеку ближнему своему Боярину, отъ котораго все несчастіе моея жизни устроилось.

Обыкновенно неблагодарность неистовствуетъ наиболѣе тогда, когда присовокупляется къ ней любочестіе и корысть. Сей Вельможа, именемъ и нравами Презолъ, пользовавшійся паче всѣхъ милостями моего родителя, и снискавшій ласкательствами своими его довѣренность, употребилъ ее во зло, пріявъ по немъ во власть правленіе Княжества, и позабылъ вскорѣ, чѣмъ онъ былъ долженъ сыну своего благодѣтеля. Сіяніе вѣнца ослѣпило его очи; онъ предпріялъ не токмо лишить меня онаго, но даже отнять у меня и жизнь мою, чтобъ безопаснѣе по томъ воспользоваться плодомъ своего злодѣйства. Въ слѣдствіе адскаго сего предпріятія началъ онъ истреблять, подъ разными предлогами, пріятелей нашего дома, а своихъ ласкателей и любимцевъ возвышать на ихъ мѣста, отдая имъ всю власть въ Государствѣ. На послѣдокъ, укрѣпясь такимъ образомъ на престолѣ, повелѣлъ меня, еще младенца бывша, отравить тайно ядомъ. Но кормилица моя, узнавъ о семъ варварскомъ намѣреніи, и будучи вѣрна родителю моему и по смерти его, возгнушалася неслыханнымъ симъ злодѣйствомъ, презирая и обѣщанное ей за сіе великое награжденіе, и отнесла меня тайно ко Славомыслу, Чернобогову Первосвященнику,

 кото-

который равномѣрно сохранялъ великое усердіе къ нашему Дому.

Сей добродѣтельный мужъ сокрылъ меня, и съ кормилицею моею, въ тайникѣ Чернобогова храма, куда ни кто кромѣ его и стараго ево служителя не ходилъ, и гдѣ сей Первосвященникъ получалъ вдохновенія и пророчествы отъ сего божества. Въ семъ жилищѣ пробылъ я до пятьнадцати лѣтъ моего возраста, въ которыя Славомыслъ старался научить меня всему тому, что можетъ человѣка моего состоянія просвѣтить и наставить въ добродѣтели. Въ должности сей могъ онъ успѣть тѣмъ наипаче, что самъ былъ весьма ученъ, чѣмъ и снискалъ себѣ санъ первосвященничества. По вступленіи моемъ на шестьнадцатый годъ, вѣрная моя кормилица умерла, а за нею вскорѣ и Первосвященникъ скончался. Тогда то прямо остался я несчастнымъ человѣкомъ, о коемъ ни солнце ни земля не вѣдали.

Передъ смертію своею Первосвященникъ открылъ мнѣ родъ и санъ мой, и всѣ мои несчастія, надѣяся симъ возбудить во мнѣ ревность ко благочестію и добродѣтели. Сими одними средствами, говорилъ онъ мнѣ, можешъ ты возвратить себѣ погибшій твой престолъ; благочестіемъ твоимъ боги, а добродѣтелію человѣки подвигнутся къ тебѣ на сожалѣніе; старайся объ нихъ паче и жизни твоея, ибо, ежели и жизнь твоя для нихъ прекратится, то земныя твои имѣнія останутся долу, а душевныя вознесутся съ тобою горе. Но

прежде

прежде нежели, продолжалъ онъ, отыду я ко праотцамъ моимъ, хочу тебя наградить наслѣдіемъ отцевъ моихъ, такъ какъ сына и питомца моего, ибо кромѣ тебя нѣтъ по мнѣ наслѣдника. Желаю только того, чтобъ сіе наслѣдіе употреблялъ ты во благо, а не во зло, и во спасеніе твоея жизни, такъ какъ употребляли отцы мои, и тому же и меня научили. А тебѣ оно будетъ потребнѣе насъ всѣхъ: ты имѣешъ себѣ врагомъ сѣдящаго здѣсь на престолѣ, который не преминетъ искать твоея смерти, когда узнаетъ о тебѣ что ты живъ. Сего ради совѣтую тебѣ удалиться, по смерти моей, изъ отечества твоего, и просвѣщать твой разумъ познаніями свѣта, пока боги, по усмотрѣніи въ тебѣ достойнаго Вѣнценосца, соблаговолятъ возвратить тебѣ престолъ твоихъ предковъ. Сіе вѣщаю я тебѣ, примолвилъ онъ, по повелѣнію самихъ боговъ.

Сказавъ сіе, взялъ онъ меня за руку, и повелъ во святилищѣ храма: оное было четвероугольно, сооружено изъ чернаго мрамора, на стѣнахъ онаго изображены были всякаго рода мученія и казни, коимъ подвергаются во адѣ беззаконники. По срединѣ святилища стоялъ на мѣдномъ подножіи Черноболговъ кумиръ, сотворенный изъ эбениноваго дерева, глава его была златая, украшена алмазнымъ вѣнцемъ: онъ былъ препоясанъ змѣею, и покровенъ черною епанчею съ пламенными пятнами; лице имѣлъ свирѣпое, и грозящее казнію; во правой рукѣ держалъ мечъ и скорпію, а въ лѣвой

 вѣсы;

вѣсы; десною ногою попиралъ увѣнчанную голову, зіяющую пламенемъ, а шуею городскую стѣну, усыпанную деньгами.

Вошедъ во святилищѣ Славомыслъ, палъ ницъ предъ кумиромъ, чѣму и я послѣдовалъ; по томъ прочтя по тихоньку молитву, отперъ онъ потаенную дверь у подножія божескаго истукана, и вынялъ оттуду сандаліи (*), и кошелекъ съ деньгами. Вотъ наслѣдіе моихъ праотцевъ, сказалъ онъ обратясь ко мнѣ: пріими его, и употребляй въ единыхъ только нуждахъ, могущихъ тебѣ случиться; сіи сандаліи имѣютъ силу носить человѣка по водамъ и воздуху, а кошелекъ сей хотя немного содержитъ въ себѣ златницъ, однакожъ во вѣки не будетъ истощимъ, ежели ты станешъ изъ него брать на единыя твои нужды, и на спомоществованіе неимущихъ и страждущихъ неповинно. Храни сіи вещи, и не ввѣряй ихъ ни кому, ниже повѣдай. По семъ обратяся къ Чернобогу, простерся предъ нимъ паки, и вставъ на колѣни, что и мнѣ также повелѣлъ учинить, возгласилъ къ нему: Мстительное и защитительное божество! призри на сего знаменитаго сироту; споборствуй ему, ежели будетъ онъ добродѣтеленъ, и накажи его, ежели онъ порокамъ предастся, и наслѣдіе сіе станетъ употреблять во зло.

Такимъ

(*) Родъ старинныя обуви, употреблявшіяся на Востокѣ.

Такимъ образомъ добродѣтельный сей мужъ, вручивъ мнѣ летающїе сандалїи, и неистощимый кошелекъ, отвелъ меня паки во прежднее мое жилище. Вскорѣ послѣ сего онъ скончался: о семъ увѣдомилъ меня старый его служитель, который, какъ я уже объявилъ, о тайнѣ нашей вѣдалъ, и приносилъ мнѣ пищу. Сїе печальное извѣстїе ввергнуло меня въ неизрѣченную горесть и недоумѣнїе: я не зналъ, что мнѣ съ собою начать, и какимъ образомъ явиться свѣту, коего я не зналъ. Сїе мое недоумѣнїе открылъ я сему усердному служителю, который, сообразуяся съ увѣщанїями моего благодѣтеля, совѣтовалъ мнѣ удалиться по скорѣе во другїя Славенскїя Области, и путешествовать по онымъ, сколько для наученїя моего, столько и для сокрытїя себя отъ измѣнника, похитившаго мой престолъ, пока милосердые боги не возвратятъ мнѣ онаго. Я охотно послѣдовалъ ево мнѣнїю, и просилъ его сотовариществовать мнѣ въ семъ моемъ странствованїи, на что Добрыня, ибо такъ онъ назывался, охотно и согласился.

Такимъ образомъ положа на мѣрѣ наше путешествїе, опредѣлили мы выйти ночью изъ храма и Искореста (*), столицы нашего Княжества. Произведенїе сего предпрїятїя благо-

---

(*) Сей городъ называется также Коростенемъ въ Лѣтоп, Преп. Нест.

благополучно было окончано: вышедъ въ рощу, окружающую сей городъ, разсуждали мы, въ которую сторону прежде всего намъ отправиться. Разговаривая о семъ пришли мы во средину сея рощи, которую освѣщало тогда сїянїе луны; помощїю сего свѣта увидѣлъ я нѣсколько стоящихъ тутъ столповъ, изъ дикаго камня, весьма искустно сооруженныхъ, и на оныхъ поставленные сосуды изъ чернаго мрамора. Остановимся здѣсь, Государь, сказалъ мнѣ Добрыня; на сихъ столпахъ опочиваютъ прахи твоихъ родителей, я нарочно привелъ тебя сюда, дабы ты, прежде отшествїя твоего изъ сея страны, простился съ ними, и воздалъ имъ поклоненїе, когда уже не можешъ имъ отправить Тризны. Я палъ на колѣни, и вмѣсто воспоминовенїя принесъ имъ жалобы и слезы. По довольномъ моемъ предъ ними сѣтованїи, препровождавшїй меня Добрыня совѣтовалъ мнѣ оставить сїе мѣсто, и искать убѣжища до восхожденїя Зимцерлы. Во время пути сопутникъ мой старался меня развеселить, разсказывая мнѣ о приключенїяхъ своея жизни, которыя состояли въ томъ, что онъ въ молодости своей учился вмѣстѣ съ покойнымъ Первосвященникомъ, которому понравясь, и будучи бѣднымъ человѣкомъ и сиротою, согласился всю жизнь препроводить при немъ: и по сей причинѣ жилъ за всегда въ его домѣ не такъ какъ служитель, но какъ домашнїй. При семъ также обьявилъ мнѣ онъ и о другихъ обстоятельствахъ своея жизни,

кото-

которыя довольно означали грубость и звѣрство Древлянъ, и ихъ сосѣдей. Обычай сожигать усопшихъ тѣла, и прахъ ихъ, полагая въ сосуды, ставить на столпахъ при большихъ дорогахъ, и вмѣсто порядочнаго бракосочетанія хватать дѣвицъ у водъ, и имѣть оныхъ себѣ вмѣсто женъ, переняли Древляне, по сказкамъ его, отъ сосѣдовъ своихъ Радимичей, Кривичей, Вятичей и Сѣверянъ.

Такимъ образомъ повѣствуя мнѣ о нравахъ Древлянъ, старался онъ уклоняться отъ Искореста въ сторону, и при восходѣ зари привелъ меня въ небольшую деревню, въ которой мы отдохнувъ, и купя себѣ коней, пустились въ путь. Добрыня совѣтовалъ мнѣ прежде всего ѣхать въ Область Дулебовъ и Бужанъ, у коихъ во странѣ было славное пророчество, зовомое Золотою Бабою. Сїе прорицающее божество, говорилъ онъ мнѣ, должно тебѣ вопросить о успѣхѣ нашего путешествїя, и о будущей твоей судьбѣ. Я охотно послѣдовалъ сему его совѣту, желая узнать о себѣ предбудущее, къ чему всѣ почти пристрастны человѣки.

И такъ направя путь нашъ въ сїю страну, чрезъ нѣсколько дней прибыли мы въ нее; и еще изъ далека увидѣли мы въ оной стоящїй великолѣпный храмъ Золотыя Бабы, сооруженный изъ чистаго бѣлаго мрамора, и обнесенный такою же оградою. Чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ сему храму, тѣмъ болѣе увеличивалось его великолѣпїе въ нашихъ глазахъ.

захъ. Ограда онаго содержала въ себѣ покойныя и пріятно расположенныя жилищи для жрецовъ сего божества: по обѣимъ сторонамъ воротъ построены были гостинницы для пріѣзжающихъ, изобилующія всѣмъ тѣмъ, что къ пропитанію, одеждѣ, и уврачеванію человѣковъ потребно.

Какъ скоро объявили мы привротнику желаніе наше поклониться и жертвовать богинѣ, такъ скоро и отперъ онъ намъ желѣзные вороты, которые непрестанно были заперты для опасности отъ разбойниковъ; ибо въ семъ храмѣ сохранялося великое сокровище, возраcтшее отъ щедрыхъ приношеній молебщиковъ: по тому что, изъ почтенія къ сему божеству, не дерзалъ ни единъ приходящій отойти отъ него безъ принесенія ему какія-либо вещи; а ежели ни чего не имѣлъ, то вырвавъ изъ платья своего волосъ, приносилъ оный въ даръ, кланяяся въ землю.

По въѣздѣ нашемъ въ монастырь, нижніе служители храма съ великою учтивостію помогли намъ слѣзть съ лошадей: одни изъ нихъ повели ихъ въ конюшни, а другіе препроводили насъ самихъ въ гостинницу, гдѣ мы угощены были по княжески. Чрезъ нѣсколько часовъ объявили намъ, что Первосвященникъ сего храма желаетъ насъ видѣть. Мы тотчасъ пошли къ нему, и уговорились на дорогѣ сказаться купцами изъ Коростеня. Первосвященникъ принялъ насъ весьма ласково, и угощая вопрошалъ о винѣ нашего прибытія. Мы ему объяви-

объявили, что желаемъ принести жертву, и вопросить о нашей судьбѣ Великую Матерь боговъ. Жрецъ съ охотою обѣщался со своея стороны удовлетворить наше желанїе, спрашивая насъ при томъ, какую мы хотимъ избрать жертву, чтобъ почтить богиню. Я вынявъ десять золотыхъ просилъ его, чтобъ онъ избралъ за сїи деньги такую, какую ему за благо разсудится. Предложенїемъ симъ Жирославъ, (такъ онъ назывался,) наипаче былъ доволенъ.

Тотчасъ послѣ сего позвавъ своего служителя, и приказавъ ему привесть для жертвоприношенїя непорочную юницу, овна, и двухъ агнцевъ, просилъ насъ слѣдовать съ нимъ во храмъ. Оный былъ осажденъ кедрами и буками; украшенъ отовсюду мраморными багряными столпами, коихъ главицы вылиты были изъ мѣди, и позлащены весьма крѣпко; притворъ храма, гдѣ приносили жертву, сооруженъ былъ также изъ мрамора, и украшенъ подобнымижъ столпами. Жертвенникъ, на коемъ сожигали жертву, и другїй, на которомъ жарили нѣкоторыя ея части для пожранїя, были стальные, и по мѣстамъ украшены серебряными съ золотомъ цвѣтками. По сторонамъ ихъ стояло на таганахъ нѣсколько мѣдныхъ котловъ, въ которыхъ варили также нѣкоторую часть жертвъ. Сѣкиры, ножи, и другїя жертвенныя орудїя, состояли изъ блистательнаго и крѣпкаго камня и серебра; также сосуды, умывальницы, и другїя подобныя

бныя сему вещи, были всѣ изъ драгоцѣннаго вещества, и преизбраннѣйшія работы.

Вскорѣ привели къ намъ жертву, украшенную вѣнками изъ цвѣтковъ. Первосвященникъ и спомоществующіе ему жрецы, облекшися въ богослужительныя ризы, начали службу пѣніемъ и молитвами, по окончаніи коихъ Жирославъ, возлагая на каждую жертву свою руку, приказывалъ ихъ убивать, и пріуготовлять къ жертвоприношенію. По повелѣнію его вскорѣ все было уготовано: лучшія части были оставлены для трапезы жрущихъ, а прочія сожжены въ честь богинѣ.

По совершеніи такимъ образомъ жертвоприношенія, Жирославъ увѣрялъ насъ, гадая по колебанію огня, и по теченію дыма, что жертва благопріятна богинѣ, и что можемъ мы ожидать благополучнаго событія нашимъ желаніямъ. По семъ повелъ онъ насъ во внутренность храма. Стѣны его украшены были живописью, представляющею дѣла и приключенія богини. Кумиръ ея, вылитый изъ чистаго золота, стоялъ посрединѣ храма: на рукахъ у нее сидѣла маленькая дѣвочка, которую почитали ея внукою. На богинѣ и внукѣ ея были вѣнцы изъ дорогихъ каменьевъ, самыя высокыя работы и цѣны. Подножіе ихъ изваяна состояло изъ чистаго серебра, и украшено было вылитыми изъ золота цвѣтками, и разноцвѣтными каменьями. Стоящій предъ ними жертвенникъ былъ подобно сооруженъ и украшенъ. Истуканъ сей окру-

окруженъ былъ отовсюду разнообразными музыкальными орудїями.

По вшествїи нашемъ во храмъ, Первосвященникъ приказалъ намъ пасть предъ жертвенникомъ на колѣни, и предложить на немъ то, чѣмъ мы обреклися богинѣ. Повелѣнїе его немедленно мы исполнили: я вставъ съ Добрынею на колѣни, положилъ нѣсколько горстей златницъ на жертвенникъ, а Добрыня нѣсколько пенязей. Въ тотъ мигъ всѣ музыкальныя орудїя, окружающїя кумиръ, возгремѣли, и произвели во храмѣ превеличайшїй шумъ: богининъ истуканъ поколебался; а мы, бывъ устрашены симъ дѣйствїемъ, пали ницъ на землю. Послѣ сего шумъ мало по малу началъ утихать, и при концѣ онаго услышали мы гласъ богининъ, подобный трубному гласу.

Какъ твоя невинность страждетъ,
Какъ его злодѣйство жаждетъ,
Боги видятъ то давно:
Вскорѣ злыхъ не наказуютъ,
Косно добрыхъ испытуютъ;
И по семъ дѣлятъ равно.

Сїе прорѣченїе жрецы тотчасъ записали, и подали мнѣ онаго списокъ, за что отвѣтствовалъ я имъ нѣкоторымъ числомъ червонцевъ. Послѣ сего просилъ насъ къ себѣ Первосвященникъ на вкушенїе жертвы, со всѣми бывшими при томъ жрецами. Мы за нимъ послѣдовали; а Жирославъ, обращая ко мнѣ

рѣчь, говорилъ мнѣ такъ: Богиня наша правосудна, пріятный гость! она невинныхъ защищаетъ, и побораетъ по нихъ; а злодѣямъ всегда противится: и рано или поздно наказуетъ ихъ. Я тебѣ при трапезѣ нашей разскажу о происхожденіи и дѣлахъ ея. Я не испытую, продолжалъ онъ, о состояніи твоея жизни, но токмо вижу по изрѣченію божества, что ты добродѣтеленъ и несчастливъ; но какъ злодѣйство гнать тебя ни станетъ, не ослабляй своего терпѣнія: боги со удовольствіемъ взираютъ на борющуюся добродѣтель съ несчастіями; и на послѣдокъ увѣнчаваютъ ее.

При продолженіи имъ подобнаго сему нравоученія, прибыли мы въ его обитель. Столъ уже былъ уготованъ: Жирославъ просилъ насъ за него сѣсть; и когда нѣсколько уже насытилися, тогда онъ паки обращая ко мнѣ рѣчь, вѣщалъ мнѣ слѣдующее: Я обѣщалъ тебѣ разсказать о началѣ и происхожденіи нашего божества, зовомаго черніею Золотою Бабою, по причинѣ злашаго ея изваяна. Вотъ каковое повѣствованіе о томъ намъ предано: первоначальное существо Ѳиръ, совокупяся съ нестройностію стихій, произвели на свѣтъ великую нашу богиню, Царицу земли, и Матерь всѣхъ боговъ; а она сочетавшися со Свѣтовидомъ или Солнцемъ, равнымъ ей во древности божествомъ, породила міру Перуна, строителя громострѣляній и всѣхъ воздушныхъ явленій; по томъ Волоса, бога скотовъ,

по

по немъ Купа́ла, бога всякородныхъ плодовъ древесныхъ и земныхъ, и прочихъ боговъ и богинь, какъ то Ла́ду, Зимце́рлу, Бѣлбо́га, Чернобо́га, Нíю, Похви́ста, Дого́ду, Усла́да, Кики́мору, и имъ подобныхъ. Сынъ ея Перунъ, совокупясь съ сестрою своею Ладою, богинею Любви, произвелъ Си́ву, богиню житъ и растѣнíй. И сiю то любезную внуку, питательницу человѣковъ, держитъ богиня наша непрестанно во своихъ объятiяхъ, и любитъ ее жарчае всѣхъ своихъ дѣтей и внучатъ. А наши праотцы, желая означить свойство и достоинствы сихъ богинь, изобразили ихъ златыми, украсивъ вѣнцами изъ драгоцѣнныхъ камней; ибо отъ нихъ проистекаютъ намъ и злато и сребро, и вся благая сея жизни. А окруженiе музыкальными орудiями образа нашея матера боговъ уставлено во знакъ того, что возставшую между дѣтьми ея распрю, о державѣ земли, она пресѣкла, и возстановила между ими согласiе правосуднымъ оныя раздѣломъ; и для того еще, что она многiя изъ сихъ орудiй изобрѣла сама, и любитъ ими услаждатъся; и за всегда свои пророчествы произноситъ во гласѣ трубномъ.

По семъ Жирославъ, продолжалъ Останъ, разсказывалъ мнѣ о многихъ ея чудесахъ, и о дѣлахъ ея чадъ, о чемъ однакожъ я умалчиваю, какъ о такихъ вещахъ, о которыхъ и ты, Государь, я чаю вѣдаешъ; а приступлю

теперь къ повѣствованію другихъ моихъ приключеній.

Я пробылъ нѣсколько дней во священномъ семъ жилищѣ, наслаждаяся собесѣдованіями Первосвященника, которому подарилъ я пятьдесятъ червонныхъ, и еще сто далъ на содержаніе ихъ гостинницы. По семъ, совѣщавшися съ сопутникомъ моимъ, поѣхалъ я въ Державу Полянъ, у коихъ столицею былъ Кіевъ, построенный сего же имени Княземъ. Полянами владѣлъ тогда Князь Коваръ: у него вазнамѣрился я просить себѣ помощи противу похитителя моего престола.

Путь нашъ даже до сего города былъ благополученъ: мы нашли Ковара, не доѣзжая до города, въ бору, окружающемъ Кіевъ, забавляющагося съ придворными своими звѣроловительствомъ. По прошенію моему я былъ ему представленъ: ласковый его пріемъ обнадежилъ меня открыться ему въ моей нуждѣ. На прозьбу мою отозвался онъ благосклонно: да и столько еще явилъ мнѣ благопріятства, что просилъ меня жить во своемъ дворцѣ во все то время, которое пробуду я въ Кіевѣ. Таковыя ласки со всѣмъ поколебали мое легковѣріе: и я уже почиталъ себя сѣдящимъ на престолѣ моего родителя. Но, увы! какъ мало разумѣлъ я политику властолюбивыхъ Государей, внемлющую болѣе своимъ прибыткамъ, нежели человѣколюбію.

Нѣсколько дней старалися забавлять меня пустыми надеждами, какъ между тѣмъ пересылалися съ моимъ злодѣемъ, коему дали

знать

знать о моемъ пребыванiи въ Кiевѣ, и просили отъ него себѣ уступки нѣкоторыхъ городовъ, если не желаетъ онъ зрѣть себя воюема въ мою пользу. Похититель моего вѣнца, желая отвратить отъ себя сiю бурю, охотно на требованiе ихъ согласился: съ такимъ напротивъ варварскимъ условiемъ, чтобъ меня ему выдали мертва или жива. Судя по коварству Кiевскаго Князя и его Вельможъ, можетъ быть и былъ бы я несчастною жертвою властолюбiя Презолова, ежелибъ нѣкто изъ Коваровыхъ Бояръ не продалъ мнѣ сея тайны за нѣкоторую сумму денегъ.

Какъ скоро я извѣстился о семъ проклятомъ ухищренiи, такъ скоро и уѣхалъ изъ Кiева. По совѣту Добрынину, слыша о добродѣтеляхъ и благостынѣ твоего родителя, Государь, говорилъ Древлянинъ Свѣтлосану, вознамѣрился я ѣхать во Славенскъ, дабы пасть къ ногамъ великодушнаго Богослава, для испрошенiя у него тоя милости, о коей тщетно умолялъ я Полянскаго Князя. Во время сего моего путешествiя занемогъ я сильною огневицею, чего ради и остановился во Столицѣ Кревичей, гдѣ находился храмъ Знича, сего Священнаго Огня, подающаго болящимъ исцѣленiе, и совѣты на уврачеванiе болѣзней. Я послалъ Добрыню къ Первосвященнику сего божества, дабы онъ вруча ему отъ меня сто златницъ, попросилъ его принесть жертву сему неугасимому Пламеню, для испрошенiя отъ него мнѣ уврачеванiя. Жрецъ, повелѣвъ

ему прійти на утріѣ, далъ такій отвѣтъ Добрынѣ, который, по словамъ его, само божество изрѣкло ему нощію.

Обуй въ сандаліи трепещущія ноги,
И безбоязненно ступай во всѣ дороги:
Ни воздухъ, ни вода тебя не повредитъ,
Ни самый Тартаръ въ нихъ тебя не побѣдитъ.

Сей гласъ боговѣщалища возвратилъ мнѣ память о забвенныхъ мною сандаліяхъ, данныхъ мнѣ въ наслѣдство Славомысломъ, Первосвященникомъ Черноботовымъ, моимъ воспитателемъ. Я приказалъ Добрынѣ вынять ихъ изъ сумки, въ которую они мною были спрятаны, и обуть меня. Какъ скоро онъ на меня ихъ надѣлъ, такъ скоро и началъ я чувствовать распространяющееся по всѣмъ моимъ жиламъ стремленіе крови, со окончаніемъ коего жаръ сталъ во мнѣ утухать, и силы мои чувствительно стали приходить во прежднее состояніе. Однимъ словомъ, чрезъ часъ сдѣлался я такъ здоровъ, какъ будтобъ не бывалъ ни когда боленъ. Въ тогдашнемъ моемъ восхищеніи бросился я на землю, и принесъ священному Зничу благодарственное моленіе, сопровождамое радостными слезами. Послѣ сего пошелъ я во храмъ онаго, желая принести ему великолѣпную жертву.

Храмъ его стоялъ на высокой горѣ, сооруженъ изъ дикаго камня, и огражденъ высокою и крѣпкою стѣною на подобіе зáмка.

Стѣны

Стѣны его состояли изъ двухъ ярусовъ небольшихъ покойцевъ: въ нижнихъ содержалися плѣнники и скоты, опредѣленные на закланïе въ жертву сему Священному Огню; а въ верхнихъ жили служители храма, и нѣкоторые жрецы. По входѣ моемъ въ сïю ограду, слухъ мой пораженъ былъ стономъ плѣнныхъ, испрашивающихъ себѣ отъ боговъ и мимоидущихъ свободы отъ напрасныя смерти. Жалость объяла мое сердце: я не могъ понять причинъ сему звѣрскому обыкновенïю, чтобъ предавать огню неповинныхъ человѣковъ, въ жертву такому божеству, которое подаетъ намъ исцѣленïе, и печется о нашемъ здравïи. О Боже! вскричалъ я тогда, конечно не ты виною варварскому сему уставу, но жадность къ корыстолюбïю немилосердыхъ твоихъ жрецовъ. Сïя мысль заглушила во мнѣ почтенïе, которое было возымѣлъ я къ Первосвященнику сего божества. Я вознамѣрился съ нимъ увидѣться, и употребить всю мою возможность къ освобожденïю невольниковъ, и ко уничтоженïю адскаго сего обыкновенïя.

Жреца сего нашелъ я готовящимся ко приношенïю сея кровавыя и безчеловѣчныя жертвы. Поблагодаря его за предстательство о мнѣ у божества, просилъ я его принесть отъ меня благодарственную жертву. Изрядно отвѣтствовалъ онъ, сïе я охотно учиню по принесенïи законныя жертвы. Я его вопросилъ о ея родѣ, и услышалъ, что она-то и состоитъ изъ сихъ несчастныхъ плѣнниковъ,

 возму-

возмутившихъ толико мои чувствы. Честный отецъ! сказалъ я ему, не ужель и боги столькожъ мстительны и жестокосерды, какъ и мы человѣки? И какая причина побуждаетъ ихъ желать толь варварскія жертвы? Не льзя статься, чтобъ они услаждались человѣческимъ мученїемъ и кровїю. И развѣ не о всѣхъ людяхъ равно они пекутся, и не равно ихъ любятъ? Жрецъ отвѣтствовалъ мнѣ весьма смятно на сїи вопросы, изъ коихъ ничего другаго я не понялъ, кромѣ пустыхъ его отговорокъ. Я употребилъ всѣ силы моего смысла, чтобъ доказать ему безчеловѣчїе и беззаконное заблужденїе сея службы. Но онъ противополагалъ мнѣ на то, что сїе заведено издревле, и что сею жертвою божество ихъ конечно услаждается. О человѣки! возопилъ я тогда, вы и звѣрей въ ярости и невѣжествѣ своемъ превосходите. Отче честный! говорилъ я ему, будь ты первый исправителемъ сего варварскаго и адскаго злоупотребленїя: боги конечно не требуютъ отъ насъ толь проклятыя жертвы; но отвращаются и мерзятся ею. Лютый жрецъ не внималъ моимъ разсмотрѣнїямъ, и готовился исполнить сїе варварское дѣло. Но я, отозвавъ его на сторону, обѣщалъ ему дать за всякаго плѣнника по сту червонцевъ, ежели онъ освободитъ ихъ отъ закланїя, и отпуститъ на волю.

При семъ обѣщанїи корыстолюбивый жрецъ улыбнулся, и умягчилъ суровый свой

видъ

видъ и голосъ: Чадо мое! сказалъ онъ мнѣ, я вижу, что великїй Зничъ, подавъ тебѣ здравїе, хочетъ тебя прославить щедротою: волѣ его я повинуюся: исполняй его желанїе; а я сего же вечера освобожу плѣнниковъ, когда ему сїе угодно. Но не повѣдай сего народу, продолжалъ онъ, сему неумолимому чудовищу, котораго единыя чудеса къ покорству преклоняютъ. Я обѣщалъ ему содержать сїе тайно, и въ тотъ же день принесть ему цѣну на искупленїе неповинныхъ.

По сему нашему условїю, жрецъ пошелъ во храмъ, и по совершенїи нѣкоторыхъ жертвенныхъ обрядовъ, притворился вдругъ ужаснувшимся; и дрожащимъ голосомъ, кривляя глазами и устами, возопилъ къ народу: О неизрѣченнаго божїя къ намъ милосердїя! При самой пропасти великїй Зничъ воспящаетъ насъ отъ паденїя. Народъ, обладающїй Кревическими Землями: Священный Огнь освобождаетъ тебя отъ истребленїя, которое соединено было со смертїю сихъ плѣненныхъ тобою враговъ. Онъ мнѣ открылъ теперь, что коль скоро пролїется кровь сихъ Печенѣговъ, то чрезъ три дни, по непремѣнному опредѣленїю всемогущїя Судьбы, падетъ наше Государство, и искоренится невозвратно нашими врагами; и что для избѣжанїя сего бѣдства нѣтъ другаго способа, кромѣ освобожденїя сихъ плѣнниковъ. По сихъ словахъ онъ умолкъ, а народъ, ввергнутый имъ во смятенїе и страхъ, возопїялъ, и требовалъ ихъ освобожденїя немедленно.

Хитрый жрецЪ, радуяся успѣху своего обмана, обѣщалЪ народу освободить ихЪ во слѣдующую ночь; ибо, присовокупилЪ онЪ, сего требуетЪ само божество, дабы они во тмѣ оставили нашу страну; ибо тма сїя послужитЪ имЪ омраченїемЪ во всѣхЪ ихЪ предпрїятїяхЪ на нашу Землю. Но сїе значило, продолжалЪ ДревлянинЪ, что онЪ хотѣлЪ на передЪ увѣриться вЪ деньгахЪ, обѣщанныхЪ ему мною, прежде нежели освободитЪ сихЪ ПеченѣговЪ. НародЪ на все согласился, чего ни желалЪ отЪ него ПервосвященникЪ, который, по принесенїи обыкновенныхЪ жертвЪ, возвратился во свою обитель; а я пошелЪ кЪ себѣ на постоялый дворЪ, дабы приготовить ему деньги.

Дорогою встрѣтился со мною Добрыня, который отлучался отЪ меня для нѣкоторыя нужды, и ни чего не вѣдалЪ о переговорахЪ моихЪ со жрецомЪ. Я ему разсказалЪ сїю исторїю, и не могЪ сЪ нимЪ надивиться жадности сего Первосвященника, которая побуждаетЪ его не токмо народЪ обманывать, но и проливать человѣческую кровь подЪ предлогомЪ благочестїя и богопочитанїя. АхЪ, государь! сказалЪ мнѣ тогда Добрыня: такЪ ни какЪ и отвѣтЪ, данный имЪ тебѣ отЪ имени Знича, его же коварства есть вымыслЪ; ибо я признаюсь тебѣ, что онЪ ласкательствомЪ своимЪ вывѣдалЪ отЪ меня нѣсколько о нашей тайнѣ, и о сандалїяхЪ, врученныхЪ тебѣ СлавомысломЪ. А что онѣ помогли тебѣ освободиться отЪ болѣзни, такЪ сїе конечно

нечно произошло отъ сокрытыя въ нихъ для сего силы, а не отъ Знича, коему приписываетъ жрецъ исцѣленіе болѣзней. Разсужденіе сіе почелъ я справедливымъ, соображая его со жреческимъ коварствомъ. Познавши же тогда всю цѣну удивительныхъ моихъ сандалій, предпріялъ я носить ихъ на себѣ всегда; а Добрынѣ приказалъ не обьявлять впредь ни кому о сей нашей тайнѣ.

Между тѣмъ желая спасти неповинныхъ плѣнниковъ, вынялъ я изъ неистощимаго моего кошелька деньги, по числу плѣнниковъ, которыхъ было около двадцати человѣковъ; и пошелъ подъ вечеръ къ корыстолюбивому жрецу, которому вручивъ сей выкупъ, просилъ его исполнить свое обѣщаніе, что онъ въ тотъ же часъ и учинилъ, приказавъ ихъ освободить. Послѣ чего ласкательствы его доказали мнѣ ясно, сколь подла была ево душа. Я оставилъ его скоро, возымѣвъ къ нему презрѣніе больше еще прежняго. Идучи на мое подворье разсуждалъ я, какъ праведные боги такихъ гнусныхъ и беззаконныхъ тварей оставляютъ безъ наказанія; но вспомянувъ произрѣченіе Золотыя Бабы, что безсмертные медленно наказуютъ злодѣевъ, оставилъ сіе на Промыслъ Небесный, который на утріе же мнѣ доказалъ, что онъ справедливъ. Ибо на другій день Добрыня, ходившій за нуждою на рынокъ, обьявилъ мнѣ пришедъ, что сего Первосвященника зарѣзали воры, въ числѣ которыхъ былъ ево келѣйникъ, и пограбили все его имѣніе. Услышавъ сіе, воздалъ я хвалу Небу за избавленіе

вленіе земли отъ сего чудовища, пожиравшаго человѣчество, и просилъ прощенія въ моемъ роптаніи на Его правосудіе.

Послѣ сего приключенія вскорѣ оставилъ я сей городъ, и продолжалъ мой путь во Славенскъ. На семъ пути скончался добродѣтельный мой сопутникъ. По обыкновенію нашему тѣло его я сожегъ, и собравъ въ сосудъ онаго пепелъ, поставилъ во храмѣ того села, въ которомъ приключилась ему смерть. По совершеніи надъ нимъ тризны, отправился я паки въ мой путь, который даже до Валдайскихъ горъ былъ довольно спокоенъ; но на оныхъ разрушило его слѣдующее приключеніе. Не доѣзжая нѣсколько до сего урочища, наѣхалъ я на приказнаго человѣка, ѣхавшаго также во Славенскъ съ молодою своею женою, съ коею ѣздилъ онъ для свиданія къ ея родителямъ, и возвращался во столицу Славянъ, имѣя въ оной свое жилищѣ. Мы оба весьма были рады, что наѣхали въ пути своемъ себѣ сотоварища: онъ со мною тотчасъ познакомился, и разсказалъ мнѣ о себѣ, кто онъ таковъ; а я объявилъ ему о себѣ, что я Древлянинъ, и желая видѣть достойныя примѣчанія мѣста, путешествую. Такимъ образомъ разговаривая, уменьшали мы скуку, соединенную съ путешествіемъ, даже до объявленныхъ мною горъ.

По въѣздѣ нашемъ на оныя, и по продолженіи нѣкотораго по нихъ пути, переломилась ось у ево коляски, что и принудило его и жену ево изъ оныя выйти. Я также сошелъ

шелЪ съ моего коня, дабы имЪ сотовариществовать; и между тѣмЪ, какЪ люди ево старалися привесть во прежднее состоянїе коляску, мы всѣ трое пошли вЪ передЪ для прогулки. Взошедъ на стоявшую предЪ нами гору, превосходившую высотою всѣ прочїя, удивлялися мы Природѣ, аки бы игравшей вЪ семЪ мѣстѣ собранїемЪ вЪ совокупность толикаго числа горЪ, намешанныхЪ одна на другую. Во время сего нашего удивленїя, увидѣли мы летящее кЪ намЪ облако отЪ предѣловЪ Славенска: летѣнїе его было весьма быстро, и казалося нѣчто на немЪ сидящее. Позорище сїе привлекло на себя наши взоры: по приближенїи его кЪ намЪ, увидѣли мы на немЪ сѣдящаго малорослаго Еѳїопа, вЪ КитайскомЪ платье; сїе наипаче удвоило удивленїе и любопытство наше, которое намЪ всѣмЪ троимЪ причинило бы пагубу, ежелибЪ не имѣлЪ я на себѣ преудивительныхЪ моихЪ сандалїй. Ибо, коль скоро сей карло, подобный лицемЪ своимЪ и злостїю дїяволу, увидѣлЪ насЪ, то и устремился кЪ намЪ летѣть. Сїе ево стремленїе столь испужало молодыхЪ супруговЪ, что Милостана (такЪ называлась сїя женщина,) упала вЪ обморокЪ вЪ руки своего супруга, а ЗавидЪ ея мужЪ вЪ такую пришелЪ робость, что ни слова не могЪ выговорить, и стоялЪ какЪ изумленный.

МеждутѣмЪ ЕѳїопЪ спустившися кЪ намЪ, выхватилЪ ее изЪ рукЪ ея мужа, который, упавЪ отЪ страха, закричалЪ изо всея

силы: Ахъ, помилуй! помилуй, государь мой! пусти душу на покаяніе. Но карло ему не внималъ, и посадя женщину на облако, устремился съ нею отъ насъ летѣть. Но я, будучи не столь робокъ какъ ея мужъ, и подвигнувшись сожалѣніемъ, вознамѣрился отнять у волшебника несчастную сію женщину, которая, испуская стенаніе и вопль, призывала меня и мужа своего на помощь. И такъ, имѣя на себѣ летающія сандаліи, погнался я за карломъ, и достигъ его вскорѣ, ибо сандаліи мои несли меня быстрѣе птицы. Мурянинъ, увидя меня бѣгущаго за собою, бросилъ въ меня золотою стрѣлою, коею былъ онъ вооруженъ; но я отъ удара сего увернувшись, и поимавъ ево стрѣлу, устремился паки за нимъ, дабы самого его поразить ею. Уже вознесъ я руку мою на пораженіе его, какъ гнусный сей чародѣй, видно устрашась сего удара, и почтя меня сильнѣйшимъ себя, бросилъ бѣдную Милостану долой съ облака, а самъ устремился отъ меня летѣть.

Желаніе мстить ему не столь было во мнѣ сильно, какъ стремленіе помочь сей бѣдной женщинѣ, которая съ окончаніемъ своего паденія ожидала себѣ смерти. Я бросился за нею, и едва успѣлъ предускорить ея паденіе, схвативъ ее за одежду. Между тѣмъ проклятый ея похититель отъ насъ исчезъ. Завидъ, лѣжавшій во все сіе время полумертвымъ, услыша подлѣ себя шумъ, происшедшій отъ насъ, паки закричалъ: Ай! ай! помилуй!

милуй! Но я его началъ увѣрять, что врагъ ево уже исчезъ, и Милостана благополучно отъ онаго избавлена. Тогда онъ приподнявъ немного голову, и увидя насъ однихъ, сказалъ: Ахъ, проклятый чародѣй! какъ онъ меня испугалъ! Однакожъ, продолжалъ онъ прибодрившись, ежелибъ у меня давича что ни будь случилося въ рукахъ, то я бы доказалъ ему себя.

Въ спокойнѣйшее время расхохотался бы я ево храбрости, но тогда старался я только помогать бѣдной ево женѣ, которая не могла еще оправиться отъ ужаса, причиненнаго ей волшебникомъ. На конецъ, по старанію моему и ея мужа, получила она паки спокойствіе духа. Послѣ чего принялись и мужъ и жена осыпать меня благодарностями, и просили меня усердно не токмо сотовариществовать имъ въ пути, но и по пріѣздѣ во Славенскъ жить въ ихъ домѣ во все то время, которое пробуду я въ семъ городѣ. На учтивости ихъ отвѣтствовалъ я подобнымижъ учтивостями, и согласился охотно на ихъ желаніе. Между тѣмъ прибѣжали къ намъ Завидовы служители, которые весьма довольно были отъ насъ отдалены. Они усмотрѣли изъ дали случившееся съ нами приключеніе, и бѣжали намъ помочь по своей возможности; но уже дѣло окончано было до нихъ. Любопытство побуждало ихъ всѣхъ тогда просить меня, чтобъ я имъ разсказалъ, какимъ средствомъ возмогъ я побѣдить толь страшнаго врага, и летать подобно ему по воздуху.

По

По неосторожности моей открылЪ я имЪ, что это учинилось помощїю моихЪ сандалїй, имѣющихЪ силу носить по воздуху и водѣ, и при томЪ еще и отЪ болѣзней излѣчивать.

Сїе обЪявленїе возбудило во всѣхЪ моихЪ слушателяхЪ немалое удивленїе, которое на послѣдокЪ произвело вЪ одномЪ изЪ слугЪ ЗавидовыхЪ вредное для меня желанїе. ОнЪ вознамѣрился похитить у меня сей драгоцѣнный залогЪ моего воспитателя, что во слѣдовавшую же ночь и произвелЪ онЪ вЪ дѣйство на ночлегѣ, обокравЪ со мною вмѣстѣ и господЪ своихЪ, во время нашего сна. По пробужденїи нашемЪ, на другїй день, узнали мы о семЪ злодѣйскомЪ ево поступкѣ; и я еще благодарилЪ Небо за сохраненїе неистощимаго моего кошелька, о коемЪ ни кто не вѣдалЪ, и который и во время сна хранилЪ я у себя вЪ карманѣ: и по сей то причинѣ грабитель нашЪ не могЪ его у меня похитить. Бѣдные мои сопутники тѣмЪ болѣе горевали о семЪ несчастїи, что не имѣли больше чѣмЪ доѣхать до Славенска, ибо ворЪ укралЪ у нихЪ всѣ деньги; но я ихЪ скоро вывелЪ изЪ сея грусти, обѣщавЪ имЪ помогать во всѣхЪ ихЪ нуждахЪ. Сїе наипаче умножило ко мнѣ усердїе ихЪ и прїязнь: они осыпали меня тьмою благодаренїй, и даже привели меня вЪ стыдЪ своими учтивостями.

О семЪ странномЪ сЪ нами приключенїи, продолжалЪ ОстанЪ обращая слово ко Свѣтлосану, не имѣлЪ я случая ни тебѣ обЪявить,

Госу-

Государь, и твоему родителю, ниже кому-либо другому, во время пребыванія моего во Славенскѣ; и не вѣдаю по днесь, забвеніюль сіе приписать я долженъ, или волшебнымъ хитростямъ сего же чародѣя, котораго съ посрамленіемъ обратилъ я въ бѣгство. Я скорѣе это припишу ему, отвѣтствовалъ на то Свѣтлосанъ, ибо по стрѣлѣ познаю я въ немъ Карачуна, сего лютаго волшебника, который по всему свѣту причиняетъ великія бѣдствы многимъ людямъ, въ числѣ которыхъ находятся сестра моя и зять, что я тебѣ по окончаніи твоея повѣсти подробнѣе объявлю. И такъ я думаю, что сей волхвъ, надѣяся отбыть коварствомъ отъ достодолжныя себѣ казни, старается всѣ свои злодѣйствы сокрывать отъ человѣковъ; но только отъ всемогущихъ боговъ сего утаить онъ не въ силахъ, которые непремѣнно показнятъ его когда ни будь за неисчетныя его беззаконія. Сказавъ сіе, просилъ онъ паки Останa продолжать свое повѣствованіе, что Древлянинъ и учинилъ слѣдующимъ порядкомъ.

Послѣ сего случая, продолжалъ Остaнъ, путь нашъ былъ уже спокоенъ до самаго Славенска, коего великолѣпіе превышало всѣ виданные мною городы; красота храмовъ его и башенъ издалече поразила мои очи, и удостовѣрила меня о подлинности славы, носящіяся о немъ по отдаленнымъ странамъ. По въѣздѣ въ оный, глаза мои не знали куда обратиться: всюду встрѣчалися зданія до-

стойныя особливаго разсматриванія; удивленіе мое продолжалося по пространству всего города, который, обширностію своею, занимающею нѣсколько верстъ, не менѣе удивляетъ, какъ и огромностію прекрасныхъ своихъ зданій; и не прежде успокоилося мое вниманіе, какъ уже по пріѣздѣ въ Завидовъ домъ, стоящій почти по конецъ города.

По нѣкоторомъ отдохновеніи въ семъ домѣ, пошелъ я во дворецъ, чтобъ исходатайствовать себѣ счастіе предстать предъ твоего родителя, коего человѣколюбіе прославлялося по всѣмъ Славенскимъ странамъ. По благости его, вскорѣ получилъ я къ нему доступъ: я ему обьявилъ мои несчастія, прося его о покровительствѣ и о помощи себѣ. Добродѣтельный сей Князь, умилясь на мое злополучіе, но ненавидя брани, проливающія безо всякаго сожалѣнія человѣческую кровь, и расторгающія спокойствіе цвѣтущихъ Областей, обѣщалъ исходатайствовать мнѣ то миротворствомъ, чего другіе доискиваются кровопролитіемъ. Въ исполненіе своего обѣщанія, послалъ онъ вскорѣ Посольство въ Искоресть съ такимъ приказаніемъ, чтобъ оное старалося преклонить хищника моего престола уступить мнѣ, безъ расторженія мира, принадлѣжащій мнѣ вѣнецъ; а ежели во требованіи семъ не успѣетъ, то хотя бы преклоняло его уступить мнѣ половину Древлянскія Земли, съ такимъ условіемъ, что бы другую оставилъ онъ мнѣ по своей кончинѣ. Но сей злодѣй,

не

не токмо не склонился на сїе миролюбное и выгодное для него требованїе, но предпрїялъ еще отнять у меня и жизнь, какимъ бы то способомъ ни было. Для сего варварскаго исполненїя избралъ онъ самыхъ наипозорнѣйшихъ людей изъ своихъ прислужниковъ, отъ которыхъ едва нечаянный случай возмогъ спасти мой животъ.

Извѣстно тебѣ, Государь, продолжалъ Древлянинъ, что по милости твоего родителя перешелъ я жить изъ Завидова дома во дворецъ, гдѣ ни въ содержанїи ни въ удовольствїяхъ не имѣлъ я ни когда недостатка; но оскорбленное мое сердце злополучїемъ не могло иногда ими услаждаться, и погружало меня во глубокое унынїе: въ сїи печальные для меня часы, любилъ я прогуливаться по прекраснымъ долинамъ Славенска, или по берегамъ рѣки Мутныя, прозванныя Волховымъ въ память Славенова сына Волхва или Волховца, который по сей рѣкѣ разбойничалъ, превращаяся въ лютаго крокодила. Нѣкогда въ вечернее время прохаживаяся по берегамъ сея рѣки, довольно далеко отъ города, увидѣлъ я на рѣкѣ сѣдящаго въ лодочкѣ престарѣлаго человѣка, упражняющагося въ ловленїи рыбы. Упражненїе его привлекло на себя мои очи: я впалъ во прїятную задумчивость, представившую мнѣ состоянїе рыболова, и стоящаго человѣка на высокомъ степенѣ, гоняющагося за счастїемъ: единаго изъ нихъ безпечную и сладкую сво-

боду, и другаго обманчивый блескъ, совокупленный съ безпрестанными заботами, и съ изнуряющею тягостїю его званїя. По средѣ сихъ думъ происшедшїй вопль исторгъ меня изъ моихъ размышленїй: я обратилъ мои глаза туда, откуду оный происходилъ, и увидѣлъ бѣднаго старика утопающа. Не медля ни мало бросился я въ рѣку, и съ великимъ хотя для меня трудомъ, однакожъ освободилъ его на послѣдокъ отъ утопленїя, воспослѣдовавшаго ему отъ собственныя неосторожности и отъ вертляности ево лодки; и онъ бы непремѣнно погибъ безъ моея помощи, ибо по несчастїю сего рыбака ни одного человѣка кромѣ меня не случилося тогда на берегѣ.

Бѣдный сей старикъ лишился при семъ случаѣ лодки своея и снастей, принадлѣжащихъ къ его промыслу: но онъ объ нихъ тогда не сожалѣлъ, освободясь отъ неминуемыя себѣ смерти, и бросясь ко мнѣ въ ноги, приносилъ мнѣ наичувствительнѣйшую благодарность. Состоянїе его показалося мнѣ жалостно: я подалъ ему десять червонцевъ на исправу его надобностей, которыхъ онъ при потопленїи лишился. Сїя малая щедрота привела его въ неописанное восхищенїе: онъ паки хотѣлъ повергнуться къ моимъ ногамъ, но я его до сего не допустилъ, совѣтуя ему по скорѣе возвратиться во свое жилище для успокоенїя; а чтобъ болѣе не возмущать его моимъ присутствїемъ, то пошелъ отъ него самъ тоя же минуты.

Что

Что Небо воздаетъ намъ со вторицею и вящше за щедроты наши къ бѣднымъ, сїе я позналь тогда же опытомъ; ибо, по нѣсколькихъ дняхъ послѣ сего приключенїя, когда я по обыкновенїю моему прогуливался по берегу Волхова, то сей самый старикъ, увидя меня, просилъ отойти съ нимъ отъ людей въ сторону, обѣщавая возвѣстить мнѣ важную тайность; я его желанїе удовольствоваль. Скажи мнѣ, Государь, спросилъ онъ отведши меня, не ты ли сей Древлянскїй Князь, за котораго вступясь добродѣтельный Обладатель Славянъ, послалъ въ Искорестъ Посольство? Такъ, отвѣтствовалъ я ему, это я. Милости твои, оказанныя мнѣ съ толикою щедротою, сказалъ мнѣ на то престарѣлый рыболовъ, побуждали меня всечастно воздать тебѣ за нихъ какою ни на есть услугою, и благодарю боговъ, что они услышали о семъ мою молитву. Жизнь твоя находится въ опасности, Государь, продолжалъ онъ: хищникъ твоего Княжества хочетъ тебя лишить оныя; видишъ ли ты сихъ людей, присовокупилъ онъ, указывая мнѣ на трехъ прохаживающихся: они Древляне, и присланы сюда твоимъ злодѣемъ, чтобъ отнять у тебя жизнь тайнымъ образомъ. Мнѣ удалось сїю тайну у нихъ самихъ подслушать; ибо они пристали въ моей хижинѣ, опасаясь явиться въ городѣ, дабы предпрїятїе ихъ какъ не открылося. Во время ночи, когда не могъ я уснуть по причинѣ моея хворости, перешептывалися

они о семъ: и при томъ еще говорили, что пославшій ихъ предпріялъ развратить деньгами Пословъ и Вельможъ здѣшняго Двора, чтобъ какъ ни будь устроить здѣсь твою погибѣль. Такъ я, продолжалъ старикъ, памятуя къ себѣ твои милости, и видя твое доброе сердце, совѣтую тебѣ, Государь, какъ наивозможно скорѣе удалиться изъ сея страны, и ожидать себѣ помощи отъ единыхъ Небесъ. Не мни избыть здѣсь пагубы отъ твоего злодѣя; хотя ты объявишъ о смертоубійцахъ твоихъ добродѣтельному Богославу, и казнію ихъ отвратишъ на нѣсколько отъ себя ударъ, но врагъ твой другіе составитъ на тебя ковы; и на послѣдокъ непремѣнно погубитъ тебя. Злые въ желаніяхъ своихъ упорствуютъ, и пронырствами своими достигаютъ скорѣе успѣховъ, нежели добродѣтельные. Хотя здѣшній Государь окруженъ почтенными и добродѣтельными людми, но въ великой толпѣ придворныхъ и народа довольно сыщется бездѣльниковъ, которые не ужаснутся пролить неповинную кровь за корысть. Не возгнушайся моего совѣта, Государь, примолвилъ онъ, хотя я теперь ни что иное какъ бѣдный рыболовъ, но былъ нѣкогда знаменитый Вельможа между Волгарами отъ которыхъ, будучи весьма долго игралищемъ судьбы, и изнуренъ превратностями лживаго счастія, удалился я въ сію страну, отрекшись отъ суетныхъ пышностей сего міра, и страшася предаться паки его треволненію; и

теперь

теперь веду хотя убогую жизнь, но за то спокойную и безопасную отъ нападковъ льстиваго счастія, которому нѣчего больше у меня нынѣ похитить кромѣ моея жизни.

Сїе неожидаемое бѣдствїе поразило меня какъ громомъ, говорилъ Останъ, и возмутило наипаче тревожныя мои мысли: но добродѣтельный сей старикъ, увидя мое смущенїе и страхъ, старался меня утѣшить, подавая мнѣ полезныя совѣты и наставленїя. Онъ то присовѣтовалъ мнѣ оставить тайно Славенскъ, представляя, что ежели я открою твоему родителю причину моего отъѣзда, то непремѣнно буду имъ воспрепятствованъ, и не возмогу безъ грубости отказать его желанїю, чтобъ пребыть подъ его защитою; а между тѣмъ врагъ мой сыщетъ средство устроить неминуемую мнѣ погибѣль. При семъ случаѣ увѣдомилъ онъ меня, что восходя на Востокъ, между Асїею и Европою есть страна, называемая Великою Булгарїею или Волгарїею, лѣжащая при великой рѣкѣ Волгѣ, отъ коея и имя свое получила. Сея страны Народы, говорилъ онъ, единоплеменны Славянамъ; они пришедъ отъ краевъ Варяжскаго моря, расположили свои жилищи при плодоносныхъ рѣкахъ Камѣ, Волгѣ и Яикѣ, построивъ многїе и крѣпкїе городы, изъ которыхъ главнѣйшїй называется Боогордъ. Жители сея Земли славны сколько оружїемъ своимъ, столькожъ купечествомъ и хитростными своими рукодѣлїями. Они ведутъ безпре-

 стан-

станныя войны съ вышедшими изъ Китайскихъ странъ Народами; и отъ сего упражненія прїобыкли они столько къ воеванїю, что почитаются между Славянами бойчивѣйшими ратоборцами.

Къ симъ то Народамъ совѣтовалъ онъ мнѣ ѣхать, и искать ихъ помощи противу моего злодѣя. Они охотно предпринимаютъ дальные походы, говорилъ онъ мнѣ, когда только надѣются получить отъ нихъ себѣ славу и прибытокъ. На совѣтъ его охотно я преклонился, и тѣмъ наипаче, что таковыми путешествїями уповалъ научиться, разсматривая нравы, законы, обыкновенїя и достопамятности разныхъ Племенъ. За спасительное его обьявленїе и благїй совѣтъ, хотѣлъ было я паки возблагодарить ему деньгами; но онъ отъ подаянїя моего отрѣкся, и отвѣтствовалъ мнѣ, что онъ ни когда еще не продавалъ за мзду ни совѣтомъ своихъ, ни остереженїй отъ смертоносныя погибѣли; и что и такъ уже одолженъ мною ни за что. Толикое его безкорыстїе восхитило мою душу такъ, что ежели бы не предстояла мнѣ грозящая смертїю опасность, то я тогда же бы согласился водвориться съ нимъ, дабы научиться ево терпѣнїю и добродѣтели.

И такъ, слѣдуя спасительному его совѣту, выѣхалъ я во слѣдовавшую же ночь изъ Славенска, оставя писмо Государю твоему родителю, прося его въ ономъ простить меня

во скоропоспѣшномъ моемъ отъѣздѣ изъ ево столицы, къ чему меня побудили, прилагалъ я, тайныя и важныя причины. Такимъ образомъ извиняся, сколько мнѣ возможно было лучше, выѣхалъ я изъ города, и направилъ путь мой къ Великой Болгаріи. Я умалчиваю о небольшихъ приключеніяхъ, случившихся со мною въ дорогѣ. По нѣсколькихъ трудностяхъ прибылъ я на послѣдокъ въ Боогордъ, столицу Болгарскихъ Князей. Городъ сей, пространствомъ своимъ и зданіями, едва уступаетъ Славенску. По всѣмъ мѣстамъ видимо въ немъ достойное похвалъ искусство Болгарскихъ художниковъ; наипаче сіяетъ оно въ украшеніи храмовъ и Княжескихъ чертоговъ. Сей городъ стоитъ верстахъ въ тридцати ниже устья рѣки Камы: а отъ Волги отдѣленъ лугами верстъ на седмь.

Пріѣздъ мой и въ сей городъ былъ безполезенъ, ибо я желанныя мною помощи не могъ и въ немъ получить, понеже Болгарскій Князь, именемъ Тривеллій, находился тогда на войнѣ противу непріятелей Государства, изъ коея не уповали возвратиться ему скоро. Обманутъ будучи повсюду надеждою, разсудилъ я, воспомнивъ послѣднія слова моего воспитателя, что ни какъ сами боги препятствуютъ мнѣ получить человѣческою силою то, что долженствую я пріобрѣсть единою добродѣтелію и достоинствомъ. Размышляя такъ, отложилъ я попеченіе о полученіи моего престола по тѣхъ поръ, пока сами

безсмертные не соблаговолятЪ мнѢ возвратить онаго, усмотря меня того достойнымЪ. Во ожиданіи того опредѢлилЪ я, странствуя по свѢту, наслаждаться разсматриваніемЪ вселенныя и ея обитателей. Расположась такимЪ образомЪ, старался я разогнать смущеніе моихЪ мыслей, колебавшее меня повсюду, и вдался я вЪ разсматриваніе всего того, что очамЪ моимЪ ни представлялося достойнымЪ любопытства и примѢчанія. Наипаче же всего старался я научаться, и спомоществовать несчастнымЪ и бѢднымЪ людямЪ, поставляя себѢ то главнѢйшимЪ правиломЪ, и должностію честнаго человѢка.

ПринявЪ сіе начертаніе моимЪ поступкамЪ, и обозрѢвЪ достопримѢчаемыя мѢста, городы и вещи СлавенскихЪ БолгаровЪ, поѢхалЪ я ко ХвалиссамЪ, Народу происхожденіемЪ СлавенскомужЪ, живущему близь Хвалынскаго моря, около славнаго и богатаго города Тмутаракани. ПробывЪ у оныхЪ нѢсколько времени, отправился я моремЪ вЪ Персію, а оттуду вЪ сію страну, вЪ которой, по неожидаемому мною счастію, обрѢлЪ тебя, Государь, избавителемЪ себѢ отЪ неизбѢжныя мнѢ погибѢли, которая слѢдующимЪ образомЪ мнѢ приключилась.

Я ѢхалЪ во столицу здѢшняго Государства, по воспріятому мною намѢренію, чтобЪ осмотрѢть вездѢ достойное примѢчанія. По обыкновенію моему сего дня, во время самаго жарчайшаго сіянія солнца, склонился я

сЪ

съ дороги въ лѣсъ, дабы подъ тѣнїю древъ пробыть по тѣхъ поръ, пока умѣрится солнечный зной. Во время сего моего отдохновенїя напала на меня шайка разбойниковъ: они меня со всѣмъ ограбили, и, не доволясь тѣмъ, привязали меня къ дереву, по своему обыкновенїю, опасаясь, чтобъ я по отбытїи ихъ не собралъ за ними погони. Одинъ изъ сихъ злодѣевъ, будучи недовѣрчивѣе и лютѣе прочихъ, хотѣлъ меня умертвить испущенїемъ на меня стрѣлы; но въ самое то время вскричавъ преужасно палъ мертвъ. Я и товарищи его весьма сему удивились, и обозрѣвшись увидѣли мы скорпїю, которая его въ самый тотъ мигъ ужалила, когда онъ натягивалъ на меня свой лукъ. Сїя пресмыкающаяся, отползши по томъ отъ насъ нѣсколько шаговъ, вдругъ встрепенулась, и превратясь въ ворона отъ насъ улетѣла. Устрашась сего чуднаго приключенїя, и услышавъ ѣдущихъ шумъ, разбойники меня оставили, и тожъ минуты отъ меня сокрылись. Но при всемъ томъ я бы остался тутъ жертвою либо звѣрей, либо глада, когдабъ сей самый воронъ, избавившій меня подъ видомъ скорпїи отъ смертоубїйцы, не привелъ тебя ко мнѣ на избавленїе, великодушный Князь; ибо я примѣтилъ, что онъ непрестаннымъ своимъ летанїемъ туда и сюда привлекъ васъ всѣхъ въ пагубное сїе для меня мѣсто. Вотъ вся моя исторїя, сказалъ онъ по семъ Богославову сыну, о которой тебѣ угодно было отъ меня увѣдать.

Послѣ сего Останъ паки принялся благодарить Свѣтлосана, и объятіями своими доказывать ему усердіе свое и пріязнь; напротиву чего и другій равномѣрнымъ образомъ старался ему отвѣтствовать. По оказаніи другъ другу равныхъ учтивостей, просилъ Древлянинъ Славенскаго Князя разсказать ему подобно и о своихъ приключеніяхъ, которыя были ему виною путешествія его въ Индію, въ чемъ Свѣтлосанъ немедленно его и удовольствовалъ. По окончаніи его исторіи, разсуждали они всѣ совокупно, куда имъ надлѣжитъ прежде ѣхать, и по нѣсколькихъ словопреніяхъ усовѣтовались они побывать у всѣхъ славныхъ прорицалищъ, дабы отъ нихъ увѣдать, гдѣ сыскать, и какъ побѣдить Карачуна. По низложеніижъ сего страшнаго врага, обѣщалъ Славенскій Князь Остану возвратить Древлянскій престолъ вооруженною рукою; но неисповѣдимое въ судьбахъ своихъ Небо инако случай сей расположило.

Во время сихъ ихъ разсужденій и предпріятій, солнце начало спущаться въ Океянъ, а небо покрыватся мрачными и пространными облаками, которые угрожали путешественникамъ престрашною бурею. Чего ради, желая отвратить отъ себя ея нападки, понудили они коней своихъ по скорѣе бѣжать, дабы за благовременно, сыскавъ ночлѣгъ, укрыться отъ сея непогоды. Но однакожъ намѣренія своего совершить они не успѣли: буря предупредила оное, и ужасными вѣтрами и мракомъ,

комъ, соединенными со престрашнымъ громомъ, съ безпрестаннымъ сверканіемъ молній, со пресильнымъ дождемъ и градомъ, сокрыла отъ очей ихъ дорогу. Испужанные ихъ кони, симъ безмѣрнымъ волненіемъ природы, весьма разсвирѣпѣли, и помчали всадниковъ своихъ туда, куда влекло ихъ стремленіе и страхъ. Сколько Славяне силъ своихъ ни прилагали, дабы удержать устрашенныхъ сихъ животныхъ, но они, закуся удилы, разбѣжалися съ сѣдоками своими въ разныя стороны. Наипаче Свѣтлосановъ конь, будучи прочихъ сильнѣе и упрямѣе, умчалъ его тотчасъ у прочихъ изъ вида; и заблуждая съ нимъ въ темнотѣ, носилъ его по долинамъ, горамъ и лѣсамъ, будучи непрестанно подстрекаемъ ударами грома и блистаніями молній.

На послѣдокъ, по прошествіи уже цѣлыя ночи, когда буря стала утихать, и солнечные лучи освѣщать и согревать землю, конь его остановился во пространной долинѣ, будучи весьма утомленъ. Свѣтлосанъ, лишась подобно силъ своихъ, слѣзъ съ коня, и пустилъ его, стреножа, пастися по полю; а самъ бросился на траву, чтобъ получить себѣ между тѣмъ нѣкое отдохновеніе. Однакожъ весьма долго не могъ заснуть, будучи тревожимъ мыслію о своихъ сопутникахъ, и страшася потерять ихъ въ такое время, когда они были ему весьма нужды. На послѣдокъ восшедшее солнце, начавъ испущать жарчайшіе лучи, и ослабивъ утомленные ево

члены, склонило нечувствительно ко сну, который былъ ему весьма нуженъ по толикомъ его изнеможенiи.

На семъ пустомъ мѣстѣ, окруженномъ отовсюду лѣсами, проспалъ бы онъ можетъ быть до вечера, ежели бы не прервало его покоя слѣдующее сновидѣнiе: представилося ему, будто бы онъ шелъ по пространному полю, украшенному цвѣтками и тернiемъ, во храмъ славы, который стоялъ на концѣ сего поля; и когда уже онъ оканчивалъ къ нему свой путь, тогда вылетѣвшее вдругъ изъ онаго чудовище, на подобiе изображающiяся смерти, застановило ему въ оный входъ, и бросилось на него съ остервенѣнiемъ; но въ самое то время Вельдюзъ, зять сего Князя, отдернувъ его въ сторону, поразилъ сiе чудовище своимъ мечемъ. Отъ сего тревожнаго видѣнiя Свѣтлосанъ проснулся, и увидѣлъ около себя бѣгающаго зайца, который, посмотрѣвъ на него нѣсколько, побѣжалъ отъ него прочъ, и въ тужъ минуту, превратясь въ соловья, улетѣлъ у него изъ глазъ. Свѣтлосанъ озряся въ другую сторону, по причинѣ происходившаго оттуду рева, увидѣлъ коня своего терзаема двумя львами, изъ которыхъ одинъ усмотря Славенскаго Князя, бросился на него стремительно, чтобъ его растерзать подобно; но Свѣтлосанъ, вооружась Левсиловымъ мечемъ, укротилъ вскорѣ его стремленiе, пресѣкши его на полы. Другiй левъ, усмотря сраженiе своего товарища, кинулся ему

ему на помощь, но Князь умертвилъ и онаго по недолгомъ ево сопротивленіи.

Избавясь такимъ образомъ отъ предстоявшія себѣ опасности, размышлялъ онъ долго о семъ приключеніи, и не могъ надивиться, какимъ образомъ заецъ, будучи толь робокъ и дикъ, осмѣлился ему помочь; но вспомнивъ о воронѣ, превратившемся въ сего рода звѣрка, началъ онъ думать, не человѣкъ ли уже какій въ толь странныхъ видахъ помогаетъ людямъ, будучи самъ гонимъ, можетъ быть, лютостію какого ни будь чародѣя. Сіе размышленіе привело ему на мысль бѣднаго Вельдюзя, Видостана, и прочихъ бѣдствующихъ отъ злобнаго Карачуна. При воспоминовеніи ихъ горесть объяла его сердце: онъ палъ ницъ на землю, принося молитвы отечественнымъ своимъ богамъ; а наипаче Бѣлбогу, своему покровителю. Во время сея его молитвы, услышалъ онъ слѣдующій къ себѣ гласъ: *Мужайся и дерзай!* Сей божественный голосъ вселилъ въ него паки ослабшую его бодрость: онъ паки простерся на землю, и принесъ благодареніе низпославшему сіи слова.

По окончаніи своея молитвы пошелъ онъ въ ту сторону, въ которую полетѣлъ соловей, превратившійся изъ зайца. Цѣлый день онъ шелъ не ѣвъ ни чего, кромѣ нѣсколькихъ, попадшихся ему на пути, древесныхъ плодовъ. Ночь препроводилъ онъ въ лѣсу, тревожимъ будучи непрестанно лютыми звѣрями. И такъ, препроводя ее весьма худо, шелъ онъ

надру-

на другїй и на третїй день безо всякїя почти пищи. На конецъ, на четвертый уже день, будучи весьма утомленъ и обезсиленъ, усмотрѣлъ онъ въ дали замокъ, и весьма былъ тому радъ, уповая въ немъ найти себѣ спокойное отдохновенїе отъ претерпѣнныхъ имъ трудовъ.

Подошедъ по ближе къ оному, увидѣлъ онъ на воротахъ сего замка того же самаго свѣтозарнаго Духа, который его избавилъ отъ Карачуна. При видѣ онаго Свѣтлосанъ палъ ницъ предъ нимъ на землю, а Духъ изрѣкъ къ нему слѣдующее.

Здѣсь смерти одръ,
Жилище при:
будь, смертный, бодръ,
Или умри.

Проговоря сїе Духъ сталъ невидимъ, а Свѣтлосанъ остался разсуждать о его прорѣченїи. Онъ былъ въ недоумѣнїи о словахъ ево, которыя грозили ему смертїю въ семъ замкѣ, ежели не будетъ онъ бодръ: изъ чего заключилъ онъ, что должно тутъ скрываться важной тайности, которую весьма желалося любопытству его увѣдать. Приходило ему на мысль, что могутъ тутъ быть заключенны родственники ево либо друзья; воспомнилось ему и прорѣченїе Черногогово, что онъ не инако достигнетъ до окончанїя бѣдствъ, какъ по пути напастей, и предводительствомъ неустрашимости. И такъ вообразя

все

все сïе, и вооружась всею своею храбростïю, предпрïялъ онъ вступить въ замокъ, и познать его таинствы, во чтобъ то ему ни стало.

По входѣ его въ оный, мѣдные вороты замка затворились за нимъ сами съ превеликимъ скрыпомъ и стукомъ; послѣ чего увидѣлъ онъ по всему двору премножество людей, изъ разныхъ Земель, въ разнообразныхъ положенïяхъ: иные изъ нихъ были удивленны, другïе испужанны, третьи и тоя и другïя страсти имѣли на лицѣ своемъ знаки; а нѣкоторые казалися призывающими Небо къ себѣ на помощь. Свѣтлосанъ, подошедъ къ первому изъ нихъ, хотѣлъ отъ него увѣдать причину страннаго сего зрѣлища, но нашелъ его окаменѣнна. Онъ обратился ко другому, но и того увидѣлъ въ такомъ же состоянïи; и на послѣдокъ усмотрѣлъ, что они всѣ были камни, сохранявшïе человѣческïй видъ. Сïе его удивило, однакожъ не привело въ робость. Но когда онъ прошелъ нѣсколько по двору, то всѣ сïи окаменѣнные люди учинили за нимъ превеликïй крикъ и гаркъ: иные изъ нихъ плакали, другïе смѣялись надъ нимъ, а третьи вопили: *Постой! постой! остановись! ахъ! погибъ бѣдный!* Индѣ кричали: *у! у! е! а!* и ругали его всякими браньми, осмѣхая и устрашая. Однакожъ всѣ сïи вопли не могли его совершенно устрашить, хотя и дали ему видѣть, что онъ находится въ ужасномъ мѣстѣ. Онъ остановился на нѣсколько, и принеся молитву богамъ, обнажилъ

 свой

свой мечъ, и продолжалъ свой путь во предстоявшія палаты, вознамѣрясь на все отважиться, ежели потребуетъ нужда. Къ сему его побуждало наиболѣе сіе, что онъ надѣялся сыскать въ семъ замкѣ сестру свою, или зятя, либо кого ни будь изъ своихъ пріятелей.

По приближеніи его ко крыльцу, услышалъ онъ исходящее изъ покоевъ стенаніе и вой, и вскорѣ за ними свистъ и воплъ прежасный; когда же вступилъ онъ на крыльцо, то въ двери, ведущія съ онаго въ покои, повалилъ на него густый и смрадный дымъ. Свѣтлосанъ, призывая непрестанно Бѣлбога и Чернобога, простеръ свой мечъ, и вступилъ въ первую комнату: оная вся наполнена была премножествомъ разнообразныхъ уродовъ со прегнусными харями. Какъ скоро они его увидѣли, то и завыли всѣ престрашными и скаредными голосами, крича ему со всѣхъ сторонъ: *Куда ты, несмысленный идешъ? Возвратись назадь: здѣсь преддверіе ада. Ежели ты осмѣлишся пойти еще далѣе, то низпадешъ въ пылающую геенну. Бѣги скорѣе отсюду.* Выговоривъ сіе бросились они на него со всѣхъ сторонъ, и начали его теребить и уязвлять отовсюду; съ начала пришелъ было Свѣтлосанъ въ робость, но уязвленія ихъ возвратили ему сердце и смѣлость: онъ началъ поражать своимъ мечемъ окружавшихъ его уродовъ, которые, мало по малу отъ него разсыпаясь, вдругъ всѣ исчезли.

Сіе

Сїе возвратило ему прежднюю его бодрость: онъ увидѣлъ, что мечъ его можетъ всему сопротивляться; чего ради, принеся паки молитву богамъ, пошелъ далѣе. По растворенїи вторыя комнаты, увидѣлъ онъ, что всѣ ея стѣны и потолокъ увѣшаны были змїями и чудовищами, а полъ усыпанъ пепломъ и полусгорѣвшими человѣческими костями. Какъ скоро чудовищи его усмотрѣли, то и начали на него всѣ зїять пламенемъ, поднявъ преужасный скрежетъ, ревъ и свистъ, на подобїе клокота и журчанїя огнедышущїя горы. Славенскїй Князь, имѣя въ рукахъ обнаженный Левсиловъ мечъ, и надѣясь и сихъ разогнать подобно, вошелъ безбоязненно и въ сїю комнату; но едва не лишился онъ тутъ своея жизни. Пламя, которое испустили на него змѣи и страшилищи, охватило его со всѣхъ сторонъ, и онъ отовсюду началъ горѣть; и ежели бы, въ семъ опасномъ приключенїи, храбрость ево хотя на минуту со всѣмъ его оставила, то погибъ бы онъ тутъ отъ пламени ихъ мгновенно. Но по счастїю его, и помощїю Бѣлбога, сохранилъ онъ и въ семъ ужасномъ случаѣ колеблющуюся свою бодрость: и будучи терзаемъ отовсюду огнями, не преставалъ поражать мечемъ нападавшихъ на него чудовищъ, и на превеликую силу на конецъ ихъ разогналъ. Тогда то позналъ онъ прямо, что ежелибъ не одаренъ былъ отъ Чернобога силою и хра-

 бро-

бростію, и не вооружен Левсиловым мечем, то погиб бы тут конечно.

Сіи два побоища, присовокупясь ко тридневному ево гладу, весьма ослабили ево силы, и уменьшили ево бодрость: он уже начал было и сомнѣваться во преодолѣніи сих адских стражей, и хотѣл возвратиться назадь, но в самое то время услышал глас, ободряющій его на довершеніе предпріятаго им дѣла. Сей небесный голос оживотворил унылое его сердце: бодрость его укрѣпилась, и полученныя им раны не стали ему чувствительны. Он воздал благодареніе подкрѣпляющему его божеству, и обѣщал безропотно ему повиноваться.

В слѣдствіе чего, приняв паки твердое намѣреніе до конца изслѣдовать сію тайну, отворил он безбоязненно двери третіея комнаты: стѣны ея и пол были желѣзныя, и раскалены на подобіе горящаго угля. Как только Свѣтлосан, отворя ее, и не разсмотря еще совершенно, занес ногу, что бы в нее вступить, то в самое то мгновеніе пол обрушился, и на мѣсто онаго выступило зіяющее пламя, подобно исходящему из огнедышущія горы; и в тот же миг вылетѣвшій из глубины сея пропасти пламеный крокодил, разинув широшія свои челюсти, устремился на Свѣтлосана, и хотѣл его проглотить одним зѣвом. Но ободренный сей Князь небесным гласом, в самый тот миг вонзил ему в пасть свой меч: стра-

шилище

шилище застенало и исчезло, а комната изъ самыя страшныя учинилась весьма великолѣпно украшенною. При семъ пріятномъ видѣ Свѣтлосанъ наиболѣе еще ободрился, и отдохнувъ въ ней нѣсколько, безо всякія уже робости пошелъ въ четвертую палату. Сія была всѣхъ прочихъ несказанно пространнѣе и преужаснѣе: она заключала въ себѣ несмѣтное множество страшилищъ, на которыхъ одно взираніе навлекало смотрящему неизбѣжимую смерть; но всѣхъ ихъ ужаснѣе былъ прегрозный Исполинъ, вооруженный претяжкою желѣзною дубиною съ шипами. Какъ скоро сей извергъ Естества увидѣлъ идущаго въ палату Славенскаго Князя, то возопивъ преужасно, и приподнявъ ужасную свою палицу, хотѣлъ ею сразить Свѣтлосана; но юный Князь, предускоривъ сей ударъ, вонзилъ самому ему въ сердце свой волшебный мечъ Страшилище упало и исчезло, и всѣ съ нимъ вмѣстѣ окружавшія его чудовищи: ужасная палата въ тужъ минуту превратилася въ великолѣпную залу, а на мѣсто прегнуснаго Исполина предстала прекрасная женщина въ бѣломъ одѣяніи.

Она постоявъ нѣсколько въ молчаніи, какъ будтобъ собирала разсѣянный свой разсудокъ, бросилась по томъ предъ Свѣтлосана на колѣни, и проливая радостныя слезы, возопила къ нему: Великодушный и неустрашимый Витязь! чѣмъ мнѣ воздать за великое твое благодѣяніе? Ты освободилъ меня отъ такого очарованія, надъ которымъ цѣлый адъ,

я чаю, трудился. Государыня моя, отвѣтствовалъ ей Князь, подымая ее, не мнѣ, но богамъ должна ты благодарить за сіе избавленіе; ибо, ежели бы не ихъ рука и меня въ семъ дѣлѣ предводила, то и я бы погибъ здѣсь невозвратно. Но скажи мнѣ, государыня, продолжалъ онъ, кто тебя заключилъ въ ужасное сіе жилищѣ? Карачунъ, отвѣтствовала она. Карачунъ! возопилъ удивленный Князь. Праведные боги! доколѣ попустите вы сему чудовищу тиранствовать надъ бѣдными человѣками? Сей же самый злодѣй, сударыня, продолжалъ онъ къ ней, и меня лишилъ сестры и зятя, которыхъ я ищу уже весьма давно. А какъ называется сей зять, спросила его поспѣшно женщина? Вельдюзь, Полотскій Князь, отвѣчалъ ей Свѣтлосанъ. Ахъ, Государь! вскричала она: онъ то и приключилъ мнѣ сію напасть, отъ коея ты меня избавилъ; но я на него не жалуюсь: онъ самъ въ этомъ не виноватъ, и пострадалъ можетъ быть жесточѣе еще и меня отъ нашего злодѣя. Такъ ты супруга Левсилова, перехватилъ рѣчь ея Князь? Такъ, отвѣчала Преврата; но ты по чему знаешъ, Государь, несчастнаго моего мужа? Тогда Свѣтлосанъ разсказалъ ей вкратцѣ исторію Руса, и свои приключенія соединенныя съ оною. Ахъ, Государь! сказала тогда Преврата, по словамъ твоимъ хотя и не столь виноватъ Русъ, какъ я мнила, но только онъ всѣмъ нашимъ напастямъ причина; однакожъ я ему проступокъ его прощаю; можетъ

может статься был он только орудїем божескаго на нас гнѣва.

Въ семъ мѣстѣ ихъ разговора, прервала ихъ бесѣду толпа оживленныхъ людей, вошедшихъ въ комнату: они всѣ пали на землю предъ Свѣтлосаномъ, принося ему свою благодарность за избавленїе ихъ отъ очарованїя. Они были всѣ разнаго состоянїя, и разныхъ Земель люди, и по случаю путешествїя своего зашли они въ сей замокъ, надѣяся сыскать въ немъ гостинницу; но вмѣсто оныя обрѣли было себѣ смерть. По обьявленїю ихъ, какъ только кто изъ нихъ входилъ на дворъ замка, и будучи устрашенъ шумомъ, происходившимъ отъ очарованїя, хотѣлъ бѣжать назадь со двора, то въ самое то время становился окаменѣннымъ. По сказкамъ ихъ, весьма не многїе изъ нихъ доходили до вторыя комнаты; а которые были столь дерзски, тѣ погибали бѣдственно отъ зїявшихъ пламенемъ чудовищъ. Мы всечасно претерпѣвали мученїе, говорили они, хотя были и окаменѣнны; ибо мы сохраняли въ себѣ всю чувствительность, хотя и не могли оказывать нашихъ чувствъ. Лютыя страшилищи сего замка по всеночно мучили насъ жесточайшимъ образомъ; и мы всечасно молили боговъ послать намъ либо смерть, либо избавителя. Теперь они молитву нашу исполнили, пославъ тебя къ намъ на избавленїе, неустрашимый незнакомецъ. Сея милости твоея, продолжали они, во вѣки мы не забудемъ.

Послѣ сего бросились они опять къ ногамъ Свѣтлосановымъ, который, со своея стороны, обласкавъ ихъ сколько возможно наилучше, просилъ госпожу замка, чтобъ она, за участїе ихъ въ ея злоключенїи, угостила ихъ, и поправила, сколько возможно ей, понесенные ими убытки. Преврата съ великою охотою на предложенїе его согласилась, и приказала своимъ служителямъ, которые подобно были очарованы, и предстали предъ нее совокупно со прочими людми, приготовить для всѣхъ изобильный столъ.

Между тѣмъ просила она своихъ гостей, чтобъ они во ожиданїи обѣда успокоились, гдѣ кому угодно будетъ; а Свѣтлосану предложила удалиться съ нею во особливую комнату, обѣщавая разсказать ему приключенїе своего очарованїя, а отъ него узнать объ его повѣсти. Славенскїй Князь охотно на желанїе ея согласился, и послѣдовалъ за нею въ ея кабинетъ, гдѣ и начала она сперва разсказывать ему свои приключенїя отъ начала ихъ, упоминая кратко объявленное уже объ ней Русомъ и Вельдюземъ. Послѣ чего продолжала она слѣдующимъ порядкомъ.

По свершенїи лютаго своего мщенїя, говорила она Свѣтлосану, надъ несчастнымъ твоимъ зятемъ, Карачунъ, сей гнусный извергъ Природы, сказалъ обратясь ко мнѣ: А ты, неблагодарная! претерпишъ отъ меня сто кратъ лютѣйшее сего наказанїе; но не за споможенїе твое сему бѣдному Полочанину,

а за презрѣніе любви моея къ тебѣ. Недостойнаго твоего мужа наказалъ уже я такъ, какъ должно за его гордость и дерзость противу меня; а тебя оставлялъ въ покоѣ до сихъ поръ для того только, что не имѣлъ еще въ рукахъ у себя способа прикоснуться ко проклятому твоему ожерелью; а теперь отмстя творцамъ онаго, вымучилъ изъ нихъ способъ прикасаться къ нему безвредно. Проговоря сіе схватилъ онъ меня съ остервенѣніемъ за ожерелье, и приподнявъ ударилъ о полъ, сказавъ сіи слова: Превратись во образъ ужаснѣйшій и сего, каковый теперь я имѣю, и пребудь въ немъ по тѣхъ поръ, пока не умертвитъ тебя лютое оружіе твоего мужа. Имѣй неистовое желаніе убивать всѣхъ приходящихъ на избавленіе къ тебѣ; а чтобъ мученіе твое соравнялося моему, какое я отъ тебя чувствовалъ, то да превратится веселое твое жилище во образъ адскихъ пещеръ, коего жителямъ препоручаю я сіе дѣло. Вотъ какъ люто, примолвилъ онъ, отомщеваетъ себя раздраженная любовь.

Окончавъ свою рѣчь, топнулъ онъ въ полъ ногою, и, засвиставъ преужасно, провалился сквозь со всѣми своими прислужниками. Послѣ чего изъ отверстія, учиненнаго имъ, поднялся густый дымъ, смѣшанный со пламенемъ, и неизсчетнымъ множествомъ чудовищъ, о какихъ я ниже слыхивала ниже воображала. Сіе смѣшеніе адскихъ страшилищъ, измучивъ меня наилютѣйшимъ образомъ, помѣшало

 весь

весь мой разумъ: тогда превращенной Карачуномъ во прегнуснаго Исполина, дали мнѣ въ руки палицу, вселя въ меня бѣшенство убивать всѣхъ попадающихся мнѣ. По семъ адскомъ дѣйствіи наполнили они весь мой домъ преужаснѣйшими привидѣніями и страшилищами, заграждая такимъ образомъ ко мнѣ путь всѣмъ смертнымъ. Но моя комната наполнена была ими столько, сколько, я чаю, и въ самой безднѣ ихъ не скоплялось. Они меня терзали всякій день наимучительнѣйшимъ образомъ, и жизнь мою содѣлали мнѣ лютѣе самыя смерти.

Вотъ, неустрашимый Князь, продолжала Преврата, отъ какихъ напастей избавила меня твоя храбрость. Одолженіе твое почитаю я больше всякаго благодѣянія; ты меня освободилъ отъ свирѣпостей цѣлаго ада, который, я чаю, надъ первою надо мною совершилъ такія люпости.

Свѣтлосанъ, по оказаніи своего удивленія о толикихъ чудесностяхъ, и по возблагодареніи богамъ за ея избавленіе, разсказалъ ей по томъ, по ея прозьбѣ, и свои приключенія; по окончаніи коихъ присовокупилъ онъ свое сожалѣніе о сопутникахъ своихъ, прося Преврату послать нѣсколькихъ людей по разнымъ дорогамъ, для сысканія ихъ. Она весьма охотно обѣщалась ему въ томъ услужить, и тогожъ часа, позвавъ нѣкоторыхъ изъ своихъ служителей, приказала имъ ѣхать по разнымъ путямъ, и искать Славянъ. Я уже

теперь,

теперь, подобно прочимъ людямъ, примолвила Превраша Князю, принуждена естественно, и помощїю человѣковъ, исправлять всѣ мои дѣла и нужды: ибо лютый Карачунъ, по очарованїи моемъ, отнялъ у меня всѣ способы ко произведенїю чего ни будь чрезъестественнаго. Но я о семъ не сокрушаюсь, присовокупила она: знанїе мое въ кабалистикѣ употребляла я къ единому только моему удовольствїю, и ко спомоществованїю несчастнымъ, что и нынѣ могу я дѣлать, имѣя къ тому довольно естественныхъ способовъ. Желанїя твои весьма похвальны, государыня, сказалъ на то ей Князь: а кто имѣя и сильное могущество, но употребляетъ его во зло человѣкамъ, тотъ не токмо онаго, но и жизни недостоинъ; и непремѣнно на конецъ постраждетъ лютою казнїю, готовимою ему Небесами.

По окончанїи ихъ разговора, пришли имъ объявить, что столъ уже готовъ. Превраша вставъ просила Свѣтлосана слѣдовать съ нею во столовую комнату, что бы съ прочими, избавленными имъ, окончить пированїемъ претерпѣнныя ими бѣдствїя. Князь ей послѣдовалъ, и по приходѣ ихъ во столовую, нашли они всѣхъ гостей готовыхъ уже ко празднованїю своего воскресенїя. По первой прозьбѣ сѣли они всѣ за столъ, за которымъ всякїй изъ нихъ старался доказать, что онъ весьма долгое время не ѣлъ и не пилъ. Столъ продолжался немалое время, и окончился веселымъ пѣнїемъ сопирществующихъ. При окон-

чанїи

чанїи стола, Преврата предложила своимъ гостямъ отуженать и ночевать у нее, и ѣхать уже на другїй день куда кому потребно. Всѣ они съ охотою на сїе согласились; и уженъ ихъ былъ веселѣе еще и обѣда. На другїй день преврата, одаривъ ихъ всѣхъ весьма щедро, отпустила ихъ отъ себя чрезвычайно довольными.

Славенскїй Князь остался у нее въ замкѣ, ожидая своихъ сопутниковъ, которые чрезъ нѣсколько дней съ посланными за ними и возвратились. Свѣтлосанъ весьма былъ обрадованъ ихъ возвращенїемъ: онъ ихъ всѣхъ представилъ Превратѣ, препоручая ихъ въ ея дружбу, а наипаче прося ее простить Руса въ погрѣшенїи его предъ нею и Левсиломъ. Тогда Варягъ палъ ей въ ноги, присовокупляя и свои прозьбы и извиненїя ко Свѣтлосановымъ. Я уже сказала тебѣ, молвила Преврата Свѣтлосану, что я ему все прощаю, по тому что онъ не отъ злодѣйства къ намъ это учинилъ, но отъ ослѣпленїя; и еще болѣе хитростїю коварнаго обмана мрачнаго чародѣя.

По примиренїи ея такимъ образомъ съ Варягомъ, начали они по томъ всѣ совокупно веселиться, такъ какъ наилучшїе прїятели. Веселїе ихъ продолжалося нѣсколько дней, по окончанїи коихъ Свѣтлосанъ предложилъ своимъ сопутникамъ, что время уже имъ отправиться во предлѣжавшїй путь, что они всѣ и подтвердили. На противу того Преврата

намѣ-

намѣренїемъ симъ весьма была опечалена: она видѣла въ нихъ, а наипаче во Свѣтлосанѣ, искреннихъ себѣ друзей; но впрочемъ не могла она справедливо противиться законной причинѣ, побуждавшей ихъ къ тому. Съ великимъ сожалѣнїемъ на конецъ согласилась она на ихъ отъѣздъ, прося Славенскаго Князя вспомнить объ ней, и ея мужѣ, когда онъ будетъ въ состоянїи имъ помочь. Свѣтлосанъ со своея стороны обѣщалъ ей приложить всѣ свои старанїя, подать помощь Левсилу, ежели онъ въ живыхъ еще находится; прося при томъ не поставить ему въ худо, что онъ не возвратитъ ей волшебнаго меча ея супруга, который во предпрїятїи его весьма ему нуженъ. Преврата на противъ того выговаривала ему съ ласкою, что онъ возвратя ей жизнь, драгоцѣннѣйшую тысячу кратъ всѣхъ мечей на свѣтѣ, извиняется предъ нею въ такой малости, которая ей ни къ чему уже болѣе не нуждна. По семъ дружескомъ словопренїи они разстались, обѣщавъ другъ другу вѣчную дружбу.

Выѣхавъ изъ ея замка, направили они путь свой къ Индїйскому морю, по которому вознамѣрилися они ѣхать въ Африку и Египетъ, и въ прочїя оттуду мѣста, въ коихъ находилились славныя боговѣщалищи. Во время своего путешествїя разсуждали они о всѣхъ тѣхъ приключенїяхъ, которые съ ними случились: и не могли надивиться, какъ боги, будучи толь правосудны, и показнившїе

добро-

добродѣтельнаго Богослава за единое позволеніе поединка, а Вельдюзя за показаніе безчеловѣчныя своея храбрости, опускаютъ безъ наказанія гнуснаго Карачуна, мучащаго всѣхъ попадающихся ему въ глаза. Долго бы они о семъ и еще проговорили, ежели бы Свѣтлосановъ конь, споткнувшись, не сронилъ его съ себя, и не пресѣкъ тѣмъ ихъ размышленій. Всѣ сопутники сего Князя бросились ему помогать, и всѣ вмѣстѣ увидѣли камень, о который запнулся ево конь, и на коемъ слѣдующее начертано было наставленіе.

О слабый смертныхъ умъ, покрытый вѣчнымъ мракомъ,
Взирающій на всѣ пристрастнымъ бреннымъ зракомъ!
Тебѣль испытывать Судьбы Владыкъ Небесъ,
Коль умствованій ты своихъ не постигаешъ;
И буйство въ нихъ твое явитъ всегда превѣсъ!
Смирися, и оставь, чего не понимаешъ.

Прочитавъ сіе Славяне, пали ницъ на землю, прося прощенія у Небесъ во преступныхъ своихъ размышленіяхъ, послѣ чего облобызали они камень, почитая его священнымъ, и мня, что небесная рука нарочно для нихъ начертала сіе наставленіе, дабы научить ихъ безропотно повиноваться сво му предѣлу.

По семъ паки сѣвъ на коней, продолжали свой путь, говоря уже о такихъ вещахъ, которыя не касалися до Промысла Судебъ. На послѣ-

послѣдокъ, по нѣсколькихъ дняхъ своея ѣзды, прїѣхали они къ небольшому городку, стоявшему подлѣ моря. По приближенїи ихъ къ оному, увидѣли они мятущуюся толпу людей на берегѣ морскомъ, изъ коея нѣкоторые приготовляли судно. Когда Индїяне увидѣли прїѣхавшихъ къ себѣ Славянъ, то и начали ихъ просить усильно подать имъ помощь въ погонѣ, которую сбирались они учинить за морскимъ разбойникомъ, похитившимъ у главнаго Судьи сего городка дочь, которая вышла со своими подругами и служительницами на берегъ прогуляться.

Славяне, а наипаче Свѣтлосанъ, охотно склонились на ихъ прозьбу, и сѣвъ во приготовленный стружекъ, погнались за похитителемъ. Чрезъ нѣсколько часовъ настигли они разбойническое судно, и учинили на него нападенїе. Разбойники сдѣлали храбрый отпоръ, а особливо ихъ атаманъ, который превышалъ всѣхъ ихъ своею дерзостїю; онъ бросался съ остервенѣнїемъ на Славянъ, старавшихся поимать его живаго, дабы учинить надъ нимъ лютѣйшую казнь, во примѣръ прочимъ подобнымъ ему злодѣямъ. Какъ скоро Останъ на него взглянулъ, то и узналъ въ немъ того самаго вора, который похитилъ у него сандалїи. А! злодѣй! вскричалъ онъ къ нему, на конецъ я тебя нашелъ, чтобъ воздать тебѣ достойную казнь за бездѣльническїй твой съ нами поступокъ. Разбойникъ, обращенный сими словами на Остана, и самъ

узналъ

узналъ его; и будучи угрызенъ совѣстїю и страхомъ при его зракѣ, пришелъ въ пущее остервенѣнїе, (обыкновенное слѣдствїе движенїй беззаконныхъ душъ;) и напустилъ на Древлянина, мня успокоить угрызенїе своея совѣсти умершвленїемъ свидѣтеля своего преступленія. Но присовокупившїеся къ Остану, прочїе Славяне, учинили бѣшенство его тщетнымъ; и одинъ только бѣдный Русъ отъ него пострадалъ, будучи пораженъ саблею, и сверженъ въ море отъ сего удара.

На конецъ сей варваръ, видя изнеможенїе своихъ сотоварищей, и не надѣясь успѣха во своей оборонѣ, бросился въ каюту, гдѣ заключена была похищенная имъ дѣвица, и схватя ее въ беремя, поднялся съ нею на воздухъ, будучи спомоществуемъ украденными у Остана сандалїями; и весьма въ короткое время убѣжалъ у всѣхъ изъ вида. Оставшїе разбойники, видя побѣгъ своего начальника, и лишась надежды отбиться, сдались нападающимъ, прося помилованія своей жизни. Но раздраженные Индѣйцы злодѣйствомъ ихъ атамана, унесшаго дѣвицу, перерубили безъ милосердія ихъ всѣхъ, и покидали въ воду.

Учинивъ такимъ образомъ кровавое отмщенїе злодѣямъ, и причаливъ ихъ стружекъ ко своему, возвратились они со Славянами въ городокъ. Отецъ похищенныя дѣвицы, который по причинѣ глубокія своея старости не могъ за разбойниками гнаться, ожидалъ ихъ на берегѣ со всѣми своими родственниками,

никами, волнуясь между страхомъ и надеждою. При видѣ привязаннаго разбойническаго стружка, всѣ они закричали радостнымъ гласомъ, который, по приваленіи судна къ берегу, премѣнился во плачъ и рыданіе, когда обьявлено было слѣдствіе погони. Свѣтлосанъ старался, сколько возможно было, утѣшить бѣднаго старика, который паче всѣхъ рвался о похищеніи своея дочери; но таковыя несчастія единое токмо время приводитъ въ забвеніе.

По семъ печальномъ приключеніи, не долго пробылъ Свѣтлосанъ въ семъ мѣстѣ; но нанявъ порядочное судно для мореплаванія, пустился въ море съ послѣдователями своими. Плаваніе ихъ даже до равноденственныя черты довольно благополучно было; но при подъѣздѣ къ оной тихая погода перемѣнилась, и вѣтры начали возмущать гладкія воды. Вскорѣ Похвистъ, божество бурливыхъ вѣтровъ, явился на воздухѣ, гоня стадами мрачныя и густыя облаки, которыя распростираясь по оризонту, затмили сіяніе блестящаго Свѣтовида, и преобразили день въ ночь. Ужасный громъ и безпрестанныя молніи пріумножали свирѣпость бури, и страхъ пловцевъ; а разъяренныя волны, воздымая ихъ къ небесамъ, низвергали до жилища Нїи, подземнаго Царя. Сѣдая пѣна, віяся клубами, окружала корабль со всѣхъ сторонъ, и ввергаяся въ него съ валами, угрожала плывущимъ неизбѣжнымъ утопленіемъ. Къ довершенію женапасти, неукротимые сыновья вѣтра, сломивъ щеглы, и

 ото-

оторвавъ кормило, понесли корабль по пространству моря, крутя и порывая его по глубокимъ и высокомѣрнымъ валамъ. Ужасъ и темнота отняли присутствіе разума, бодрость и силы, у кормщика и мореходцевъ: всѣ кричали и повелѣвали, но ни кто не исполнялъ повелѣваемаго. Одинъ Свѣтлосанъ и сопутники его сохраняли бодрость, спомоществуя повсюду, и ободряя мореплавателей. Но на конецъ послѣдній и свирѣпѣйшій всѣхъ валъ, отнялъ послѣднюю у всѣхъ надежду, повергнувъ корабль на подводный камень, и раздробивъ его нарозно объ оный.

Въ сію ужасную минуту несчастливѣйшіе погрязли тотчасъ во глубинѣ морской, а прочіе, ухватясь за разломанныя части корабля, предалися волнамъ, полагаяся на волю Провидѣнія. Въ семъ числѣ спасшихся находился и Свѣтлосанъ: при расторженіи корабля попался ему въ руки большій онаго отломокъ, за который онъ ухватяся, предался свирѣпости моря. Разъяренныя волны понесли его съ великимъ стремленіемъ по пространству водъ, и на послѣдокъ, утомивъ его несказанно, привели въ безпамятство, и почти въ окаменѣніе. Въ семъ жалостномъ состояніи, выбросили его воды на пустый и каменистый островъ, въ самую глухую полночь. Отъ причиненнаго удара симъ изверженіемъ Свѣтлосанъ нѣсколько опамятовался; но избавясь отъ страшнаго зрѣлища свирѣпствующаго моря, не на пріятнѣйшее попалъ онъ мѣсто.

Посре-

Посредствомъ блиставшїя молнїи, увидѣлъ онъ престрашныя высотою и положенїемъ горы, покрытыя дремучими лѣсами; пологую землю, усыпанную всю каменьями; при чемъ ревъ и вой свирѣпыхъ звѣрей, совокупясь со пресильнымъ визжанїемъ вѣтровъ, ломавшихъ и исторгавшихъ съ кореньями деревьи, представилъ ему сїю страну ужаснѣе и самаго моря. Изнеможенїе силъ и хладъ, страхъ отъ плотоядныхъ чудовищъ, ужасъ от ъбезпрестанныхъ сверканїй и грома, и лишенїе отовсюду помощи, поколебали всю его бодрость. Онъ бросился на колѣни, что бы принести молитву богамъ, на коихъ ему тогда послѣдняя оставалася надежда; но въ самое то время оторванный вихремъ камень, съ висѣвшїя надъ нимъ стремнины, поразилъ его столь сильно, что онъ упалъ безъ памяти.

Погруженный симъ жестокимъ ударомъ Свѣтлосанъ въ безпамятство, и почти во смертное безчувствїе, пролѣжалъ на семъ каменистомъ берегѣ до совершеннаго восхожденїя солнца, которое благотворными своими лучами мало по малу возвратило ему на послѣдокъ чувствы. Онъ растворилъ смутные свои глаза, и осматриваяся во всѣ стороны, на силу могъ вспомнить, гдѣ онъ находится. Сїе воспоминовенїе, представляя ему тогдашнее печальное ево состоянїе, и постепенно по томъ всѣ бѣдственныя приключенїя съ нимъ и ево родственниками, погрузило его во глубокое размышленїе, и на послѣдокъ начало было приводить въ отчаянїе. Князь примѣтивъ, что сей

ядъ разливается весьма быстро по его жиламъ, вооружился всѣми оставшими силами своея бодрости, и принеся молитву Небесамъ, возсталъ, и предая себя ихъ волѣ, вознамѣрился всѣ бѣдствія свои сносить великодушно. Въ семъ намѣреніи будучи, предпріялъ онъ осмотрѣть весь островъ, ласкаясь нѣкоторою тайною надеждою, что получитъ на немъ счастливое окончаніе своему странствованію.

Ободренный сими мыслями, прошелъ онъ великій округъ каменистаго берега, и пришелъ на послѣдокъ на плодоносное мѣсто, коего пріятный видъ бодрость его пріумножилъ. Лугъ покровенный многоразличными и благовонными цвѣтками, деревья обремененныя прелестными плодами, приманили къ себѣ его взоры: онъ сорвалъ нѣсколько плодовъ, которыхъ пріятный вкусъ и запахъ, услаждая его чувствы, подали ему новыя силы. Свѣтлосанъ, получа отъ сего наиболѣе надежды къ лучшему впредь, возблагодарилъ богамъ, и увеселяясь симъ лестнымъ упованіемъ, началъ прохаживаться по сей благоухающей долинѣ, наслаждаяся веселыми ея предметами. По нѣсколькихъ минутахъ его прогуливанія, пришелъ онъ на прелестнѣйшее и того мѣсто, и когда взоры его по немъ обращались, то представилось ему зрѣлище, весьма не совмѣстное со пріятностями мѣста. Это былъ человѣкъ лишъ только растерзанный звѣремъ: стенанія ево привлекли къ нему Свѣтлосана,

тлосана, и побудили его подать ему помощь, ежели осталось какое къ тому средство. Но сколь велико было его удивленїе, когда онъ въ семъ человѣкѣ увидѣлъ того разбойническаго атамана, который, будучи рабомъ, укралъ у Остана сандалїи, и съ коимъ онъ сражался на морѣ за похищенную имъ дѣвицу! Но при плачевной участи сего бѣдняка, гнѣвъ ево уступилъ мѣсто сожалѣнїю: Свѣтлосанъ началъ ему помогать перевязанїемъ ево ранъ. Великодушный незнакомецъ! сказалъ ему разбойникъ томнымъ голосомъ, труды твои напрасны: смерть мою ни что уже остановить не можетъ; сами боги ею меня наказуютъ за мои злодѣйствы. Но благодарю ихъ, что при послѣднемъ моемъ концѣ послали они ко мнѣ тебя свидѣтелемъ моего раскаянїя. Сними съ меня, примолвилъ онъ, драгоцѣнныя сїи сандалїи, которыя похитилъ я у Древлянина, и возврати ему ихъ; а меня оставь пожранїю моея смерти. По сихъ словахъ, умножившихъ ево изнеможенїе, началъ онъ ослабѣвать смертельно, и вскорѣ лишился жизни.

Свѣтлосанъ, удивляяся правосудїю Неба, воздалъ благословенїе неиспытаннымъ ево Судьбамъ, и по семъ приступилъ ко исполненїю завѣщанїя умершаго. Во снятыя съ него сандалїи разсудилъ онъ самъ обуться для всякаго нечаяннаго случая, предпрїявъ возвратить ихъ Остану, ежели Небо соблаговолитъ еще его увидѣть жива. По томъ, сыскавъ яму, поло-

жилъ въ нее мертвое тѣло, и заметалъ всѣмъ тѣмъ, что ему способное къ тому попалось. Воздавъ такимъ образомъ послѣдній долгъ человѣчеству, предпріялъ онъ съ помощію сандалій обойти нѣсколько острововъ, въ надеждѣ обрѣсти на нихъ своихъ сопутниковъ, которые, чаялъ онъ, можетъ быть подобно ему были выброшены моремъ. Въ семъ намѣреніи предпріялъ онъ на передъ обойти сей островъ, на коемъ самъ находился, что немедленно онъ и началъ.

Прошедъ нѣсколько разстоянія, увидѣлъ онъ весьма высокую гору, которая показалась ему весьма способною для разсмотрѣнія всего острова; чего ради и пошелъ онъ на нее, въ такомъ будучи мнѣніи, что не увидитъ ли чего съ нее достойнаго примѣчанія, или кого изъ своихъ сотоварищей. Взошедъ на гору, долго онъ осматривался по всѣмъ сторонамъ; но за множествомъ горъ и лѣсовъ не могъ хорошенько разсмотрѣть пологія земли и береговъ. Такимъ образомъ обманувшись во своей надеждѣ, хотѣлъ уже было онъ сойти съ горы, какъ вдругъ его взорамъ представилося слѣдующее позорище. Превеликое сборище львовъ и тигровъ въ долу, подлѣ горы, гналося за молодымъ человѣкомъ, и готово было онаго растерзать. Свѣтлосанъ, пораженный жалкимъ ево состоянїемъ, ни мало не размышляя о собственной своей опасности, бросился къ нему на помощь, надѣяся посредствомъ своихъ сандалій выхватить его изъ

среды

среды плотоядныхъ сихъ звѣрей. Но едва онъ къ нимъ спустился по воздуху, и ухватя юношу хотѣлъ съ нимъ подняться, какъ нѣсколько львовъ, схватя его за одежду, повергли на землю, и растворя жадныя свои пасти, хотѣли его растерзать. Свѣтлосанъ, обманувшись въ успѣхѣ своего предпріятія, готовился уже на мучительную себѣ смерть, какъ въ самый тотъ мигъ, избавленный имъ юноша повергъ нѣчто въ толпу лютыхъ звѣрей. Едва они почувствовали сіе, какъ бросясь всѣ къ тому мѣсту начали между собою преужасную ссору, грызя другъ друга, и удаляясь отъ того мѣста, гдѣ былъ поверженъ Свѣтлосанъ. Между тѣмъ молодый человѣкъ, ухватя его въ беремя, понесся съ нимъ какъ вихрь, и въ одну почти минуту принесъ его въ пещеру весьма ужасныя горы, обросшія камнями и дремучимъ лѣсомъ.

Принеся его въ пещеру, и посадя на сдѣланную изъ дерна лавку, сказалъ ему слѣдующее: Ты учинилъ такое дѣло, какое рѣдкій изъ смертныхъ предпріять отважится, и которое ласкаетъ меня сыскать въ тебѣ того Витязя, отъ коего храбрости зависитъ мое освобожденіе. Проговоря сіе прошепталъ онъ нѣсколько словъ, и въ тужъ минуту превратился во преужасный предметъ, который представлялъ безобразнѣйшаго человѣка, какого ниже быстрѣйшее воображеніе вымыслить можетъ. Онъ былъ обремененъ претягостными оковами, на которыхъ были положены неизвѣ-

стные знаки. Вотъ мой точный видъ, продолжалъ онъ говорить Князю, каковый мнѣ данъ, въ наказанїе мое, отъ Подземнаго Царя. Я хочу, примолвилъ онъ, разсказать тебѣ мою Повѣсть, которая подастъ тебѣ ясное обо мнѣ понятїе, и о коей ни кто еще изъ смертныхъ не знаетъ. Сказавъ сїе, сѣлъ онъ на землѣ противъ Свѣтлосана, и началъ ее слѣдующимъ порядкомъ.

Повѣсть Липоксая Скиѳа.

Я одинъ изъ трехъ сыновъ Таргитая Скиѳа, происшедшаго отъ Перуна, и дочери рѣки Днѣпра. Дѣдъ мой, по возрастѣ моего родителя, отдалъ ему во владѣнїе всю ту Землю, коею нынѣ обладаютъ Славяне и Чудь, изъ коихъ послѣдние произошли отъ нашего рода, и присовокупилися по томъ ко Славенскимъ Племенамъ. Родитель мой, получа сей даръ, началъ себѣ собирать отовсюду подданныхъ, которыхъ на послѣдокъ скопилося довольное множество, и содѣлалось изъ того небольшое Царство. Великое плодоносїе нашея Земли не мало способствовало къ размноженїю въ ней народа. Царствованїе моего родителя продолжалося весьма спокойно до глубокїя его старости; и на послѣдокъ скончался онъ нечаянно, не чувствуя ни каковыя скорби, приведенъ будучи ко своему концу единственно истощенїемъ природы, а не сластолюбивымъ житїемъ, какъ то бываетъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ.

Сїя

Сія его нечаянная смерть была намъ причиною къ распрѣ о Державѣ нашея страны. Насъ было три брата, какъ я уже сказалъ: среднїй именовался Арпоксай, младшїй Колоксай, а я былъ старшїй, и называюсь Липоксай. Дѣдъ нашъ Перунъ, желая разрушить нашъ споръ своимъ благоволенїемъ, избралъ достойнымъ къ Державѣ младшаго изъ насъ брата. Избранїе свое утвердилъ онъ слѣдующимъ чудомъ. Когда мы вышли изъ столичнаго нашего города Гелона на полѣ, чтобъ рѣшить нашъ споръ превосходствомъ нашихъ силъ, (ибо мы уговорились, чтобъ тому, кто далѣе изъ насъ выстрѣлитъ изъ лука, осталося населенное Царство, а прочимъ пустая земля,) то въ самое то время, когда хотѣли мы къ сему лишъ приступить, упали съ неба соха, ярмо, топоръ и чаша, всѣ изъ чистаго золота. При семъ прїятномъ позорищѣ, всѣ мы оборотили на нихъ свои глаза. Желанїе толь богатыя корысти привлекло меня къ нимъ перваго: но едва я къ одной изъ сихъ вещей прикоснулся, какъ исшедшее отъ оныя пламя такъ меня ожгло, что я, закричавъ преужасно, съ великимъ стремленїемъ отскочилъ отъ нее прочъ. Арпоксай, середнїй нашъ братъ, равную мнѣ имѣлъ участь. Меньшїй изъ насъ, (моглаль сїе помыслить наша гордость!) лишъ только подошелъ къ симъ драгоцѣннымъ вещамъ, какъ въ то же мгновенїе пламя ихъ оставило, и онъ учинился сча-

стливымъ ихъ обладателемъ; а съ ними совокупно и нашего Царства.

Сїе огорчительное для насъ, и славное для Колоксая приключенїе, преклонило къ нему народныя сердца; а мы принуждены были выйти изъ его Державы. Арпоксай удалился въ Сѣверныя страны; и учинился Родоначальникомъ Чудскихъ Поколѣнїй, изъ коихъ слѣдующїя славны по томъ учинились: Весь на Бѣлѣ - Озерѣ; Меря въ Ростовской и Переяславской Землѣ, по Клещину Озеру; также Мордва, Печора, и другїя многїя, о которыхъ для краткости я умалчиваю. По смерти его Чудскїе Народы, а наипаче Бѣлоозерцы, обоготворили Арпоксая за ево добродѣтель, и преизящное ево царствованїе. Содѣлали ему истуканъ изъ драгоцѣннаго дерева, возложили на него богатое ожерелье, и дали ему въ руки серебряную чашу, въ которую, всѣ приходящїе къ нему для молитвы, клали деньги. Подлѣ великолѣпнаго ево храма соорудили кладбищи, въ которыхъ погребалися всѣ знатные и богатые люди съ великими сокровищами. Память его и до нынѣ между ими осталась подъ именемъ Iомалы.

По крайней мѣрѣ судьбу ево почитаю я тѣмъ блаженною, что онъ, лишася своего отечества, учинился индѣ счастливымъ Родоначальникомъ, и обоженнымъ Государемъ. А я несчастный, лишась отеческаго престола, и гордяся моимъ старшинствомъ, впалъ въ отчаянїе, и удалился въ покрытыя вѣчнымъ

льдомъ

льдомЪ. Земли, прилѣжащія ко Хвалынскому и Черному морю. Совокупя нѣсколько дикихЪ народовЪ, сЪ убѣжавшими со мною Скиѳами, учинился я малымЪ ВладѣтелемЪ, и Родоначальникомъ происшедшихЪ по томЪ УгровЪ и Обрей. Но не доволясь симЪ малымЪ владѣніемЪ, и сокрушаяся всегда обЪ отеческомЪ престолѣ, и о предпочтеніи моего брата, старался я сыскать вЪ чемЪ ни будь другомЪ мое прославленіе; и на послѣдокЪ вдался я вЪ разысканіе травЪ, и бѣговЪ небесныхЪ; и на конецЪ такЪ пристрастился кЪ сему, что оставя попеченіе о маломЪ моемЪ КняжествѢ моимЪ дѣтямЪ, препроводилЪ я всю мою жизнь вЪ изобрѣтеніи и сысканіи кабалистики, по просту называемыя чернокнижіемЪ.

Неусыпными моими стараніями и прилѣжаніемЪ, учинился я на послѣдокЪ великимЪ кабалистикомЪ: нашелЪ таинство сЪ помощію травЪ, камней и минераловЪ, производить всякія невозможныя дѣла, и повелѣвать Духами. ПосредствомЪ бѣговЪ небесныхЪ научился я угадывать прошедшее, настоящее и будущее. Всѣ сіи знанія описалЪ я во превеликой сочиненной мною книгѣ, которая заключала вЪ себѣ науку и наставленія, какЪ производить всякія чрезъестественныя дѣла. Книгу сію, и кЪ ней словарь, сочинилЪ я на АссирійскомЪ языкѣ, которому научился я вЪ молодости моей отЪ одного Ассиріянина, пришедшаго поселиться во Скиѳію кЪ моему родителю, куда его завели несчастія, изгнавшія онаго изЪ

Ассиріи. Сіе я учинилъ для того, чтобъ не всякій могъ ею пользоваться; ибо она заключала въ себѣ всю глубину чародѣйнаго знанія.

Гордяся толь великими успѣхами моего раченія, сдѣлалъ я нѣсколько волшебныхъ вещей, которыхъ дѣйствіе удивило моихъ подданныхъ, и вселило въ нихъ обо мнѣ высокое мнѣніе. Вскорѣ слава моего искусства распространилася по сосѣдственнымъ Державамъ: превеликое число людей начали ко мнѣ стекаться отовсюду, иные желая удостовѣриться, другіе научиться. Стеченіемъ симъ Государство мое пріобрѣло себѣ въ короткое время размноженіе, богатство и сіяніе, какихъ дотолѣ не имѣло. Ободренный сими выгодами, старался я утвердить мою славу новыми изобрѣтеніями, и чудесами моего знанія. Свѣденія моего не скрывалъ я отъ иностранцевъ, но дозволялъ имъ все видѣть, и всему отъ меня учиться за нѣкоторые прибытки, которые были полезны новому моему Государству. Однимъ словомъ, я началъ продавать все, и чертоги мои содѣлалися училищемъ волхвованія для всѣхъ пріѣзжавшихъ; и хранилищемъ волшебныхъ вещей, которыя раздавалъ я всѣмъ желающимъ за великія цѣны и подарки, не мысля ни мало о томъ, что нѣкоторыя изъ сихъ вещей служили не токмо къ пользѣ человѣческой, но и ко вреду, что по томъ вскорѣ и воспослѣдовало.

На конецъ раздраженный Перунъ, сими злыми моими изобрѣтеніями, поразилъ меня

гро-

громомъ, и тѣмъ окончилъ дальнія мои въ чародѣйствѣ изысканія; но однакожъ не пресѣкъ тѣмъ волшебства, которое, посредствомъ моихъ наставленій и вещей, по всему свѣту распространилось; а наипаче въ подвластной мнѣ Землѣ, во Скиѳіи, и въ Чудскихъ странахъ.

Оставшіяся по мнѣ дѣти, и подданные мои, оплакавъ меня весьма довольно, учинили мнѣ погребеніе по Скиѳскому обряду, слѣдующимъ порядкомъ: сперва вскрывъ мое чрево, и вычистя оное, наполнили нарѣзаннымъ галгантомъ, курительнымъ порошкомъ, сѣменами травы петрушки и анисомъ, и по томъ зашили; а тѣло мое все облѣпили воскомъ. Послѣ сего положа меня во гробъ, поставили оный на одръ, и такъ вынесли на кладбище: поставя его на ономъ, воткнули со всѣхъ сторонъ копьи, на кои возложа шесты, покрыли ихъ прутьями около гроба. При томъ въ честь мою положили со мною вмѣстѣ, задушивъ на передъ, наложницу мою, кравчаго, повара, конюшаго, служителя, судостроителя, и коня; присовокупя къ тому золотую чашу, и прочія любимыя мною вещи, также волшебную мою книгу, и съ нею словарь. По семъ дѣйствіи всякій, кто только ни провождалъ мое тѣло, старался принести наиболѣе земли, дабы оною засыпать мой гробъ, и положенныхъ со мною; и на конецъ насыпали надо мною толь великій бугоръ, что оный походилъ болѣе на холмъ. Сіе обыкновеніе, чтобъ насы-

насыпать бугры надъ могилами, примолвилъ Липокай, и вы отъ насъ переняли.

Душа моя, продолжалъ онъ, по исшествіи своемъ изъ тѣла, предстала совокупно, со прочими погребенными со мною, предъ Подземнаго Царя, ожидая со трепетомъ отъ него себѣ осужденія. Нія, воззрѣвъ на меня свирѣпымъ взглядомъ, сказалъ мнѣ грозно: Недостойный сынъ добродѣтельнаго Таргитая! тако ли слѣдовалъ ты его примѣрамъ? На мѣсто добродѣтельнаго и попечительнаго правленія, ты употребилъ жизнь свою на изысканіе таинствъ, сокрытыхъ отъ человѣковъ Небесами: ты хотѣлъ уподобиться богамъ запрещенными тебѣ средствами, и силою Духовъ тебѣ служившихъ; но на мѣсто блага приключилъ ты вселенной невѣдомыя ей несчастія. Проговоря сіе повелѣлъ онъ Фуріѣ представить предъ меня зеркало, въ которомъ я увидѣлъ великое множество людей, мучимыхъ разнообразно моими учениками. Иные изъ нихъ были превращаемы въ разныя гнусныя животныя, другіе томимы ядомъ или очарованіями, третьи лишаемы любимыхъ имъ вещей; и однимъ словомъ, усмотрѣлъ я тутъ всякія лютости, содѣваемыя отъ учениковъ моихъ надъ прочими смертными. При семъ ужасномъ зрѣлищѣ содрогся я паки, познавъ всю мою несправедливость и безуміе: я палъ предъ Ніею, надѣяся моимъ уничиженіемъ и мольбами преклонить его къ себѣ на милость.

На-

Напрасно ты стараешся, закричалъ онъ мнѣ грозно, склонить меня своими мольбами: преступленіе твое столь велико, что не можетъ его ни что загладить кромѣ твоего наказанія. По семъ ужасномъ изрѣченіи, повелѣлъ онъ адскимъ страшилищамъ меня окружить, и наложить мнѣ всѣ тѣ мученія, каковымъ подвергла моя наука живущихъ во вселенной. О Небо! возопилъ при семъ Липоксай, какихъ не испыталъ я тогда лютостей! Безпрестанное мое превращеніе въ разнообразныя и гнусныя животныя было меньшее изъ тѣхъ мученій, какими я томимъ былъ отъ фурій: ядъ, огонь, желѣзо, по всеминутно меня терзали; и на послѣдокъ уже самъ немилосердый Нія тронулся моими мученіями, продолжавшимися нѣсколько годовъ, и повелѣлъ меня предъ себя представить. Не дѣла твои, сказалъ онъ мнѣ суровымъ образомъ, исходатайствовали тебѣ оставленіе мученій, а сожалѣніе мое; но злодѣйствы твои таковы, что требуютъ должайшаго очищенія. По опредѣленію Судьбины до тѣхъ поръ не получишъ ты себѣ успокоенія, пока пребывъ нѣсколько лѣтъ во власти у богопротивныхъ чародѣевъ, тобою произведенныхъ, не будешъ ты на конецъ освобожденъ отъ нѣкотораго лютаго волхва, юнымъ Княземъ отъ рода Славенова; и покуду не уничтожатся со онымъ чародѣемъ, посредствомъ сего Витязя, всѣ волшебныя вещи, тобою на свѣтъ произведенныя.

Едва

Едва онъ сïе проговорилъ, какъ мрачное и густое облако, подхватя меня, понесло съ великимъ стремленïемъ, и на послѣдокъ, поставя меня въ пустой Аравïйской степи, оставило меня моему отчаянïю. Долгое время пробылъ я на семъ пустомъ мѣстѣ, и на конецъ, по нѣкоторомъ моемъ плутанïи по оному, пришедъ не нарокомъ къ чистому источнику, взглянулъ я въ оный, и увидѣлъ въ немъ все мое безобразïе, какимъ меня наказалъ Подземный Царь. Съ превеликимъ ужасомъ отскочилъ я отъ источника, мня видѣть въ немъ нѣкое страшилище, пришедшее паки меня мучить; но не видя ни кого, опять я подошелъ къ водѣ, и увидя паки то же пугалище, дѣлающее сообразныя моимъ движенïя, увѣрился я на послѣдокъ, что это было собственное мое лице. О Небо! какая грусть тогда меня объяла! Я бы охотно лишилъ себя жизни въ тогдашнемъ моемъ унынïи, ежелибъ естество Духа, которое по днесь я сохраняю, могло чѣмъ лишиться своего бытïя, по примѣру человѣческаго. Но однакожъ послѣ я узналъ, что могу, въ отраду мою, принимать на себя каждый день, на одинъ часъ, такïй видъ, каковый самъ я изберу.

Послѣ сего приключенïя не долго я пробылъ шатаяся: страшный адскïй гласъ, происшедшïй ко мнѣ вскорѣ послѣ того, опредѣлилъ меня къ нѣкоторому Вавилонскому чародѣю, который научась отъ послѣдователей моихъ волхованïю, и узнавъ о мѣстѣ моея книги, вырылъ

ее

ее изъ бугра, подъ которымъ она съ тѣломъ моимъ была зарыта. Посредствомъ сея книги, и другихъ волшебныхъ вещей, принудилъ онъ адъ дать себѣ во услуженіе Духовъ, въ числѣ которыхъ и я къ нему былъ посланъ. Сей гнусный чародѣй, за сіе требованіе, обязался предать себя по смерти на вѣчное мученіе аду. Онъ сіе учинилъ съ умысла, надѣяся посредствомъ Духовъ достать себѣ безсмертіе; но всемогущіе боги сіе его намѣреніе уничтожили. Сей волшебникъ не зналъ ни чего обо мнѣ, и почиталъ меня просто Духомъ; на послѣдокъ, желая отъ другихъ сотоварищей моихъ получить нѣкоторыя важныя услуги, извѣстился отъ нихъ, что одинъ я могу его въ томъ удовольствовать; а въ доказательство того разсказали они ему мое приключеніе. Безъ сомнѣнія учинено было сіе ими по повелѣнію Ніи, дабы совершить надо мною мой рокъ. По сему извѣстію и возложилъ онъ на меня должность исполнять всѣ его приказанія; но необычайность и безчеловѣчность оныхъ, заставили меня отъ того отрещися. За сіе непослушаніе, по власти данной ему надо мною, началъ онъ меня мучить наилютѣйшимъ образомъ, дабы принудить меня къ повиновенію; однакожъ я всю его ярость постоянно претерпѣлъ, уповая тѣмъ окончить вскорѣ мое страданіе. Но опредѣленіе боговъ отложило весьма на далѣчайшее время срокъ моего бѣдствія.

Такимъ образомъ стеналъ я подъ жестокостію его ударовъ, до самыя смерти сего

 чародѣя.

чародѣя. По отшествіи души его въ Тартаръ, получилъ я паки мою свободу; но однакожъ не многіе годы ею пользовался, и достался опять во власть нѣкоторому добродѣтельному Вавилонянину, вмѣстѣ съ моею книгою, которую нашелъ онъ въ землѣ, копая себѣ колодезь; ибо прежній волхвъ зарылъ ее въ оную, опасаяся, что бы кто ее у него не похитилъ; но и храня ее въ землѣ, столько боялся ее потерять, что написалъ въ ней на похитителей заклятіе. Новый и добродѣтельный мой повелитель не принуждалъ меня ни къ какому беззаконному дѣлу, ниже хотѣлъ, полученныя во книгѣ моей свѣдѣнія, обратить во зло своимъ ближнимъ, какъ то дѣлывалъ лютый его предшественникъ; но еще избавлялъ смертныхъ и отъ прочихъ чародѣевъ: и за то пріобрѣлъ себѣ спокойную жизнь, и мирную кончину, передъ которою зарылъ онъ паки книгу мою въ землю, приложа къ ней объявленное тебѣ Видостаномъ завѣщаніе.

По кончинѣ добродѣтельнаго сего человѣка, пробылъ я нѣсколько лѣтъ на свободѣ; но на конецъ книгу мою, съ коею совокуплена была моя вольность, вырылъ нѣкоторый бѣдный человѣкъ, и не зная ея употребленія, продалъ ее Индійскому купцу, а отъ сего досталася она Видостанову отцу. О прочемъ же ты самъ вѣдаешъ; и мнѣ остается только разсказать теперь о томъ, что тебѣ неизвѣстно.

Видостанъ получа ее во свои руки продолжалъ Духъ, и познавъ ея важность, весьма учинилъ неосторожно,

сторожно, что открылЪ о томЪ невѣрному своему любимцу, который, употребивЪ знанїе ея во свою пользу, содѣлался страшнымЪ повелителемЪ своему благодѣтелю, мнѣ, и всему свѣту. Первое ево старанїе было покорить своей власти ДуховЪ, между коими и я ему достался. Послѣ сего научился онЪ разнымЪ превращенїямЪ и очарованїямЪ, дабы, ограждая себя ото всѣхЪ сторонЪ, учиниться страшнымЪ всѣмЪ людямЪ. Вскорѣ послѣ сего учинилЪ онЪ опытЪ знанїя своего и лютости надЪ отцемЪ своего благодѣтеля, отравя его наилютѣйшимЪ ядомЪ. УчинивЪ сїе онЪ сокрылся, и избравЪ своимЪ пребывалищемЪ одинЪ изЪ здѣшнихЪ острововЪ, принудилЪ насЪ построить себѣ на ономЪ за́мокЪ. ИзЪ сего-то ужаснаго за́мка выходя, причиняетЪ онЪ свѣту ужасныя злосчастїя, какїя только выдумать можетЪ. О злодѣйскихЪ ево поступкахЪ сЪ ВидостаномЪ, и прочими извѣстными тебѣ людми, ты самЪ довольно вѣдаешЪ; а о прочихЪ ево злодѣянїяхЪ скажу тебѣ коротко.

Сей гнусный чародѣй, получа во власть свою меня и прочихЪ ДуховЪ, вознамѣрился овладѣть нашею помощїю цѣлымЪ свѣтомЪ, и учиниться безсмертнымЪ; но великїе боги суетному и высокомѣрному ево желанїю посмѣялись, показавЪ ему вЪ насЪ слабыхЪ исполнителей ево гордости; ибо сїе его желанїе удовлетворить мы отказались, сколько онЪ ни принуждалЪ насЪ кЪ тому наказанїями. Ка-

рачунъ, лишася въ томъ своея надежды, вознамѣрился къ тому достигнуть самъ собою: онъ началъ выискивать всѣхъ волхвовъ, и лишать ихъ волшебныхъ ихъ вещей, надѣяся сими средствами учиниться сильнѣе всѣхъ, въ чемъ онъ дѣйствительно и успѣлъ. Ибо сколько ни обрѣталося волшебниковъ во вселенной, онъ всѣхъ ихъ побѣдилъ разными пронырствами, и овладѣлъ ихъ вещами; и тѣмъ учинился столько силенъ и страшенъ, что самъ Нїя не смѣлъ иногда сопротивляться его волѣ. Таковою его властїю раздражась боги, и опасаясь ево лютости, лишили его силы умерщвлять всякаго человѣка, и опредѣлили ему скорую казнь, что я узналъ отъ прочихъ Духовъ, моихъ сотоварищей.

Долго бы разсказывать мнѣ, продолжалъ Липоксай, о всѣхъ ево злодѣйствахъ, ежелибъ описывать ихъ подробно; но я скажу тебѣ о томъ вообще. Съ тѣхъ поръ, какъ овладѣлъ онъ моею книгою и Духами, не приключилося во свѣтѣ ни какого важнаго несчастїя, коего бы не былъ онъ виною. Сей мерзскїй Еѳїопъ, лишася власти умерщвлять людей, терзаетъ ихъ на противъ того всякими лютѣйшими мученїями, и лишаетъ ихъ своими очарованїями естественнаго ихъ вида. При чемъ употребляетъ онъ такую хитрость, что всѣ очарованные имъ по тѣхъ поръ неизвѣстны бываютъ свѣту, покамѣстъ продолжается ихъ очарованїе; и одни боги могутъ человѣкамъ открывать ево козни. Онъ построилъ

еще

еще себѣ на нѣкоторомъ здѣсь островѣ за́мокъ, и опредѣлилъ его на свои увеселенія; но однакожъ кромѣ досадъ и огорченій ни чего въ немъ болѣе не находитъ, понеже похищенныя имъ отовсюду въ сей за́мокъ красавицы, какія онъ ни употребляетъ пронырствы для прельщенія ихъ, всѣ до единыя презираютъ его, и гнушаются имъ; ибо правосудные боги, въ наказаніе ему, и для предосторожности неповинныхъ красотъ, лишили его власти являться къ нимъ во другомъ видѣ, кромѣ ево собственнаго: а собственное ево гнусное лице неудобно прельстить и самыя наипозорнѣйшія женщины. Вотъ каково ево изображеніе!

Теперь осталося мнѣ сказать тебѣ окончаніе собственныя моея повѣсти. Я нашелъ, будучи еще вживѣ, лютое средство умерщвлять людей разнообразно, хотябъ и сами боги смерти ихъ сопротивлялись. Но сего варварскаго таинства не включилъ я въ мою книгу, ниже кому о томъ повѣдалъ, опасаяся худыхъ отъ того слѣдствій. Сія-то воздержность и спасла меня во адѣ отъ конечнаго моего погубленія, и сіе есть причиною теперешняго моего заключенія. Ибо сей лютый волхвъ, увѣдавъ отъ сотоварищей моихъ о сей моей тайнѣ, хотѣлъ отъ меня объ ней узнать, но я ему твердо въ томъ отказалъ, что и навлекло мнѣ отъ него самое варварское мученіе, и темницею сей островъ. Но я надѣюсь, что милосердое Небо, за претерпѣнныя

ныя мною страданія, вскорѣ избавитъ меня отъ власти сего тирана человѣческаго рода. Ибо ты, Государь, продолжалъ онъ, точно мнѣ кажешся тѣмъ Витяземъ, отъ коего боги опредѣлили мое избавленіе. Я уже весьма давнее время нахожуся на семъ островѣ, вседневно ожидая съ тобою моея свободы. На послѣдокъ, увидѣвъ здѣсь тебя, предпріялъ я испытать твое добродушіе, и тѣмъ увѣриться, что ты будешь мой избавитель отъ лютаго Карачуна. Для сего-то точно и превратился я въ молодаго человѣка, и силою моего знанія, обратилъ на себя толпу лютыхъ звѣрей: и когда доброе твое сердце склонило тебя вдаться для меня въ опасность, тогда я бросилъ въ толпу сихъ животныхъ нѣкоторый приготовленный мною составъ, который, возбудя въ нихъ бѣшенство, обратилъ ихъ на самихъ себя.

Едва только Липоксай окончалъ свою повѣсть какъ пресильное землетрясеніе взорвало въ пещерѣ полъ, и учинило великое отверстіе, изъ коего съ превеликимъ пламенемъ и сгущеннымъ дымомъ выскочилъ къ нимъ Исполинъ, вооруженный саблею. Умри, вскричалъ онъ Свѣтлосану, замахнувшись на него оружіемъ, и прекрати надежду сего невѣрнаго Духа, и свою собственную. Но Липоксай въ самый тотъ мигъ отхватилъ Князя отъ пораженія, и вынесъ его вонъ изъ пещеры. Дерзновенный! вскричалъ Исполинъ Духу, ты осмѣливаешся защищать лютѣйшаго моего врага; но вѣдай,

что

что ты симъ усугубилъ только свои и ево мученія. Ни что васъ не избавитъ отъ мщенія Карачунова. Проговоря сіе, кинулся онъ за Свѣтлосаномъ, который, лишась волшебнаго своего меча при потопленіи, принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ, не имѣя къ защитѣ своей другаго способа. Помощію летающихъ сандалій прибѣжалъ онъ вскорѣ на поверхность моря; но великанъ, который былъ точно Карачунъ, не оставилъ за нимъ гнаться и по морю, будучи поддерживаемъ Духами.

Конечно бы отъ руки его погибъ тогда Славенскій Князь, ежелибъ нечаянный случай, который казалося готовилъ ему единую погибѣль, не спасъ ево жизни. Отъ продолжительнаго бѣжанія духъ у него началъ уже заниматься, и лишать его всея надежды ко спасенію: отчаяніе овладѣло ево мыслями: онъ возвелъ глаза свои на небо, для испрошенія себѣ помощи свыше; но въ самое то время запнувшись упалъ, и мнилъ уже себя потоптаннымъ, какъ въ самый тотъ мигъ почувствовалъ у себя въ рукахъ нѣчто такое, которое паденіе ево остановило. Онъ всталъ сотчасъ опять на ноги, и увидѣлъ подъ собою превеликаго дельфина, держащаго во ртѣ своемъ волшебный Левсиловъ мечъ. Обрадованный Князь симъ приключеніемъ, едва осмѣлился повѣрить своимъ глазамъ: воздавъ благодареніе безсмертнымъ, ухватилъ онъ свой мечъ, и съ превеликою храбростію обратился

 на

на гонящагося за нимъ Карачуна, который весьма уже близко отъ него находился. Сей гнусный волхвъ, сколько ни нагль былъ и ни дерзостенъ, но усмотря Левсиловъ мечъ во Свѣтлосановой рукѣ, вострепеталъ и обратился въ бѣгство. Но не возмогъ бы онъ избѣжать достойныя себѣ казни тогда же, ежелибъ не спасся отъ того своимъ коварствомъ; ибо превратяся въ рыбу, повергнулся онъ въ море, и тѣмъ избавился отъ неминуемыя себѣ смерти.

Свѣтлосанъ лишась такимъ образомъ своея побѣды, принужденъ былъ возвратиться на островъ, дабы посовѣтовать съ Липоксаемъ, какимъ образомъ можетъ онъ достигнуть до окончанія своего предпріятія, въ разсужденіи низпроверженія сего коварнаго врага. Желаніе твое весьма похвально и велико, сказалъ ему Липоксай, оно избавляетъ міръ, и меня, отъ наилютѣйшаго тирана; и сколько мнѣ ни будетъ стоить подать тебѣ о семъ мое мнѣніе; ибо чародѣй сей не упуститъ наложить мнѣ за сіе наижесточайшихъ мученій; однакожъ, не взирая на все то, хочу тебя въ семъ удовольствовать. Я уже тебѣ объявилъ, продолжалъ онъ, что Карачунъ имѣетъ у себя два за́мка: одинъ изъ нихъ украшенъ всѣми нѣжностями и пріятствами великолѣпія и пышности, а другій имѣетъ видъ самаго ада, по причинѣ ужасныхъ своихъ предметовъ. Въ семъ послѣднемъ за́мкѣ обитаетъ Карачунъ, и всякому изъ

смер-

смертныхЪ входЪ вЪ него запрещенЪ подЪ лишенїемЪ за то живота. КромѢ сего окруженЪ онЪ отовсюду преужасными заграждентями, которыхЪ кромѢ боговЪ и ДуховЪ ни кто преодолѣть не можетЪ, не подвергая жизни своея неминуемой смерти. ВЪ семЪ за́мкѢ хранитЪ КарачунЪ всѣ похищенныя имЪ волшебныя вещи, подЪ стражею наиужаснѣйшихЪ чудовищЪ. Ни какЪ не льзя покуситься взойти открытою силою вЪ сей за́мокЪ, или напасть на самого сего чародѣя, и побѣдить его явно. Надобно изыскивать случай, чтобЪ исплошить его вЪ за́мкѢ, вЪ коемЪ обитаютЪ у него красавицы; ибо онЪ лишается тутЪ почти всея своея силы; либо же при помощи боговЪ войти тайно, и безЪ него, вЪ обитаемый имЪ за́мокЪ, и напасть на него соннаго. КромѢ сего совѣта, продолжалЪ ДухЪ, ни какЪ помочь тебѣ я не могу; ибо Нїя запретилЪ мнѣ спомоществовать тѣмЪ, которые пожелаютЪ разрушить мою неволю. СказавЪ сїе онЪ исчезЪ, а СвѣтлосанЪ, оставшись одинЪ, вознамѣрился искать КарачуновыхЪ за́мковЪ.

Принеся на передЪ молитву богамЪ, пошелЪ онЪ, спомоществуемый сандалїями, на поверхность моря, и опредѣлилЪ на немЪ до тѣхЪ порЪ странствовать, покамѣстЪ не найдетЪ Карачунова жилища. Но сїе путешествїе было бы ему гробомЪ, ежели бы не помогло ему доброе ево счастїе, которое по справедливости бываетъ иногда лучше храбрости и досужства. По отдаленїи его отЪ

 остро-

острова, небо перемѣнило ясность свою на мракъ: порывистые вѣтры возмутили тихія воды, и не оставили Свѣтлосану инаго пути, кромѣ опасныя средины между волновавшеюся бездною и блиставшимъ оризонтомъ. Къ довершенію напасти, темнота окружила все пространство понта, и не оставила ни малаго средства къ раздѣленію предметовъ. Въ сей крайности Князь принужденъ былъ бѣжать, то по ярящимся волнамъ, то по бунтующему воздуху. Такимъ образомъ путешествовалъ онъ двои сутки, находясь въ безпрестанной опасности отъ моря и грома. Наконецъ послѣдовала ясность, но которая не принесла ему ни малаго облегченія; гладъ и утомленіе, обьявшіе Свѣтлосана, лишили его почти всѣхъ силъ. Уже изнеможенныя его ноги едва ему служили, и онъ началъ уже отъ великія усталости спотыкаться, и приходить въ нѣкоторый родъ обморока, который бы его на вѣки погрузилъ въ море; какъ въ самое то время увидѣлъ онъ превеликій отломокъ разбитаго корабля. Съ великою радостію пошелъ онъ къ нему, благодаря Небу за толь очевидную помощь. Дошедъ съ немалымъ трудомъ до сего отломка, сѣлъ онъ на него, и отдохнувъ довольное время, почувствовалъ въ себѣ изнуряющій голодъ и жажду. Весьма долгое время боролся онъ съ ними; но напослѣдокъ побуждающая его къ насыщенію природа начала изнемогать, и лишать его чувствъ. Въ сіе время притупленные его

взоры,

взоры, едва уже обращающїеся по поверхности водъ, ласкаясь надеждою обрѣсти на нихъ нѣчто къ утоленїю алча и жажды, увидѣли въ дали пловущее животное, которое несло нѣчто во ртѣ. Нѣкая надежда обновилася въ сердцѣ Свѣтлосановѣ: онъ поднялъ голову, чтобъ разсмотрѣть по лучше сїе животное, которое приплывало къ нему часъ отъ часа ближе, и съ великою радостїю увидѣлъ на конецъ, что это былъ морскїй левъ, который несъ во ртѣ своемъ превеликїй кустъ съ кокусовыми орѣхами. Какъ скоро подплылъ онъ ко Свѣтлосану, то оставя при ногахъ ево свою ношу, нырнулъ въ воду, и по нѣсколькихъ минутахъ, вынырнувъ отъ него въ немаломъ разстоянїи, поднялся на воздухъ въ видѣ превеликїя птицы.

Но Свѣтлосанъ, въ тогдашнемъ своемъ состоянїи, не весьма старался то примѣтить, и все свое попеченїе обратилъ къ кокусовой вѣтвѣ. При ослабленїи своихъ силъ едва онъ выволокъ ее изъ воды, и на послѣдокъ, разрѣзавъ одинъ орѣхъ своимъ мечемъ, выпилъ изъ онаго сокъ, который показался ему тогда настоящимъ нектаромъ. Такимъ образомъ сїя неожидаемая помощь возвратила ему жизнь, толь много кратъ бывшую подверженну смерти. Сїе счастливое приключенїе привело его въ состоянїе путешествовать далѣе: снабдясь симъ прїятнымъ плодомъ, и принеся молитву Небесамъ, вдался онъ паки своему путешествїю, и по счастїю своему, чрезъ нѣсколько

дней,

дней, увидѣлъ онъ островъ, окруженный отовсюду дремучимъ лѣсомъ и каменистыми утесами.

Съ превеликимъ трудомъ пробрался онъ сквозь чащу онаго, въ надеждѣ сыскать нѣсколько плодовъ способныхъ въ пищу. По прошествіи имъ сея густоты, увидѣлъ онъ превысокія кремнистыя горы, покрытыя льдомъ и снѣгомъ, и на которыя ни коимъ образомъ человѣку не можно было взойти. Однако же Свѣтлосанъ, вознамѣрясь осмотрѣть островъ, превозмогъ сію трудность спомоществуемъ будучи сандаліями. Но какое было ево удивленіе, когда онъ, по восшествіи на сіи горы, увидѣлъ съ нихъ долъ, изобилующій плодоносными древами и благовонными цвѣтками, а далѣе того великолѣпный за́мокъ, на подобіе превысокія горы, украшенный разновидными цвѣтами. При семъ пріятномъ видѣ Славенскій Князь палъ на колѣни, и воздѣвъ руки къ небу, произнесъ сію молитву: Великій Перунъ, и ты многомощное божество бѣдствующихъ людей! внимите моленію смертнаго, обожающаго васъ нелицемѣрно: если я не обманываюсь, то сіе великолѣпное зданіе есть твореніе гордаго Карачуна: спомоществуйте мнѣ пройти безбѣдственно всѣ оставшіяся трудности: споборствуйте моему подвигу, и устроя мою руку на отомщеніе мучимаго человѣчества, сопроводите ее въ сердце нечестиваго тирана вселенныя. Я обѣщаюсь

при-

принести вамъ тучную жертву, и спомоществовать всѣми моими силами, и во весь мой вѣкъ, страждущему человѣчеству.

По совершенїи Свѣтлосаномъ молитвы, громъ возгремѣлъ въ десной его странѣ, и блеснувшая молнїя казалася стремящеюся на зданїе за́мка. Князь паки палъ на землю, благодаря боговъ за толь явственное предвозвѣщанїе ихъ благоволенїя. Послѣ чего, наполнясь несомнѣннымъ надѣянїемъ на помощь безсмертныхъ, пошелъ онъ прямо къ за́мку. Чѣмъ ближе онъ къ нему подходилъ, тѣмъ больше умножалося великолѣпїе онаго. Чертоги ево, подобящїеся высокой и утесистой горѣ, были сооружены изъ разноцвѣтныхъ блистающихъ камней; злато и сребро были последнїя стѣнъ ихъ украшенїя; преизящнѣйшїя истуканы изобиловали ни нихъ повсюду; крыльцы, переходы и теремки, являли на себѣ видъ неподражаемаго художества. Однимъ словомъ, зданїе сїе походило на нѣкїй священный храмъ, превосходящїй красотою и великолѣпїемъ своимъ всѣ тѣ преузорочныя достопамятности, которыя Греками Седмью Чудесами именовались. Но сколько замокъ сей былъ великолѣпенъ, столько приступъ къ нему былъ труденъ: стѣны ево, сооруженныя изъ крѣпчайшаго мрамора, утыканы были на подобїе щетины острыми рожнами, а вороты его состояли изъ непроницаемаго булата. Кромѣ сея твердыя заграды, окружала замокъ глубокая и быстрая рѣка, наполненная преужасными чудовищами, которыя, всплывая на поверхность

водъ,

водъ, произносили страшный свистъ и ревъ, являя огромныя и гнусныя свои тѣла. Сверхъ того находился на берегѣ желѣзный истуканъ, вооруженный всѣми орудіями, какія только изобрѣла кровавая война, для отнятія жизни у человѣковъ. Сей грозный истуканъ, произнося престрашныя завыванія и вопли, обѣгалъ, быстрѣе вихря, берегъ окружающій замокъ, и грозилъ умертвить всякаго, ктобъ ни отважился въ оный вступить; ибо силѣ его ни что противиться не могло.

Славенскій Князь, усмотря сего стража, обнажилъ свой мечъ, и надѣясь помощію его крѣпости одолѣть сіе страшилище, пошелъ къ нему безбоязненно. Желѣзный стражъ, увидя идущаго на себя Свѣтлосана, бросился къ нему съ ужасною свирѣпостію, и поднявъ мѣдную свою палицу, хотѣлъ ею сразить его нарозно; какъ вдругъ, посмотрѣвъ на сего Князя, возопилъ томнымъ голосомъ, и отскочилъ отъ него весьма поспѣшно. Толь нечаянный случай привелъ Свѣтлосана въ нѣкоторый родъ недоумѣнія и робости: онъ не вѣдалъ, что ему о семъ приключеніи мыслить; между тѣмъ подходилъ онъ къ нему ближе, желая по лучше его разсмотрѣть, и ежели можно, увѣдать отъ него о всемъ, о чемъ ему нуждно было узнать. Но истуканъ, усмотря его къ себѣ приближеніе, побѣжалъ къ мосту, ведущему чрезъ рѣку, который состоялъ весь изъ желѣзныхъ пружинъ, сплоченныхъ совокупно, и всталъ на концѣ онаго;

и какъ только Свѣтлосанъ къ нему подошелъ, то желѣзный сей мужъ топнулъ въ мостъ ногою, проговоря нѣсколько словъ, отъ чего юный въ тотъ же мигъ съёжился. Сїе удивительное приключенїе еще въ большее привело удивленїе Славенскаго Князя. Между тѣмъ истуканъ то отдалялся отъ Свѣтлосана, то приближался къ нему на желѣзномъ своемъ мостѣ: во время отдаленїя своего дѣлалъ онъ разныя тѣлодвиженїя и знаки, и весьма печальныя и смѣшныя рожи, которыми старался онъ нѣчто дать знать Славенскому Князю, а приближаяся къ берегу хотѣлъ его поразить. Сїе чудное дѣйствїе привело въ вящшее недоумѣнїе Свѣтлосана: онъ не зналъ что начать; ибо знаками своими испрашивалъ у него истуканъ нѣкоея милости, а нападенїями своими приводилъ его въ раздраженїе. Но въ самое то время, когда юный Князь о семъ размышлялъ, а желѣзный мужъ подплылъ къ нему на мостѣ, дѣлая нападенїя, налетѣлъ на Свѣтлосана, отъ стороны за́мка, и почти изъ за самаго истукана, превеликїй морскїй орелъ, какъ будто бы желая на него напасть, и съ нимъ сразиться. Возбужденный сею нечаянною опасностїю Князь, устремилъ на него свой мечъ; но вмѣсто онаго поразилъ имъ желѣзнаго стража, который въ самый тотъ мигъ превратился во средолѣтняго человѣка, одѣяннаго въ Арменское платье; а орелъ между тѣмъ отъ нихъ скрылся.

Превра-

Превратившійся изъ истукана Арменинъ палъ въ ноги Свѣтлосану, и обьемля его колѣна: Государь! сказалъ ему, я не обманулся, съ самаго перваго на тебя взора, почтя тебя Витяземъ и любимцемъ боговъ; ибо хотя способомъ сего прежде принадлѣжавшаго мнѣ меча и избавилъ ты меня, но не спомоществуемый вышеестественными силами, не могъ бы ты дойти до сего неприступнаго мѣста. Какъ! перехватилъ рѣчь его Князь, развѣ ты Левсилъ? Такъ, Государь, отвѣчалъ онъ, я мужъ несчастныя Превраты: лютый Карачунъ, спомоществуемый предательствомъ невѣрнаго моего друга, разлучилъ меня съ нею, и, лишивъ всего, превратилъ меня въ то ужасное состоянїе, изъ коего храбрость твоя меня извлекла; ибо окончанїе моего очарованїя состояло въ пораженїи меня моимъ мечемъ. Послѣ чего разсказалъ онъ ему подробно все свое похожденїе, и распрю съ Карачуномъ. Сей ужасный чародѣй, присовокупилъ онъ, исплоша меня въ моемъ зáмкѣ, и изблевавъ на меня тьму ругательствъ, повелѣлъ оковать меня тяжкими цепями, и окружа безчисленною стаею мрачныхъ Духовъ, увлекъ меня изъ прелестнаго моего жилища въ сїи мѣста, исполненныя плача и стенанїя. И когда мы поровнялися надъ поверхностїю сея рѣки, тогда нежалостливый мой похититель, схватя меня во преогромныя свои руки, (ибо онъ имѣлъ тогда образъ Исполина,) кинулъ на сей желѣзный мостъ, произнося сїи слова: Воспрїими

свойство

свойство и крѣпость сего моста, и изъ лютѣйшаго моего врага содѣлайся ужаснымъ стражемъ сего мѣста, по тѣхъ поръ, пока не поразитъ тебя опасное твое оружїе. Слова ево раздалися съ ужаснымъ громомъ и трескомъ по всему оризонту, и низошли до вратъ свирѣпаго ада. А я, летя съ превеликимъ стремленїемъ, ударился объ мостъ, который отъ удара сего съюжился, произнеся томный и пронзительный звонъ. Паденїе сїе долженствовало бы естественно лишить меня жизни; но злодѣй мой устроилъ такъ, что я въ самый мигъ моего удара превратился въ желѣзный истуканъ, и потерявъ прежднюю свободу моихъ мыслей, наполнился неистовымъ алканїемъ убивать всѣхъ попадающихся мнѣ въ глаза. Получа сїе варварское стремленїе, скочилъ я съ моста на берегъ, и помчался быстрѣе вихря вокругъ за́мка: попадшїеся мнѣ звѣри и птицы вскорѣ почувствовали неистовую мою ярость; я ихъ всѣхъ перестрѣлялъ моими стрѣлами, и въ одинъ день учинилъ пустымъ и неприступнымъ сей берегъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ, до сего часа, обѣгая по всеминутно сей берегъ, не видалъ я ни кого изъ живущихъ до самаго твоего прихода, который возвратилъ мнѣ прежднїй мой видъ.

Окончавъ свою повѣсть, бросился было Арменинъ паки ко Свѣтлосану въ ноги, но Князь до того его не допустилъ, и прїявъ во свои объятїя, увѣрялъ его о своей дружбѣ, благодаря при томъ за угощенїе себѣ отъ ево супруги.

 Какъ,

Какъ, Государь! вскричалъ удивленный Лев-
силъ, не ужели жена моя имѣла счастіе уго-
стить у себя толь великаго Витязя? А я ее
напочиталъ уже равно погибшею отъ наглости на-
шего злодѣя. Она бы дѣйствительно и теперь
еще отъ ударовъ ево страдала, отвѣтство-
валъ Князь, ежели бы боги не освободили ее,
посредствомъ моея руки, отъ сего страшнаго
тирана. По семъ разсказалъ онъ ему вкратцѣ
свои и ея приключенія. О Небо! возопилъ
тогда Арменинъ, кого же тебѣ осталося пора-
жать, ежели ты оставляешъ безъ казни и та-
коваго злодѣя! Государь, продолжалъ онъ го-
ворить Свѣтлосану, я думаю однакожъ, что
онъ не долго уже будетъ пользоваться плода-
ми своихъ злодѣйствъ. Повсемѣстныя жа-
лобы ежечастно призываютъ боговъ ко отo-
мщенію: и ежели я не обманываюсь, то и самъ
Карачунъ предузнаетъ скорую свою погибѣль:
я его нынѣ зрю всегда уже смущенна и робѣю-
ща. Рѣдкія ево посѣщенія въ сей за́мокъ
довольно доказываютъ ево безпокойство. Онъ
безпрестанно окружаетъ какъ сей, такъ и соб-
ственный свой за́мокъ, ужаснѣйшими страшили-
щами, мня ими заградить всякому въ нихъ входъ;
но можетъ ли онъ ими воспрепятствовать мще-
нію на себя безсмертныхъ? Тебя, Государь, про-
должалъ онъ, познаю я орудіемъ и исполни-
телемъ праведнаго ихъ гнѣва; и ежели сіе ис-
тинно, такъ вооружася ихъ покровитель-
ствомъ, ступай наказать тирана, и избавить
несчастныхъ отъ сего лютаго изверга природы.

Такимъ

Такимъ образомъ говоря, побуждалъ онъ вступить Свѣтлосана на желѣзный мостъ; но едва занесъ на него Князь свою ногу, какъ мостъ, восшумя престрашнымъ образомъ, сѣю́жился, а наполняющїя рѣку чудовищи, вынырнувъ всѣ изъ воды, разинули свои пасти, и произнося престрашный вой, свистъ и ревъ, угрожали Свѣтлосану пожранїемъ, ежели осмѣлится онъ переправляться чрезъ рѣку. Но сей неустрашимый Князь, возлагая надежду на боговъ, и призывая ихъ въ помощь, началъ поражать своимъ мечемъ приближившихся къ нему страшилищъ. При всякомъ ударѣ мужество его получало награжденїе: ибо на какомъ мѣстѣ ни поражалъ онъ чудовищъ, то во мгновенїе ока становилося оное твердымъ, а вода со страшилищами исчезала. Ободренный симъ успѣхомъ Свѣтлосанъ подвигался все далѣе, поражая уродовъ, и очищая тѣмъ путь за собою Левсилу. Такимъ образомъ вскорѣ дошелъ онъ до другаго берега; и лишъ только на оный вступилъ, то вся рѣка, окружавшая замокъ, провалилась сквозь землю съ превеликимъ шумомъ и трескомъ. Свѣтлосанъ и Левсилъ, познавая въ семъ чудѣ ясно божескую къ себѣ помощь, пали на землю, принося благодаренїе небожителямъ.

По таковыхъ успѣхахъ, Славенскїй Князь не сомнѣвался уже болѣе преодолѣть заградъ, препинавшихъ ему входъ въ за́мокъ. Ополченный бодростїю и надѣянїемъ, подошелъ онъ къ воротамъ за́мка, чтобъ попытаться и оные

себѣ отверсти; но едва онъ къ нимъ приступилъ, какъ стальныя ихъ вереи превратилися во преужасныхъ Волотовъ, зiяющихъ пламенемъ, а двери во престрашную огненную хлябь, преисполненную разнообразныхъ чудовищъ. Всѣ сiи страшилищи, увидѣвъ идущаго къ себѣ Князя, приготовилися къ совокупному на него нападенiю; но Свѣтлосанъ, призвавъ въ помощь безсмертныхъ, и возвысивъ свой мечъ, пошелъ на нихъ безо всякiя боязни. По нѣсколькихъ ево ударахъ, почувствовалъ онъ себя угрызенна въ лядвiю: сiе угрызенiе воспалило еще болѣе ево храбрость: горя отомщенiемъ за сiе ему оскорбленiе, и собравъ всѣ свои силы, поразилъ онъ своимъ мечемъ въ самое отверстiе зiявшiя на него хляби, желая однимъ ударомъ сокрушить всѣхъ ея страшилищъ. Напряженiе ево столь было сильно, что онъ упалъ; но какъ онъ удивился, когда по возстанiи своемъ увидѣлъ себя уже внутри за́мка! Послѣдовавшiй ему Левсилъ вывелъ его тотчасъ изъ сего удивленiя, обьявивъ ему слѣдующее; (ибо онъ все сiе дѣйствiе примѣтилъ, слѣдуя за нимъ из далека:) что когда Свѣтлосанъ поражалъ пламенныхъ чудовищъ, то оныя поминутно отъ него мало по малу исчезали; между тѣмъ одна преужасная саламандра, испоргнувшись изъ самыя глубины хляби, хотѣла его стремленiемъ своимъ опровергнуть; но въ самый тотъ мигъ поразила ее низшедшая съ небесъ огненная стрѣла: чудовище исчезло, а Князь, воспаленный гнѣвомъ, поразилъ мечемъ

во

во хлябь, которая въ тужъ минуту сокрылась; и Свѣтлосанъ, увлеченный своимъ напряженіемъ, принужденъ былъ упасть во внутренность за́мка.

Сія очевидная божеская помощь извлекла радостныя слезы изъ очей Славенскаго Князя: онъ принесъ благодареніе безсмертнымъ, въ чемъ и Левсилъ ему послѣдовалъ. Наполнясь вящшею надеждою, пошли они къ палатамъ, стоявшимъ по срединѣ за́мка. По нѣсколькихъ шагахъ почувствовали они нѣчто остановившее ихъ: и хотя осматривалися они по всѣмъ сторонамъ, однакожъ не могли ни чего такого увидѣть, что бы ихъ остановляло. Недоумѣвающемуся о семъ Князю вскричалъ Левсилъ, что онъ мнитъ познавать и въ семъ хитрость Карачунову: это конечно, говорилъ онъ, невидимая стѣна, которая препинаетъ намъ путь въ чертоги; но я думаю, примолвилъ онъ, что и она не постоитъ отъ грознаго твоего оружія. И въ самомъ дѣлѣ, лишь только Свѣтлосанъ махнулъ своимъ мечемъ, то невидимая препона потеряла свою силу, и оставила имъ свободный ходъ. Но едва они отъ нее освободились, какъ на мѣсто ее предстала другая: превеликая толпа молодыхъ и прекрасныхъ дѣвушекъ, одетыхъ наипрелестнѣйшимъ образомъ, въ самую ту минуту ихъ окружила. Иныя изъ нихъ пѣли, другія плясали, нѣкоторыя играли на разныхъ музыкальныхъ орудіяхъ, а прочія имѣли въ рукахъ самые изящнѣйшіе плоды въ корзинкахъ, и бутылки съ виномъ. Сіи приманчивыя машинки,

 оступя

оступя Свѣтлосана и Левсила, стали имъ предлагать свои услуги, и всякая изъ нихъ на прерывъ старалася прельстить юнаго Князя и ево сопутника. Добродушный Свѣтлосанъ, видя къ себѣ таковыя ласки отъ столь прелестнаго рода смертныхъ, уже хотѣлъ соотвѣтствовать имъ равномѣрными учтивостями, и согласиться на ихъ предложенїе, какъ благоразумный Левсилъ, охватя его своими руками, вскричалъ ему: берегися, Государь, паче всего сихъ обманчивыхъ прелестей, сихъ опасныхъ Сиренъ: это еще козни лютаго Карачуна. При сихъ ево словахъ Свѣтлосанъ остановился, будучи приведенъ въ недоумѣнїе, а окружавшїя ихъ прелестницы подняли превеликїй смѣхъ и хохотъ надъ Левсиломъ, называя его трусомъ и невѣжею, и въ самое то время лаская наиболѣе Князя, и стараяся всѣми силами склонить его на свое предложенїе, чтобъ онъ согласился вкусить предлагаемыя ему забавы. Но Свѣтлосанъ, подкрѣпляемый увѣщанїями Левсила, и тревожимый неотступными ласканїями сихъ прелестницъ, понялъ ясно Карачуново коварство. Онъ началъ отталкивать отъ себя сихъ обманщицъ, и поспѣшать войти въ покои; однакожъ симъ не могъ отъ нихъ избавиться. Онѣ окружа его со всѣхъ сторонъ, и ухватя за руки и платье, старалися увлечь его за собою. Между тѣмъ Арменинъ, окруженный другою ихъ стаею, весьма уже далеко былъ отъ него оттащенъ; но при всемъ томъ не переставалъ онъ кричать Свѣтлосану, чтобъ онъ какъ можно старался

рался отъ нихъ освободиться. Въ сіе самое время одна изъ прелестницъ, ухватя у Князя мечь хотѣла вырвать; но Свѣтлосанъ, примѣтя сіе, и предвидѣвъ отъ того всю опасность, пришелъ въ подлинный страхъ, и наполнясь негодованіемъ, вырвалъ у нее изъ рукъ сіе драгоцѣнное оружіе. Стремленіе, съ какowымъ онъ въ семъ случаѣ поступилъ, принудило его исторгнуть мечь со всѣмъ изъ ноженъ. И лишь только сіяніе онаго блеснуло имъ въ глаза, какъ въ то же мгновеніе всѣ сіи прелестныя обманщицы разлетѣлись отъ него въ видѣ преужасныхъ Арпій.

Между тѣмъ Левсилъ, отвлеченный сими привидѣніями весьма далеко, находился въ опасности своея жизни; и ежели бы Князь хотя еще одну минуту не ускорилъ отъ него прогнать сихъ опасныхъ Сиренъ, то бы Арменинъ погибъ конечно. Избавясь такимъ образомъ отъ послѣднія и опаснѣйшія Карачуновы козни, воздали они благодареніе Небесамъ, и пошли во предстоявшія палаты, не встрѣчая уже болѣе себѣ ни какого препятствія.

Крыльцо сихъ великолѣпныхъ чертоговъ, по которому надлѣжало имъ восходить въ покои, кромѣ другихъ безчисленныхъ и драгоцѣнныхъ рѣдкостей, было украшено истуканами изъ восточнаго хрусталя, опала и сапфира, которые представляли слѣдующія мірскія божества: Любочестіе, Любоимѣніе, Властолюбіе, Пышность, Гордость, Любострастіе, коварное Самолюбіе, многовидную Роскошь,

кошь, и другія безчисленныя ихъ отрасли; а при самомъ входѣ въ сѣни стояли на возвышенныхъ подножіяхъ четыре стальные изваяна, кои казались быть повелителями прочихъ. Первый изъ нихъ представлялъ высокомѣрное и злопагубное Безвѣріе, другій мрачное и толикожъ вредное Суевѣріе, третій изображалъ отца ихъ закоснѣлое и упрямое Невѣжество, а четвертый богомерзское ихъ исчадіе, свирѣпую и нечувствительную Безчеловѣчность.

Свѣтлосанъ, взглянувъ мимоходомъ на сіи истуканы, пошелъ далѣе; но едва только вступилъ онъ въ сѣни, какъ загремѣла въ нихъ преогромная музыка, и на подобіе вихря раздалась и потекла по всѣмъ покоямъ великолѣпнаго сего зданія, и вскорѣ отъ слуха ихъ умолкла. Славенскій Князь и сопутникъ ево весьма приключенію сему удивились, и къ великому соболѣзнованію вскорѣ узнали, что оно значило; ибо, по вшествіи своемъ въ первую комнату, увидѣли они двухъ дѣвицъ безъ чувствъ стоящихъ, хотя онѣ и сохраняли всю свою живность. Это было новое коварство безчеловѣчнаго Карачуна, о чемъ они потомъ отъ самыхъ сихъ дѣвицъ узнали. Сей гнусный волхвъ устроилъ такъ, что какъ скоро побѣдятся внѣшнія огражденія сего замка, то что бы злое ево очарованіе, подъ образомъ музыки, пролилося по всѣмъ покоямъ, и отняло чувствы у всѣхъ живущихъ въ нихъ красавицъ, дабы ни кто не возмогъ ими овладѣть.

Свѣтло-

Свѣтлосанъ и Левсилъ, проходя великолѣпные покои сего за́мка, повсюду находили въ разныхъ положенїяхъ лишенныхъ чувствъ красавицъ. Сїе печальное зрѣлище извлекло изъ глазъ ихъ многїя слезы, наполнивъ ихъ сердца преострымъ сожалѣнїемъ; но Славенскому Князю собрегалося тутъ плачевнѣйшее позорище. Опечаленное ево сердце сими жалостными предметами предавалося уже воздыханїю и жалобамъ, какъ вдругъ слезящимъ ево взорамъ предстала несчастная Милослава, ево сестра, лѣжащая на колѣняхъ у красавицы, коея прелести помрачали всѣ украшенїя за́мка, и обитавшихъ въ ономъ дѣвицъ. Лютая горесть, изображавшаяся на ея лице, не могла помрачить ни малѣйшихъ прїятностей ея красоты. Это была самая Лада, богиня Любви. Какоежъ чувствованїе долженствовали произвести сїи два предмета во Свѣтлосаномъ сердцѣ? Вдругъ двѣ жарчайшїя чувственности воспламенили ево душу: сожалѣнїе и любовь, родившїяся вмѣстѣ со удивленїемъ. Но родство превозмогло тогда надъ ево нѣжностїю: онъ бросился къ бѣдной Милославѣ, стараяся подать ей помощь. Онъ употребилъ всѣ усилїя, чтобъ произвесть въ ней нѣкое чувство; но всѣ ево старанїя были безплодны. Милослава и подруга ея, такъ какъ и всѣ прочїя дѣвицы, сохраняя естественную живость тѣла, пребыли бездыханны.

Тогда-то ярость и сожалѣнїе, овладѣвшїя сердцемъ Славенскаго Витязя, принудили его выступить

пить нѣсколько изъ порядка ево благоразумія: произнеся тьму проклятій и ругательствъ на злобнаго Карачуна, началъ онъ разрушать непреодолимымъ своимъ мечемъ всѣ украшенія бѣдственныхъ сихъ чертоговъ, во ожиданіи подобныя казни гнусному ихъ здателю. Ни что не спаслося отъ ярости ево гнѣва: преизящные истуканы, драгоцѣнныя картины, великолѣпные свѣтильники, зеркалы, и всѣ пышности сихъ палатъ были въ ничто обращены праведнымъ ево мщеніемъ.

Но не одна бѣшеная ярость къ сему его побудила: онъ мнилъ, разрушая сіи украшенія, разрушить и очарованіе любезныхъ ему особъ. Левсилъ стоялъ во все то время безмолвенъ; но когда усмотрѣлъ онъ, что гнѣвъ ево гораздо уже поутишился, тогда подступя къ нему сказалъ: Непобѣдимый Витязь! не симъ надлѣжитъ тебѣ побѣждать Карачуна: надобно самого его низпровергнуть, исторгнувъ изъ него симъ желѣзомъ вредоносную ево жизнь. Свѣтлосанъ, возвращенный сими словами во прежнія свои чувствованія, обратился паки къ сестрѣ своей и ея собесѣдницѣ: онъ стоялъ долго не спущая съ нихъ глазъ: на лицѣ ево являлися по перемѣнно умиленіе и нѣжность. О Небо! возопилъ онъ на послѣдокъ, возможно ли подумать, чтобъ наилучшее и наипрекраснѣйшее твореніе твоихъ рукъ было такъ уничижаемо? Воздыханія прервали ево слова; и слезы, смѣшанныя съ нѣжными взорами, каковые кидалъ онъ на красавицу, сидѣвшую подлѣ ево сестры,

ры, показали ясно его чувствованіе. Но онъ и самъ не скрылъ онаго: обратяся къ Левсилу, сказалъ онъ воздыхая страстно, что ко претерпѣнію всѣхъ бѣдствъ, которымъ онъ вдавался, дабы сыскать и побѣдить Карачуна, побуждала его сперва одна добродѣтель; а теперь присовокупилась къ оной и любовь, которая, говорилъ онъ, еще болѣе произведетъ въ немъ мужества, дабы отважиться на сраженіе со врагомъ, коего цѣлая вселенная трепещетъ. Левсилъ, обрадованный ево словами, началъ его наиболѣе побуждать къ сему предпріятію, и на конецъ благоразумными своими совѣтами и прозьбами склонилъ его болѣе не медлить; хотя Князь, тронутый сожалѣніемъ и любовію, не весьма спѣшилъ оставить толь любезные ему предметы.

Препроводя въ за́мкѣ нѣсколько времени въ безплодныхъ изысканіяхъ средствъ, дабы разрушить очарованіе красавицъ, и не сыскавъ ни какого, опредѣлилъ на конецъ Свѣтлосанъ пуститься паки въ путь. При исшествіи своемъ изъ за́мка сожалѣлъ онъ весьма, что не могъ быть сопровождаемъ Левсиломъ; ибо хожденіе по морю одному ему было возможно, по причинѣ летающихъ ево сандалій; а Превратинъ мужъ не имѣлъ ни какого къ тому средства, по тому что онъ лишенъ былъ Карачуномъ всѣхъ своихъ волшебныхъ вещей, коими могъ нѣчто произвесть. Чего ради положили они, чтобъ Левсилъ остался въ семъ за́мкѣ по тѣхъ поръ, пока не возвратится

въ

вЪ оный Князь; а ежели судьба опредѣлитЪ ему вЪ семЪ путешествіи смерть, тобЪ онЪ спасался изЪ ужаснаго сего мѣста такЪ, какЪ ему поможетЪ счастіе; илибЪ великодушно умерЪ, когда богамЪ такЪ угодно будетЪ. ВЪ сихЪ и подобныхЪ сему разговорахЪ прошли они даже до морскаго берега: при семЪ рубежѣ своего пути ЛевсилЪ, сколько былЪ ни мужественЪ, но возстеналЪ и залился слезами. ВЪ сію ужасную минуту представились ему вкупѣ всѣ случаи, которые могутЪ лишить его на всегда обхожденія со свѣтомЪ, и нѣжныхЪ ласкЪ любезныя ево супруги. Славенскій Князь употребилЪ все кЪ ево утѣшенію, и на конецЪ, увѣря его о непремѣнной боговЪ защитѣ, и принеся онымЪ свою молитву, простился со своимЪ другомЪ, и вступилЪ на жидкую и непостоянную стихію.

Сколько взорЪ ЛевсиловЪ могЪ простираться по понту, и пока могЪ видѣть идущаго по немЪ Свѣтлосана, потуду не спущалЪ сЪ него глазЪ; и когда онЪ сокрылся уже со всѣмЪ отЪ ево очей, тогда стенящій АрменинЪ, возсылая на небо моленія вЪ его пользу, возвратился паки вЪ замокЪ.

Между тѣмЪ Славенскій Князь, побуждаемый надеждою найти и побѣдить Карачуна, летѣлЪ болѣе нежели шелЪ. ОнЪ вдался во пріятную задумчивость, которую произвела вЪ немЪ прелестная незнакомка: нѣжность ея и красота, впечатлѣвшіяся вЪ ево сердце, наполнили все его воображеніе, и переводили

ево

ево душу изъ страсти въ страсть; то воспаляяся наисильнѣйшею любовію, клялся онъ во вѣкъ ее любить и обожать, то воспомня ея очарованіе, приходилъ онъ въ ужасную ярость, и призывая на помощь боговъ и смертныхъ, бѣжалъ обнажа свой мечъ, мня постигати Карачуна, и поражать его. Въ семъ волненіи страстей пробылъ онъ по самую темноту нощи; но и она бы не разрушила ево задумчивости, когдабъ не извлекъ его изъ оныя сильный трескъ, подъявшійся на воздухѣ. Свѣтлосанъ остановился, и озираяся повсюду, увидѣлъ на воздухѣ престрашное облако, которое составлено было изо всѣхъ стихій: вода ярилась въ немъ отъ преужаснаго огня, коимъ вся сія громада была наполнена; земля, и спершійся въ ней воздухъ, угнѣтаемый разными металлами и минералами, будучи разжигаемы пламенемъ, производили между собою пресильную борьбу, громъ и трескъ, подобный прегрозному трясенію земли. Однимъ словомъ, это былъ видъ истиннаго Хаоса, о коемъ повѣствуютъ намъ стихотворцы. Сія ярящаяся туча, летя прямо на Славенскаго Князя, готова была его сжечь, и претворить въ небытіе: уже она на него низпадала, и одинъ мигъ оставался ево жизни, какъ неустрашимый сей Князь, лишенный всякія помощи, и долженствовавшій умереть отъ единаго ужаса, выхватилъ свой мечъ, и, ополчася всею силою, поразилъ имъ въ сіе облако, которое въ тотъ же мигъ лопнуло и

исчесло,

исчезло, а вмѣсто его явился на воздухѣ гнусный Карачунъ, въ видѣ престрашнаго Исполина. Ты не избѣжишъ отъ моея казни, злодѣй! вскричалъ онъ Свѣтлосану; искусство мое преодолѣетъ на конецъ твое безстрашїе. Сказавъ сїе, скрылся онъ изъ вида во образѣ ужасныя кометы. Славенскїй Князь, ввергнувшый симъ видѣнїемъ во превеликое удивленїе, стоялъ нѣсколько минутъ чудясь сему приключенїю. На послѣдокъ, усматривая въ семъ случаѣ ясно божескую къ себѣ помощь, воздалъ онъ благодаренїе небожителямъ, и предая себя ихъ защитѣ, отправился паки во свой путь, держа въ рукѣ обнаженный свой мечъ, думая симъ предостеречь себя впредь отъ внезапныхъ Карачуновыхъ нападенїй.

И въ самомъ дѣлѣ мечъ сей имѣлъ такую силу, что отъ блистанїя его исчезало всякое привидѣнїе; и уже Свѣтлосанъ не имѣлъ на себя явнаго нападенїя. При усмотрѣнїи на пути своемъ острова, взошелъ онъ на него, и провелъ на немъ спокойно всю ту ночь, не смѣя однакожъ сомкнуть своихъ очей. На другїй день, будучи томимъ жаждою и гладомъ, сыскалъ онъ въ лѣсу нѣсколько кокусовыхъ орѣховъ, которые алчъ ево утолили. Онъ ихъ взялъ нѣсколько съ собою, и отправился паки въ путь, прося боговъ препроводить его по скорѣе къ Карачунову за́мку. Такимъ образомъ странствовалъ онъ съ мѣсяцъ, дни препровождая въ безпрестанномъ шествїи, а ночи на островахъ во тревожномъ снѣ; ибо

ибо опасность отъ Карачуна прерывала ево сонъ почти по минутно.

Всѣ сіи трудности, безпрестанное шествіе, голодъ и жажда, зной и хладъ, и безпокойный сонъ, не токмо не ослабили бодрости Славенскаго Князя, но паче еще пріумножали оную надеждою сыскать и побѣдить Карачуна. Въ одинъ вечеръ, когда онъ подходилъ къ нѣкоторому большому острову, чтобъ по обыкновенію своему на ономъ переночевать, и запастись плодами на дорогу, вдругъ вода, по которой онъ шелъ, начала подъ нимъ кипѣть, такъ что жара, происходившаго отъ нее, не могъ онъ стерпѣть, и принужденъ былъ подняться на воздухъ, откуду онъ увидѣлъ, что лѣжащій предъ нимъ островъ находился весь въ дымѣ и во пламенѣ. Подошедъ къ оному по ближе усмотрѣлъ онъ, что островъ сей колеблемъ былъ преужаснымъ землетрясеніемъ, которое умножалося по всеминутно: вдругъ превеличайшія ево горы съ громомъ и трескомъ проваливалися сквозь землю, и оставляли на мѣсто свое глубочайшія пропасти, исполненныя дыма и огня; во другихъ мѣстахъ долины, обремененныя претолстыми древами, взрывало на воздухъ съ превеличайшимъ стукомъ, трескомъ и лопаньемъ, и поднявшіеся отъ того песокъ и пыль, затмевая свѣтъ, летѣли по всѣмъ сторонамъ съ обломками деревъ и каменьевъ. Вой и ревъ животныхъ, присовокупившися къ симъ ужасамъ, представляли тогда

тогда сей часъ послѣднимъ часомъ, и истиннымъ преставленїемъ свѣта.

Свѣтлосанъ при видѣ сего нестроенїя Природы остановился, мня себя долженствующимъ уклониться отъ сего острова, и искать другаго; ибо песокъ, щебень и каменья, затмевавшїе свѣтъ, летѣли даже до него, и начали причинять ему безпокойствїе и вредъ; а далѣе слѣдовать и со всѣмъ невозможно казалось, по тому что на всякомъ мѣстѣ острова дѣлалися то пропасти, то взрывы, а вода вкругъ онаго кипѣла какъ въ котлѣ. И такъ Славенскїй Князь поворотилъ отъ него вправо, увидя въ сей сторонѣ другїй островъ. Но лишъ только началъ отъ него итти прочъ, то и почувствовалъ въ себѣ нѣкую тягость, которая пригнѣтала его къ морю; и какъ только спустился онъ на поверхность воды, то и началъ въ оной вязнуть и тонуть. Сїе неожидаемое приключенїе привело его во превеличайшее недоумѣнїе: онъ не могъ понять сему причины, и не зналъ что дѣлать. Въ семъ ево недоумѣнїи, вынырнувшїй предъ нимъ престрашный аллигаторъ такъ его испужалъ, что онъ кинулся отъ него назадь, и къ великому своему удивленїю нашелъ, что вода за нимъ также была для него тверда, какъ и прежде. Сей случай паки заставилъ его размышлять: онъ сталъ испытывать воду то на зади то на переди, и на послѣдокъ увидѣлъ, что вода, ведшая къ острову, была для него тверда, а на зади такъ жидка, что не могъ

на

на ней держаться. Сей случай подалъ ему мысль думать, что не боги ли сїе чудо дѣлаютъ для понужденїя его итти въ передъ, изобразуя можетъ быть симъ, что онъ найдетъ въ переди Карачуна; а ежели обратится на задъ, то станетъ отъ него отдаляться.

Сїя мысль такъ вкоренилась въ него, что онъ предпрїялъ ей слѣдовать; и такъ, поблагодаря сперва боговъ за сїе внушенїе, и призвавъ ихъ въ помощь, обратился на задъ. Однакожъ пошелъ онъ не прямо къ острову, колебавшемуся отъ землетрясенїя, а влѣво отъ онаго; но лишъ только, поровнявшися съ нимъ, хотѣлъ отъ него отдалиться, то опять сталъ вязнуть. Сей случай паки привелъ его въ недоумѣнїе: онъ началъ испытывать воду по всѣмъ сторонамъ, и нашелъ на послѣдокъ, что она повсюду была для него вязка кромѣ тоя полосы, которая вела къ колеблющемуся острову. Сїе паки ввергло его въ размышленїе, котораго не могъ онъ разобрать; но въ семъ сомнѣнїи будучи, увидѣлъ онъ низходящую молнїю съ небесъ, которая стремилась прямо на островъ, и лишъ только на оный низшла, то трясенїе ево и уменьшилося вполы. Сей случай заставилъ его мыслить, что на островѣ семъ скрывается для него какая ни будь тайность, къ открытїю коея сами боги его привлекаютъ. Утвердяся въ сей мысли пошелъ онъ къ острову, и по твердости пути удостовѣрился въ томъ наиболѣе.

Но по приближенїи его къ сему острову наипаче оный воспламенился, и горящая пыль, обломки, каменья, и цѣлыя глыбы полетѣли на Свѣтлосана больше преждняго. Будучи въ сей крайности, старался онъ всячески отъ нихъ уклоняться; но не возмогая успѣть въ томъ совершенно, по причинѣ множества летѣвшихъ на него камней, вздумалъ онъ отвращать ихъ отъ себя волшебнымъ своимъ мечемъ; и лишь только учинилъ онымъ первое по нихъ движенїе, то къ несказанной своей радости увидѣлъ, что сїя сыплющаяся на него туча очевидно стала умаляться. Ободренный симъ успѣхомъ, началъ онъ по скорѣе итти къ острову, и мечемъ своимъ отвращать и поражать сыплющїйся на него щебень, каменья и глыбы, которые по мѣрѣ ево пораженїй часъ отъ часа умалялись. Такимъ образомъ дошедъ до самаго берега по воздуху, увидѣлъ онъ ко своему огорченїю, что ни какъ не можно было вступить на островъ, по причинѣ умножившагося безмѣрнаго ево трясенїя.

Онъ остановился опять при семъ рубежѣ, и не зналъ что зачать: на задъ не пущала его жидкость воды и воздуха, а на берегъ вступить онъ опасался, дабы не провалиться; но вообразя, что къ сему его побуждаютъ сами боги, принялъ онъ отважное намѣренїе послѣдовать ихъ волѣ, и въ семъ первомъ движенїи своея бодрости вскочилъ онъ на берегъ, который, восколебавшись отъ того сильнѣе, уронилъ его на землю. Тогда Князь подумалъ,

что

что онъ со всѣмъ погибъ; но ко превеликой своей радости увидѣлъ, что берегъ сталъ трястися тише, будучи пораженъ при его прикосновенїи волшебнымъ ево мечемъ. Возставъ отъ земли принесъ онъ теплыя моленїя богамъ, благодаря ихъ за покровительство, и прося продолжати къ нему свое защищенїе. Между тѣмъ колеблющїйся островъ не преставалъ возметать на него пламенѣющїе камни и глыбы, которые Свѣтлосанъ принужденъ былъ по всеминутно отвращать своимъ мечемъ, подвигаяся однакожъ безпрестанно въ передъ. Во время сего труднаго ево шествїя усмотрѣлъ Славенскїй Князь, что превеликїй распаленный камень, поднявшїйся изъ одноя прапасти, летѣлъ на него прямо, и угрожалъ ему неминуемою смертїю. Чего ради Свѣтлосанъ, принеся паки безсмертнымъ свою молитву, остановился, и прицѣлясь на него своимъ мечемъ, поразилъ его столь сильно, что по ударѣ своемъ спотыкнулся и упалъ. Камень разсыпался съ превеликимъ трескомъ въ дребезги, а Богославовъ сынъ, возставъ на ноги, былъ пораженъ неожидаемымъ предметомъ.

Островъ, колебавшїйся престрашно до сея минуты, сдѣлался по возстанїи его неподвиженъ, и на мѣсто пламени, дыма и пропастей, былъ покрытъ превысокими горами, одѣянными снѣгомъ и льдомъ, по срединѣ которыхъ явился замокъ, сооруженный весь изъ стали, блестящїяся на подобїе лучезарнаго камня. Видъ ево столь былъ ужасенъ, что онъ похо-

дилъ болѣе на обиталище Нїи, прямый адъ, въ которомъ сохраняются казни для беззаконныхъ человѣковъ. О Небо! вскричалъ увидя его Князь, вотъ конечно жилище ужаснаго Карачуна, къ которому благоволило ты меня, само препроводить, не смотря на всѣ ево ухищренїя! И когда ты явилося въ семъ толико для меня щедро, то пробави ко мнѣ и въ сей ужасный часъ свою благость; и помоги мнѣ низложить сего престрашнаго врага человѣческаго рода. При окончанїи ево молитвы громъ возгремѣлъ пресильнымъ образомъ, и тьма молнїй низпала на блистающїй за́мокъ, который въ тужъ минуту лишился всего своего сїянїя.

Увидя сїе чудо Славенскїй Князь, познал изъ того ясно, что само Небо побораетъ по немъ, и уменьшаетъ ему труды и опасности. Онъ пролилъ отъ радости слезы, и, бросясь на колѣни, воздалъ небожителямъ усерднѣйшїя благодаренїя и мольбы. Окончавъ же свои моленїя, пошелъ онъ прямо къ за́мку, во твердомъ будучи намѣренїи или погибнуть, или побѣдить Карачуна. Но чѣмъ ближе подходилъ онъ къ сему зданїю, тѣмъ болѣе изъявлялися всѣ ево ужасности; всѣ онаго стѣны и кровли покрыты были такими престрашными чудовищами, что одно смотрѣнїе на нихъ могло умертвить простаго человѣка. Но Свѣтлосанъ, имѣя съ подобными имъ страшилищами многїя сраженїя, изъ которыхъ за всегда выходилъ побѣдителемъ, уповалъ и сихъ съ помощїю боговъ преодолѣть. Чего

ради,

ради, не сомнѣваяся ни мало, поднялся онъ на воздухъ; ибо инако чрезъ стѣны не можно было перейти, а воротъ ни гдѣ у оныхъ не было. Но лишъ только поднялся онъ въ ровень со стѣнами, и хотѣлъ чрезъ нихъ перелетѣть въ за́мокъ, то вдругъ всѣ покрывавшіе оный страшилищи, со преужаснымъ ревомъ, скрежетомъ, и пламеннымъ зіяніемъ, устремилися къ нему въ такомъ множествѣ, что затмили весь около него свѣтъ. Какою бодростію и мужествомъ ни былъ вооруженъ Свѣтлосанъ, и какъ проворно ни защищался своимъ мечемъ, но на конецъ множество ихъ начало его преодолѣвать. Вскорѣ по томъ драгоцѣнный ево мечъ вышибся у него изъ рукъ, и къ довершенію ево несчастія, одно изъ наилютѣйшихъ сихъ страшилищъ сорвало у него съ ноги сандалію, коея лишася Князь, не могъ болѣе держаться на воздухѣ, и полетѣлъ стремглавъ на землю, которую увидѣлъ онъ разверзшуся на подобіе ужасныя хляби, и изъ коея выходило пламя, готовое претворить его мгновенно во прахъ.

При видѣ сея близкія смерти, Славенскій Князь лишился всея своея бодрости, и столько лишъ сохранилъ въ себѣ мужества, что бы предать безбоязненно душу свою богамъ. На противъ чего Карачунъ, имѣвшій тогда видъ гнуснѣйшаго и ужаснѣйшаго страшилища, возрадовался и восплескалъ своей побѣдѣ, и въ пущее посрамленіе Свѣтлосану, принявъ на себя точный свой видъ, и приказавъ скрытися

 всѣмъ

всѣмъ слѣдовавшимъ за нимъ чудовищамъ, погнался одинъ съ саблею за Богославовымъ сыномъ, чтобъ имѣть лютое удовольствіе умертвить его самому во время ево паденія, и мертваго уже низринуть во приготовленную сему Князю пропасть.

Онъ догналъ его вскорѣ, крича ему ругаяся: Постой, любимецъ безсмертныхъ! постой, и воспріими отъ меня достойное награжденіе за свою дерзость. Но разгнѣванные боги лютостію сего злодѣя, обратили самому ему во зло ево надмѣнность. Ибо гдѣ ни взявшись превеликій крылатый змѣй, держащій во ртѣ своемъ предлинный каменный ножъ, подхватилъ летящаго Свѣтлосана къ себѣ на спину, и тѣмъ самого его привелъ въ состояніе напасть на Карачуна. Князь, видя къ себѣ толь явную божескую помощь, выхватилъ ножъ изъ змѣиныя пасти, и, не упуская ни мало времени, напалъ на своего злодѣя, неожидавшаго отнюдъ сего нападенія, и, вонзивъ ему оный ножъ во грудь, повергъ его мертва.

По семъ ево храбромъ дѣяніи вострепетала вся земля, громъ, тьма молній, вихрь и сгущенный мракъ возмутили всю природу, и не оставили ни гдѣ ни малаго свѣта и спокойства. Устрашенный внезапностію сея бури Свѣтлосанъ, не зналъ что о томъ помыслить, и что начать, какъ вдругъ, по недолгомъ продолженіи сего нестроенія, увидѣлъ себя на пространной и испещренной благоуханными цвѣтками долинѣ, и подлѣ себя зятя

своего

своего Вельдюзя. Онъ обомлѣлъ отъ радости при видѣ толь любезнаго человѣка: несказанное восхищенїе обьяло ево душу: онъ бросился къ нему въ объятїя, и отъ радости на силу могъ промолвить слово. Вельдюзь равномѣрнымъ обьятъ былъ чувствїемъ въ разсужденїи его, и не могъ порядочно изъяснить ему своихъ мыслей въ первомъ движенїи своего восторга. На конецъ, облобызавъ другъ друга, и изъявя всѣ ласки дружбы и родства, сѣли они по томъ на траву, чтобъ удовольствовать себя взаимно разсказанїемъ своихъ приключенїй. Сперва Свѣтлосанъ увѣдомилъ о своихъ похожденїяхъ; а по томъ началъ разсказывать Вельдюзь свои приключенїя слѣдующимъ порядкомъ, обьявя вкратцѣ о томъ, о чемъ уже вѣдалъ ево шуринъ.

Приключенїя Вельдюзевы.

Когда лютый Карачунъ, говорилъ онъ, обманувъ бѣднаго Видостана подъ образомъ Китайца, похитилъ его изъ замка, тогда я, и всѣ ево придворные, искавъ его повсюду тщетно, такъ какъ и мнимаго Богды-Ханова сына, не знали что о томъ и заключить, какъ вдругъ увидѣли на полу въ залѣ, въ которую тогда всѣ мы собралися, начертанное золотыми буквами имя Карачуново. При видѣ сего всѣ мы возгласили сїе проклятое имя, и не сомнѣвались уже болѣе, чтобъ не имъ былъ похищенъ великодушный нашъ Видостанъ. Къ горести,

 обь

объявшей тогда наши сердца, присовокупился страхъ и опасность, чтобъ и намъ самимъ не попасть подъ власть сего ужаснаго чародѣя. Чего ради положили мы всѣ совокупно, чтобъ не выходить вонъ изъ за́мка, пока не узнаемъ чего о Видостанѣ; ибо мы увѣрены были, что въ за́мкѣ намъ Карачунъ ни чего не сдѣлаетъ, по причинѣ завороженнаго Видостанова кабинета Но однакожъ безопасность моя въ семъ случаѣ была мнѣ безполезна, какъ ты теперь самъ услышишъ.

Спустя двѣ недѣли по похищенїи Видостановѣ, скучился я сидѣть въ комнатахъ, и вздумалъ прогуляться въ саду, что я и учинилъ тожъ минуты, не объявивъ о томъ ни кому изъ придворныхъ. Это случилось подъ вечеръ. Благорастворенность воздуха, и прельщающїе предметы Видостанова сада, произвели во мнѣ прїятную задумчивость, въ которой будучи ходилъ я очень долго, и наконецъ былъ изъ нее исторгнутъ прїятнымъ пѣнїемъ колибрїи. Я оглянулся туда, откуду слышалъ ея голосъ, и увидѣлъ, что она сидѣла отъ меня не далеко на землѣ. Видъ ея столько мнѣ прелестенъ показался, что я вознамѣрился ее поимать; чего ради и пошелъ за нею, чтобъ исплоша ее схватить. Но чѣмъ ближе я къ ней подходилъ, тѣмъ больше она отъ меня отдалялась, перепрыгивая въ передъ по маленьку. На послѣдокъ дошелъ я съ нею до стѣны сада, раздѣляющїя его съ полемъ: птичка вскочила на стѣну и запѣла, а я

между

между тѣмъ, подкравшись по тихоньку, схватилъ ее за хвостъ. Но лишъ только сїе учинилъ, какъ со превеликою силою былъ ею поднятъ на воздухъ, и вытащенъ вонъ изъ сада; и малая колибрїя превратилась въ тотъ же мигъ во превеликаго строуса. Тогда то, во чрезвычайномъ моемъ удивленїи и ужасѣ, позналъ я, что попался въ руки ко страшному моему врагу.

И въ самомъ дѣлѣ это былъ Карачунъ. Онъ принялъ тотчасъ любимый свой видъ, престрашнаго и прегнуснаго Волота; и схватя меня во преогромныя свои руки, поднялся со мною на воздухъ. Онъ отомчалъ меня въ минуту весьма далеко отъ зáмка, и поровнявшись со мною надъ каменною горою, сказалъ мнѣ свирѣпымъ голосомъ: Слабый и дерзновенный врагъ! не ужели ты думалъ, что Карачунъ оставитъ тебя спокойна по претерпѣнїи отъ тебя обиды? Нѣтъ, такого подлаго чувствованїя я чуждъ, и великой моей душѣ едино мщенїе пристойно и угодно. Избавитель твой уже наказанъ, прибавилъ онъ; а теперь познай и ты во свой рядъ дѣйствїе моего гнѣва. Выговоря сїе бросилъ онъ меня съ воздуха на каменную гору, произнося сїи слова: Когда уже по власти немилосердыхъ боговъ не можно мнѣ моихъ враговъ умерщвлять, такъ по крайней мѣрѣ превратися въ такое гнусное животное, чтобъ жизнь твоя въ ономъ была тебѣ горчае смерти, и пребудь во странномъ видѣ до самыя моея кончины. Адъ голосъ ево услы-

 шалъ,

шалъ, и боги, за несправедливое мое убіеніе неповинныхъ Князей, на зложеланіе ево соизволили. Я упалъ на объявленную мною гору, и, разбившися почти въ дребезги, превратился во скорпію.

Представь себѣ, любезный мой Свѣтлосанъ, продолжалъ говорить Полотскій Князь, какая горесть долженствовала тогда объять мое сердце! Я охотно соглашался въ то время умереть, чтобъ избавиться токмо отъ толь гнуснаго вида; но не имѣя силы того исполнить, принужденъ былъ повиноваться злому моему року. Чувствуя же, что сами небожители на сіе попущаютъ, предпріялъ я повиноваться ихъ волѣ, и по предписанію ихъ помогать несчастнымъ, если возмогу найти къ тому случай. И въ самомъ дѣлѣ не долго я онаго искалъ; ибо, по нѣсколькихъ дняхъ пресмыканія моего по лѣсамъ, набрелъ я нѣкогда на шайку разбойниковъ, кои, ограбя извѣстнаго тебѣ Древлянскаго Князя, привязали его къ дереву, и одинъ наилютѣйшій изъ нихъ хотѣлъ его застрѣлить, то я въ самое то время ужалилъ его смертельно въ ногу; и тѣмъ одного наказалъ за безчеловѣчіе, а другаго избавилъ отъ смерти. Сіе мое дѣяніе не оставили милосердые боги безъ награжденія: я получилъ тогда же видъ ворона, и въ семъ образѣ потщался совершенно освободить отъ смерти Остана, привлекши тебя къ нему. Боги не оставили меня и за сіе безъ воздаянія: я превратился въ зайца, и въ семъ новомъ видѣ имѣлъ

счастіе

счастіе спасти тебя отъ львовъ, растерзавшихъ твоего коня.

Какъ мнѣ жалалось тогда содѣлаться паки человѣкомъ, чтобъ облобызать тебя, и раздѣлить съ тобою всѣ твои труды, дражайшій мой свойственникъ! но судьба моя тому еще противилась, и превратя меня въ соловья, увлекла меня на помощь той дѣвицѣ, которую похитилъ сказанный тобою разбойникъ. Вотъ какъ это происходило. По превращеніи моемъ въ сію птичку, почувствовавъ въ себѣ нѣкое стремленіе летѣть на Индійское море, направилъ я туда мой полетъ, и по нѣкоемъ времени прилетѣлъ на одинъ изъ его острововъ. Сѣвъ на дерево, и начавъ осматривать сію прекрасную страну, услышалъ я визгъ происходившій недалеко отъ того мѣста, гдѣ я находился. Я обративъ туда глаза увидѣлъ, что мужчина, свирѣпаго вида, держалъ во своихъ рукахъ прекраснаго лица дѣвицу, и хотѣлъ силою похитить у нее то, что свойственно снискивать одними только услугами и ласками, или полновѣсными червонцами, смотря по свойству красавицы. Дѣвушка кричала изо всея силы, и рвалась у него изъ рукъ; однакожъ силы ея не соотвѣтствовали ея невинности; и разбойникъ конечно бы ее преодолѣлъ, ежелибъ не послали боги меня къ ней на помощь. Ибо, будучи тронутъ слезами и несчастіемъ сея неповинныя красавицы, пожелалъ я ото всего сердца ей помочь, и вдругъ увидѣлъ себя превращенна, несомнѣнно по волѣ все-

всемогущихъ боговъ, во свирѣпаго тигра. Лишь только принялъ я сей видъ, то и кинулся на разбойника, и не давъ ему времени справиться, растерзалъ его почти до смерти. Дѣвушка между тѣмъ убѣжала на морскій берегъ, находившійся недалеко отъ того мѣста, устрашась меня, и боясь и себѣ подобныя же участи, каковую имѣлъ разбойникъ; но свойство и образъ тигра даны мнѣ были для наказанія токмо злодѣйства, а не для озлобленія невинности. Я побѣжалъ за нею, чтобъ сохранить ее отъ опасностей, могшихъ ей приключиться; а она, увидя меня бѣгущаго за собою, испужалася того пуще, и бросилася въ отчаяніи своемъ въ море; я кинулся также туда за нею, и увидѣлъ себя опять превращенна въ дельфина. Получа сей видъ, подплылъ я тотчасъ къ сей дѣвицѣ, и подхватя ее къ себѣ на спину, понесъ ее по морю, будучи влекомъ невѣдомою мнѣ силою, и чрезъ нѣсколько часовъ привезъ ее къ берегу ея отчизны.

Какъ только она вышла на оный, то и была тотчасъ окружена знакомцами и сродниками своими; ибо городъ ихъ стоялъ подлѣ самаго берега. А я, не имѣя нужды больше тутъ медлить, погрузился въ море, и плавая нѣсколько времени во глубинѣ онаго, нашелъ твой мечъ; я его тотчасъ узналъ, и думая, что ты какимъ ни будь случаемъ находишся на семъ море, или лучше сказать, влекомъ будучи силою вышнихъ, поднялся я на поверхность водъ; и въ самое то время паки имѣлъ

счастіе

счастїе спасти тебя отъ гонивщагося за тобою Карачуна. Едва ты выхватилъ у меня свой мечъ, какъ погрузился я паки во глубину, и почувствовавъ въ себѣ нѣкую перемѣну, увидѣлъ, что я уже не дельфинъ, но морскїй левъ. Не странна мнѣ была сїя перемѣна, ибо къ чуднымъ симъ превращенїямъ имѣлъ уже я привычку. Я возблагодарилъ богамъ, что они способствовали мнѣ избавить стольких людей отъ напастей, и просилъ ихъ и впредь меня употреблять къ таковымъ же помощамъ. Молитва моя была не тщетна, любезный мой шуринъ, говорилъ Вельдюзь Свѣтлосану: я тебѣ опять помогъ, промысливъ тебѣ кустъ кокусовыхъ орѣховъ. Послѣ чего превратяся въ морскаго орла, и будучи побуждаемъ вышнею силою, способствовалъ я тебѣ разрушить очарованїе Левсила; по томъ, по таковому же побужденїю, вынырнувъ предъ симъ островомъ въ видѣ аллигатора, принудилъ тебя слѣдовать къ сему острову, и на послѣдокъ, превратяся во крылатова змїя, и нашедъ на здѣшнемъ островѣ каменный ножъ, полетѣлъ къ тебѣ на помощь, и имѣлъ послѣднее и наивеличайшее всѣхъ удовольствїе, помочь тебѣ противу общаго нашего врага и злодѣя.

Сказавъ сїе паки бросился онъ лобызать Свѣтлосана, который услышавъ, сколько разъ помогалъ онъ ему, и спасалъ его отъ смерти, еще болѣе былъ тѣмъ тронутъ; онъ не возмогъ порядочно ему за то возблагодарить, будучи восхищенъ таковыми ево благодѣянїями

къ

къ себѣ; но только проливалъ радостныя слезы, лобызая его и превозно̀ся, что было для Вельдюзя сладостнѣе всякаго витійства. Оба вкушали они тогда величайшую радость, видя и лобызая другъ друга, какъ были вдругъ приведены въ сугубѣйшій восторгъ, увидя идущаго къ себѣ Видостана. Всѣ трое возгласили они имена одинъ другаго, и бросилися ко взаимному облобызанію. Чистѣйшая радость объяла ихъ души: они всѣ совокупно вѣщали другъ ко другу, изъясняя восхищенія свои и восторги; сіе смѣшеніе гласовъ было для нихъ тогда наипріятнѣйшимъ согласіемъ, и превосходнѣйшимъ всякія музыки, исчадія скуки и роскоши.

Но не успѣли еще они насытиться взаимнымъ симъ лицезрѣніемъ, какъ Вельдюзь и Видостанъ вскричали вдругъ, будтобъ чего испужаясь: Свѣтлосанъ обратилъ туда очи, откуду казался происходить ихъ страхъ, и увидѣлъ идуща къ себѣ Липоксая въ томъ безобразномъ видѣ, въ каковомъ узрѣлъ онъ его въ пещерѣ. Князь обрадовался ему чрезвычайно, и пошелъ къ нему на встрѣчу, между тѣмъ какъ Полочанинъ и Индѣецъ стояли въ удивленіи. Липоксай бросился въ ноги ко Славенскому Князю, благодаря его за освобожденіе свое отъ узъ и мученія. Свѣтлосанъ, чтобъ не оставить Видостана и Вельдюзя долѣе въ безызвѣстіи, разсказалъ имъ вкратцѣ ево исторію, и тѣмъ лишилъ ихъ всякаго страха; ибо они подумали было сперва, что это былъ Карачунъ, оживленный силою своихъ чародѣйствъ. Но Липоскай ихъ увѣрилъ, что

что онѣ погибѣ точно; ибо сѣ пораженіемѣ его отѣ Свѣтлосана соединена была конечная ево пагуба и вѣчное злостраданіе.

По семѣ пріятномѣ увѣреніи, пали они всѣ на землю, принося благодарственную молитву безсмертнымѣ за избавленіе свое, и всего свѣта, отѣ страшнаго Карачуна. Послѣ чего начали они вопрошать другѣ друга, что сѣ кѣмѣ случилося во время ихѣ разлуки; и когда Свѣтлосанѣ и Вельдюзь разсказали свои приключенія, тогда Видостанѣ обѣявилѣ имѣ о своихѣ слѣдующее.

Моя исторія не очень долга, говорилѣ онѣ: когда вѣ послѣдній разѣ обманулѣ меня вѣ саду злокоrazный Еѳіопѣ, и злые ево прислужники, бросивѣ вѣ желѣзную колесницу, помчали меня по воздуху сѣ необычайною скоростію, то вдругѣ очутился я на семѣ страшномѣ островѣ, посреди безчисленнаго множества прегнусныхѣ чудовищѣ. Минуту спустя явился и Карачунѣ: онѣ имѣлѣ испужанный и свирѣпый зракѣ. Злодѣй! сказалѣ онѣ мнѣ, ежели бы сила моя равна была моему мщенію, то сего же бы мгновенія ты, и опасные твои друзья, были отѣ меня преданы наимучительнѣйшей казни; но когда сего удовольствія неправедная Судьба меня лишаетѣ, такѣ по крайней мѣрѣ воспріими видѣ единаго изѣ сихѣ чудовищѣ, и пребудь вѣ ономѣ до моего издыханія. По сихѣ ужасныхѣ словахѣ ударилѣ онѣ меня своею дубиною, и превратилѣ вѣ самаго мерзскаго страшилища. Вы можете

жете себѣ представить, государи мои, говорилъ Индїянинъ слушателямъ своимъ, сладостно ли мнѣ было влачиться въ толь гнусномъ видѣ по сему ужасному острову, воспоминая первое великолѣпное мое состоянїе! Повсеминутно возсылалъ я молитвы къ богамъ, чтобъ они или отняли жизнь мою, или бы возвратили мнѣ прежднїй мой видъ и состоянїе; однакожъ долго принужденъ я былъ сего ждать; и можетъ быть ни когда бы сего не дождался, ежелибъ побѣда твоя, любезный Свѣтлосанъ, лишивъ жизни общаго нашего врага, не возвратила мнѣ прежняго вида и свободы. А какимъ образомъ получилъ я ихъ паки, и какїя имъ обстоятельствы предшествовали, сїе также достойно вашего любопытства, и для того разскажу вамъ о томъ обстоятельно.

За день до пришествїя твоего сюда, продолжалъ онъ говорить обратясь ко Свѣтлосану, предсталъ передъ меня Карачунъ во свирѣпомъ и отчаянномъ видѣ, препровождаемый шестью единоглазыми Исполинами, которые держали въ рукахъ своихъ тяжелыя желѣзныя цепи. Не говоря мнѣ ни слова, приказалъ онъ послѣдователямъ своимъ оковать меня ими, и тащить на высочайшую гору, стоявшую прямо противу его замка. И когда мы на оную прибыли, тогда сей волхвъ приказалъ меня къ оной приковать. Ты участникъ моего злодѣя, сказалъ онъ мнѣ по томъ, который приближается сюда для нападенїя на меня. Судьба опредѣлила одному изъ насъ завтра умереть:

и ежели буду я побѣжденъ, то ты воспріимешъ паки свой видъ, и я погибну невозвратно со всѣмъ моимъ знаніемъ. Но ежели буду я столько счастливъ, что хитрости мои превозмогутъ силу моего врага, то непремѣнно умретъ онъ отъ моея руки, со всѣми своими единомышленниками, въ числѣ коихъ находишся и ты; ибо такъ опредѣлила владычествующая надъ богами Судьба. Въ теперешней моей крайности, присовокупилъ онъ, принужденъ я и тебя опасаться, слабый врагъ! дабы не подалъ ты какія помощи моему супостату; и для того пребудешъ ты въ сихъ оковахъ по тѣхъ поръ, пока твоя или собственная моя смерть не избавитъ тебя отъ оныхъ. Сказавъ сіе онъ исчезъ, и купно съ нимъ страшные ево прислужники, а я остался во превеликой горести и боязни, не столько о своихъ дняхъ, сколько о жизни того Витязя, который шелъ, по словамъ Карачуновымъ, наказать его за ево тиранство.

Весь остатокъ того дня, и наибольшую часть слѣдующаго, провелъ я въ безпрестанномъ страхѣ о будущей моей судьбѣ, и въ принесеніи неусыпныхъ молитвъ безсмертнымъ. На послѣдокъ, на другій день, когда солнце начало склоняться ко своему захожденію, усмотрѣлъ я страшную перемѣну на островѣ: замокъ Карачуновъ отъ глазъ моихъ сокрылся, а на мѣсто онаго увидѣлъ я обширное облако пламени и дыма, стремящееся на высоту, и будтобъ изрыгаемое землею. Послѣ чего весь

островЪ пришелЪ во превеликое движенїе: горы ево исчезали, а долы воздымалися; однимЪ словомЪ, глазамЪ моимЪ представилося преужасное землетрясенїе; хотя вЪ самомЪ дѣлѣ было сїе не иное что какЪ обманЪ КарачуновЪ, дабы тебя устрашить, и не допустить до своего жилища; о чемЪ я послѣ совершенно м узналЪ, когда боги, спомоществуя тебѣ, дражайшїй мой СвѣтлосанЪ, низпустили тьму молнїй на сей островЪ, то вЪ самый тотЪ мигЪ нестроенїе ево исчезло, и онЪ паки воспрїялЪ прежднїй свой видЪ.

ВЪ тотЪ самый часЪ и тебя я увидѣлЪ на островѣ, продолжалЪ онЪ говорить Свѣтлосану, приносящаго молитву безсмертнымЪ, и готовящагося напасть на зáмокЪ. Между тѣмЪ КарачунЪ собиралЪ всѣхЪ своихЪ лютыхЪ прислужниковЪ, которые имѣли прегнусные и престрашные виды. О какЪ тогда, примолвилЪ ИндїянинЪ, трепетало мое сердце, волнуяся между страхомЪ и надеждою! ЧѣмЪ ближе подходилЪ ты кЪ зáмку, тѣмЪ больше увеличивалась моя боязнь, и тѣмЪ сильнѣе вооружался на тебя ЕѳїопЪ. На послѣдокЪ, когда ты поднялся на воздухЪ, дабы вступить вЪ зáмокЪ, тогда КарачунЪ, имѣвшїй видЪ прелютѣйшаго чудовища, бросился на тебя со всѣми своими прислужниками, и окружилЪ тебя со всѣхЪ сторонЪ. Я бросился на землю, проливая слезы, и умоляя боговЪ низпослать тебѣ свою помощь, не спущая однакожЪ сЪ глазЪ тебя и твоихЪ враговЪ. Разсуждая

по

по лютой ихъ ярости, силѣ и множеству, не могъ я ласкаться твоею побѣдою; да и конечно бы ты погибъ, ежелибъ сами боги тебѣ тогда не помогли низпосланїемъ безчисленныхъ молнїй, кои, поражая чудовищей, приводили ихъ въ безсилїе.

На конецъ, ко превеликой моей горести и ужасу, увидѣлъ я, что низшедшая громовая стрѣла, вышибла у тебя изъ рукъ мечъ, который въ паденїи своемъ превратился во длинный ножъ, и вскорѣ послѣ того тебя упадшаго, и полетѣвшаго стремглавъ на низъ. Я обмеръ отъ страха увидя сїе, и подумалъ, что сами боги согласились на твою погибѣль; но вскорѣ усмотрѣлъ мою ошибку, увидя преславную тебѣ ихъ помощь. Ибо коль скоро усмотрѣлъ Карачунъ, что ты низпадаешъ во приготовленную имъ тебѣ пропасть, то возгордясь заранѣе своею побѣдою, воспрїялъ истинный свой видъ, и погнался за тобою съ саблею, чтобъ имѣть удовольствїе самому тебя умертвить; но боги сїю ево гордость вскорѣ посрамили, пославъ тебѣ на помощь крылатаго змїя, сыскавшаго превращенный твой мечъ въ ножъ, которымъ ты вооружась, поразилъ гонившагося за тобою Карачуна, и съ жизнїю ево окончилъ всѣ его злодѣйствы и злоумышленїя.

Коль же скоро ты его пронзилъ, продолжалъ Индїянинъ, то тьма молнїй, низшедшихъ съ небесъ, сожгли ево тѣло на воздухѣ во прахъ; а за́мокъ ево, со всѣми чудовищами, провалился сквозь землю съ великимъ шумомъ,

отъ чего поднявшаяся пыль и дымъ отъ молній затмили весь воздухъ, и скрыли тебя отъ глазъ моихъ. Въ тогдашней моей радости палъ я на землю, принося жарчайшее благодареніе безсмертнымъ, за дарованіе тебѣ побѣды надъ общимъ нашимъ врагомъ. Послѣ чего почувствовавъ въ себѣ легкость, всталъ я отъ земли, и увидѣлъ себя, къ несказанному моему удовольствію, безъ оковъ, и во прежднемъ моемъ человѣческомъ видѣ. Я паки повергся ницъ, возсылая благодарственное моленіе Небесамъ, сотворшимъ со мною сіе чудо.

Между тѣмъ прочиствившійся отъ мрака воздухъ явилъ очамъ моимъ, на мѣсто Карачунова за́мка и ево ужасовъ, прекрасную долину, и тебя сидящаго на оной самдругъ. Я бросился къ вамъ бѣжать, чтобъ облобызать тебя, любезный мой Свѣтлосанъ, и возблагодарить тебѣ, яко виновнику, за мою свободу и разрѣшеніе отъ очарованія. Къ довершенію же моего восхищенія нашелъ я съ тобою и любезнаго моего Вельдюзя, котораго я мнилъ давно уже погибшимъ. Сказавъ сіе бросился онъ паки ихъ лобызать, изъявляя имъ наичувствительнѣйшимъ образомъ искренность своего дружества.

А я, сказалъ тогда Липоксай, возсылаю безсмертнымъ тѣмъ вящшую славу и благодареніе, что они, избавя меня отъ лютаго моего тирана, истребили съ нимъ вкупѣ и вину моего злодѣянія; ибо въ за́мкѣ ево, погибшемъ съ нимъ совокупно, находилися всѣ произведен-

ныя мною волшебныя вещи, которыя коварствомъ своимъ собралъ онъ отовсюду. Теперь уже я уповаю, примолвилъ онъ, что праведные боги вскорѣ содѣлаютъ конецъ моему наказанію, и упокоятъ меня въ жилищѣ усопшихъ съ моими предками.

Послѣ чего разсказалъ онъ Свѣтлосану, какъ его тиранилъ Карачунъ, послѣ неудачнаго своего нападенія на сего Князя, и что мести ево несъ онъ по самый тотъ часъ, когда Свѣтлосанъ лишилъ жизни сего чародѣя. О семъ узналъ я по тому, присовокупилъ онъ, что услышавъ въ моей пещерѣ пресильный громъ и стукъ, увидѣлъ себя вдругъ освобожденна отъ цепей, въ которыхъ я давно уже находился. Я не могъ ни чему иному сего причесть, говорилъ онъ Славенскому Князю, кромѣ побѣды твоея надъ Карачуномъ и ево смерти, которую знаменовали Небеса пресильнымъ толь громомъ. Тогда возрадуяся и возбрагодаря безсмертнымъ, помогшимъ тебѣ низложить сего престрашнаго злодѣя, пошелъ я тебя искать прямо на сей островъ, думая тебя конечно здѣсь найти, въ чемъ я и не ошибся.

Ахъ! вскричалъ тогда Видостанъ, къ совершенному моему благополучію ни чего инаго теперь не достаетъ, кромѣ оживленія моихъ подданныхъ: и я бы блаженнѣйшимъ себя почелъ, ежелибъ и они, подобно мнѣ, получили прежднюю свою свободу и видъ. Не сомнѣвайся и въ этомъ, сказалъ ему безобразный Духъ, они

они конечно оживлены; ибо не думаю я, чтобъ милосердые боги попустили Карачуну очаровать ихъ на вѣкъ. Но ежели ты хочешь увѣдать о семъ подлиннѣе, примолвилъ онъ, то я тебя отнесу во твой за́мокъ, или столицу, сей же часъ, если сїе тебѣ угодно. Ахъ! любезный мой Липоксай, возопилъ къ нему Индѣецъ, ты бы симъ меня несказанно одолжилъ; и какъ мнѣ ни горестно будетъ разстаться съ сими любезными Князьями, но скажу искренне, что чувствую въ себѣ больше желанїя увидѣть моихъ подданныхъ, такъ какъ чадъ моихъ и ближнихъ, дабы имѣть удовольствїе подавать имъ помощь во всѣхъ ихъ нуждахъ, каковыхъ могутъ они ожидать отъ своего Самодержца. Славенскїе Князья, одобривъ добродѣтельное ево желанїе, просили Духа обѣщанїе свое исполнить; и возблагодаря сему Государю за угощенїе, каковое они отъ него имѣли, простилися съ нимъ во слезахъ, обѣщавъ другъ другу вѣчную дружбу и воспоминанїе. Послѣ чего Липоксай, взявъ его во свои объятїя, понесся съ нимъ по воздуху, и скрылся отъ нихъ въ минуту; ибо наступавшая тогда ночь воспрепятствовала имъ далеко слѣдовать за нимъ глазами.

Свѣтлосанъ и Вельдюзь, оставшись на островѣ одни, имѣли свободу изъяснить другъ другу свои чувствїя: первое Вельдюзево слово было о Милославѣ. Я ее нашелъ въ Карачуновомъ за́мкѣ, отвѣтствовалъ ему Князь; но увы! любезный другъ, она безъ чувствъ; лю-

тый волхвъ лишилъ ее, такъ какъ и всѣхъ ея подругъ, всякаго движенія. При семъ извѣстіи Полотскій Князь обомлѣлъ отъ ужаса; онъ переспрашивалъ многократно о семъ, и не могъ утѣшиться, пока Свѣтлосанъ, хотя и самъ о томъ сокрушался, не подалъ ему нѣкоея отрады, обѣщавъ просить Липоксая, чтобъ онъ приложилъ всѣ свои силы для приведенія ее во прежнее чувство. По семъ объявилъ онъ ему и о своей любви, которую почувствовалъ онъ ко прекрасной незнакомкѣ. Сіи два обстоятельства подали имъ случай говорить весьма долго, такъ что въ разговорахъ сихъ засталъ ихъ Липоксай.

Сей Духъ увѣдомилъ ихъ, что Видостанъ дѣйствительно нашелъ въ за́мкѣ и во столицѣ подданныхъ своихъ оживленными, и во прежднемъ ихъ видѣ, и принятъ былъ отъ нихъ со чрезвычайнѣйшею радостію; и что онъ сожалѣлъ о томъ только, что не имѣлъ сихъ двухъ Князей участниками и свидѣтелями своего удовольствія. Сія вѣдомость обрадовала Славенскихъ Князей; они воздали благодареніе богамъ, моля ихъ совершить и свое благополучіе, возвратя имъ сродниковъ ихъ и друзей. Послѣ чего предложили они Липоксаю, чтобъ и ихъ перенесъ въ за́мокъ похищенныхъ Карачуномъ красавицъ; при чемъ изъяснили они ему, что и они опаса́ются во свой рядъ, дабы очарованіе ихъ любезныхъ не пребыло вѣчно. Не опасайтеся сего, сказалъ имъ Скиѳъ, при отнесеніи Видостана путь мой былъ чрезъ

сей за́мокъ, и я дѣйствительно примѣтилъ въ ономъ движенїе людей, и въ комнатахъ огонь, по тому что уже тогда гараздо смерклось.

Сїя прїятная вѣсть въ несказанное восхищенїе привела Князей: они ни минуты не хотѣли медлить на пустомъ островѣ, и просили одушевленнаго Скиѳа отнести ихъ туда по скорѣе. Липоксай съ охотою имъ повиновался, и подхватя ихъ обоихъ на свои руки, понесся съ ними быстрѣе вихря. Немедленно перелетѣли они раздѣлявшее ихъ отъ за́мка разстоянїе, и прибыли на островъ, обитаемый красавицами. Они дѣйствительно увидѣли всѣ покои освѣщенны огнями, и получили отъ того твердѣйшую надежду. Ни мало не медля вошли они въ комнаты, и во третьей изъ оныхъ, къ несказанному своему удовольствїю, увидѣли ходящаго и разговаривающаго Левсила съ Милославою, и со прекрасною незнакомкою, окруженныхъ толпою другихъ дѣвицъ.

Свѣтлосанъ, побуждаемый родствомъ, а Вельдюзь любовїю, бросилися къ Милославѣ, дабы облобызать ее; но нечаянный ихъ приходъ, и страшный видъ Липоксаевъ, привели всѣхъ во смятенїе и страхъ; многїя изъ дѣвицъ лишилися чувствъ отъ ужаса, почтя Липоксая Карачуномъ. Смятенные случаемъ симъ Князья кинулися къ нимъ на помощь, прося сопутника своего Духа удалиться изъ комнаты, пока не приведутъ во прежднее чувство дѣвицъ, и не увѣрятъ ихъ о безопасности. Липоксай удалился, а Свѣтлосанъ и

Вель-

Вельдюзь, спомоществуемые Левсиломъ, познавшимъ вскорѣ Князя, приложили всѣ свои силы ко приведенїю въ чувство Милославы, и прочихъ дѣвицъ, въ чемъ и успѣли на конецъ совершенно.

Не можно изобразить радости, каковую почувствовала Милослава увидя брата своего и жениха: едва она паки не обмерла отъ обьявшаго ее восхищенїя, при видѣ толь любезныхъ ей особъ. Бросясь въ обьятїя своего брата, пролила она источникъ слезъ, лобызая его и трепеща отъ радости: равномѣрное чувствїе показала она и къ Вельдюзю, который самъ отъ восхищенїя чуть не умеръ. На конецъ, когда первые ихъ восторги нѣсколько поутихли, и Свѣтлосанъ увѣрилъ свою сестру, и прочихъ дѣвицъ, что Карачунъ точно погибъ, обьявя при томъ вкратцѣ свою, Вельдюзеву и Скиѳову исторїю, тогда совершенно всѣ обнадѣялись, и позволили призвать въ комнату Липоксая. Видъ ево ни кому уже не причинилъ ужаса; но на противъ того Милослава, и прочїя дѣвицы съ нею, воздавая богамъ безчисленныя благодаренїя, не имѣли радости своей предѣла, освободяся отъ ужаснаго и наилютѣйшаго своего тирана. Послѣ чего окружа Свѣтлосана со всѣхъ сторонъ, и называя его избавителемъ своимъ и благодѣтелемъ, приписывали онѣ ему тьму похвалъ и благодаренїй: а онъ со своея стороны, отвѣчая имъ ласками и учтивостями на ихъ благодарности, обѣщалъ всѣхъ возвратить въ ихъ домы. Сїе обѣщанїе наипаче умножило ихъ радость и

 весе-

веселїе, коихъ восторги продержали ихъ безо сна во всю ту ночь. Между тѣмъ Славенскїе Князья просили Милославу разсказать, что съ нею приключилося во время ея съ ними разлуки, въ чемъ она тотчасъ и удовольствовала ихъ слѣдующими словами.

Приключенїя Милославины.

Когда по волѣ всесильныхъ боговъ низшедшее густое облако, похитивъ меня изъ брачнаго храма, понесло по оризонту съ необычайною скоростїю, то страхъ и быстротекущїй воздухъ, лишивъ меня дыханїя и чувствъ, привели въ такое безпамятство, что я ни чего не чувствовала по самую ту пору, пока принесена будучи на нѣкоторый пустый островъ, не освобождена была отъ моего безпамятства холоднымъ вѣтромъ, который дулъ тогда съ моря. Отворя смутные мои глаза, увидѣла я себя на морскомъ берегѣ, окруженномъ отовсюду густымъ лѣсомъ. Наступавшая тогда ночь представила сїе мѣсто глазамъ моимъ гораздо ужаснѣйшимъ, нежели каково оно было въ самомъ дѣлѣ. Я обмирала отъ ужаса, и не знала что зачать въ такомъ бѣдственномъ обстоятельствѣ. Первое мое прибѣжище было къ Небесамъ; но когда Небо не соотвѣтствовало моему моленїю, то вдалася я во слезы и рыданїе. Весь берегъ наполненъ былъ моимъ воплемъ; но ни какого не нашлося мнѣ на немъ помощника. Въ сей жестокой крайности хотѣла

я броситься въ море: но трясущїяся мои ноги отказалися мнѣ довесть меня до онаго; я хотѣла лишить себя жизни руками: но и слабыя мои руки не имѣли тогда силы подняться. На послѣдокъ, по безплодномъ моемъ покушенїи на жизнь, по горькихъ слезахъ моихъ и стенанїи, такъ я обезсилѣла, что повалясь на землю безъ памяти, пробыла въ семъ жалкомъ состоянїи до другаго дня.

По восхожденїи солнца опамятовалась я опять, и слезы паки полилися изъ глазъ моихъ: на послѣдокъ, поплакавъ довольно, встала я, и пошла не зная сама куда иду: ноги мои завели меня во прїятный лѣсокъ, коего благовонные плоды приманили на себя мои глаза; и на конецъ любопытство и голодъ склонили меня сорвать ихъ нѣсколько, и утолить мой алчъ. По семъ слабомъ утѣшенїи моея горести, проходила я весь тотъ день туда и сюда, льстясь сыскать себѣ нѣкое утѣшенїе. Такимъ образомъ препроводила я день; а при наступленїи ночи, будучи обьята страхомъ отъ лютыхъ звѣрей, коихъ мнила быть на семъ островѣ, старалась я найти себѣ нѣкое убѣжище, и на конецъ по счастїю моему нашла пещеру, въ которой и ночевала, въ безпрестанномъ находясь страхованїи. Подобно сему препровождала я и другїе дни на семъ островѣ.

На послѣдокъ, чрезъ нѣсколько времени была я обрадована прибытїемъ Сильфа, посланнаго Превратою меня сыскать, какъ вы это сами знаете, примолвила она Князьямъ, слушав-

шимъ

шимъ ее. Я сочла сей день наиблаженнѣйшимъ; но вскорѣ учинился онъ для меня наимучительнѣйшимъ въ моей жизни. Вы вѣдаете уже, продолжала она воздохнувъ, какъ отнялъ меня тогда у Сильфа лютый волшебникъ, налетѣвшій на насъ на зіяющихъ аспидахъ; и какъ онъ по томъ низпровергнулъ тебя, любезный мой Князь, говорила она обращая слово къ Вельдюзю. Увы! продолжала она, тогда-то мнила я, что истинно умру, лишася всякія ко свободѣ надежды, и чая тебя мертва. Я обмерла отъ ужаса и горести, и въ семъ состояніи принесена была во здѣшній замокъ. Гнусный мой похититель старался подать мнѣ помощь, и возвратилъ мнѣ вскорѣ прежднее чувство, посредствомъ своихъ чародѣйствъ. Послѣ чего вставъ предо мною на колѣни, открылъ мнѣ свою любовь, жаманяся изо всея силы; и стараяся меня прельстить, ласкалъ мнѣ наиподлѣйшимъ образомъ, и обѣщалъ меня сдѣлать владычицею цѣлыя вселенны. Представьте себѣ, любезные мои Князья, продолжала Милослава, съ какимъ духомъ могла я тогда принять такое объявленіе, видя передъ собою прескареднаго Арапа, и при томъ еще карла. Ежели бы находилась я во прежднемъ благополучномъ моемъ состояніи, то непремѣнно бы расхахаталася на сей скаредный предметъ; но въ тогдашней моей горести смѣхъ мнѣ на умъ не пришелъ, а на мѣсто его отчаяніе и ярость. Злодѣй! вскричала я ему, съ какими глазами осмѣливаешся ты мнѣ это говорить, погубя мучительнѣйшимъ образомъ любез-

любезнаго моего супруга? Нѣтъ, варваръ! не жди отъ меня ни чего кромѣ непримиримыя ненависти и мщенія. По семъ, произнеся ему тьму ругательствъ, побѣжала я во другую комнату, мня отъ него уйти. Но гдѣ бы возмогла я сокрыться отъ ево злобы, примолвила она, ежели бы праведное Небо не положило предѣловъ его варварству? Ибо я провѣдала напослѣдокъ отъ живущихъ здѣсь дѣвицъ, что онъ ни одной изъ нихъ не осмѣливался учинить ни малѣйшаго насилія; изъ чего мы и заключили, что само Небо защищало нашу неповинность отъ сего ужаснаго чародѣя.

Сей мерзскій уродъ, не надѣясь уговорить меня въ первый разъ, отложилъ сіе до другаго времени, и провалился тогда же изъ за́мка. А я оставшися на свободѣ, и ходя по великолѣпнымъ здѣшнимъ комнатамъ, вошла наконецъ въ одну украшенную больше всѣхъ прочихъ. Осматривая удивительныя ея украшенія, увидѣла я вдругъ спящую на софѣ дѣвицу: видъ ея столько мнѣ милъ показался, что я съ самыя тоя минуты почувствовала къ ней великую любовь и дружбу, и вознамѣрилась искать всѣми силами и съ ея стороны къ себѣ того же. Я остановилась, сколько желая на нее наглядѣться, столько и для того, чтобъ не потревожить пріятнаго ея сна. Но я не долго ожидала ея пробуда, она вскорѣ проснулась сама, и усмотря меня изумилась, видя во мнѣ себѣ незнакомую. Я желая ее вывесть изъ ея смущенія, подошла къ ней, и извиняя мой

приходъ,

приходѣ, просила ее простить меня въ неумышленномъ нарушенiи ея сна. Она отвѣтствовала мнѣ на то весьма ласково и учтиво. По оказанiи же другъ другу взаимныхъ вѣжливостей, сѣли мы съ нею, и вскорѣ разговорилися о нашихъ приключенiяхъ. Я ей разсказала мои; а она о себѣ объявила, что она Аѳинянка, именемъ Асiяда, и происходитъ отъ древняго рода Царей, коихъ колѣно отъ самыхъ баснословныхъ временъ ведетъ свое начало. Похищенiе ея Карачуномъ случилося ей во время прогуливанiя въ саду; и что и она испытала отъ сего гнуснаго карла множество любовныхъ нападенiй, но всегда отъ него освобождалась ругательствами; или лучше сказать, помощiю всесильныхъ Небесъ. Она присовокупила къ тому, что когда онъ осмѣливался далѣе простирать любовныя свои нахальствы, то всякiй разъ становился недвижимъ, или объемлемъ ужаснымъ колотьемъ; что всегда принуждало его удаляться отъ нее тогожъ часа.

Такимъ образомъ разгораривая, познакомилася я съ нею, и на конецъ такъ подружилась, что не разлучалась уже съ нею ни на минуту, что и самъ ты, я чаю, примѣтилъ, любезный мой братъ, говорила Княжна Свѣтлосану, когда засталъ насъ здѣсь совокупно лишенныхъ чувствъ; и сiя любезная моя подруга есть самая эта особа, продолжала она говорить указывая на прелестную незнакомку. Восхищенный симъ извѣстiемъ Свѣтлосанъ, что любовница его

было

была пріятельницею ево сестрѣ, получилъ отъ того новую себѣ надежду. Онъ сдѣлалъ ей при семъ случаѣ весьма учтивое привѣтствіе, на которое Асіяда отвѣчала равномѣрнымъ образомъ. По окончаніижъ съ обѣихъ сторонъ взаимныхъ вѣжливостей, Милослава продолжала свою повѣсть слѣдующимъ порядкомъ.

И такъ препровождали мы съ нею вмѣстѣ все время пребыванія нашего здѣсь. Когда приходилъ къ намъ Карачунъ, то заставалъ насъ всегда обѣихъ совокупно: онъ старался насъ разлучить; но только всѣ ево ухищренія были тщетны. И когда пытался онъ склонять насъ къ соотвѣтствію на свою любовь, то мы на противъ того старалися его упрашивать о возвращеніи насъ въ наши домы; но за всегда какъ ево такъ и наши прозьбы оставалися безплодными. Онъ не могъ склонить ни одноя здѣсь дѣвицы ко своей любви; а на противъ того ни одна изъ насъ не могла испросить у него себѣ свободы. Но на послѣдокъ такъ мы ему наскучили, что онъ сталъ къ намъ весьма рѣдко ѣздить, чему мы несказанно были рады.

На конецъ, въ нѣкоторый день сидя со прекрасною Асіядою, и прогоняя нашу скуку разговорами, вдругъ мы услышали въ переднихъ комнатахъ преогромную музыку: мы сему весьма удивились, и пожелали узнать тому причину, которую и узнали мы немедленно, однакожъ не къ удовольствію нашему. Ибо коль скоро музыка сія дошла до нашея комнаты,

то вдругъ, почувствовавъ въ себѣ чрезмѣрную слабость, обѣ мы обмерли, и пробыли въ семъ состоянїи до тоя поры, какъ ужасный громъ возвратилъ намъ всѣмъ прежднюю память. Въ сїе самое время увидѣли мы передъ собою незнакомаго человѣка: мы подумали сперва, что это Карачунъ, прїявшїй на себя другїй видъ: но онъ скоро вывелъ насъ изъ сего мнѣнїя, обьявя вкратцѣ свою исторїю, и что онъ освобожденъ отъ своего очарованїя Славенскимъ Княземъ, который пошелъ искать Карачуна, дабы его истребить. О какъ мы сему обрадовались, любезный мой братъ! говорила Милослава Свѣтлосану; а особливо я, какъ ты самъ можешъ сїе вообразить. Я начала тотчасъ распрашивать Левсила о ево избавителѣ, и наконецъ увѣрилась совершенно, что сей Славенскїй Князь есть самый ты. Вообрази себѣ, дражайшїй мой Свѣтлосанъ, какое долженствовало быть мое восхищенїе! Я побѣжала по всѣмъ комнатамъ, чтобъ созвать всѣхъ моихъ сообитательницъ, и разсказать имъ, что мой любезный братъ пошелъ искать лютаго Карачуна, чтобъ истребить его, и освободить насъ всѣхъ отъ ево тиранства. Сїя вѣдомость привела ихъ всѣхъ въ несказанную радость: мы окружили всѣ Левсила, чтобъ распросить у него о тебѣ подробнѣе, въ чемъ онъ насъ и удовольствовалъ; присовокупя еще къ тому, что надѣется уже и побѣжденна быть Карачуна, приводя въ доказательство тому наше оживленїе, и слышанный имъ сильный громъ и безчи-

безчисленный блескЪ молній, что онЪ приписывалЪ помощи всесильныхЪ боговЪ.

Обрадованы будучи сею вѣстію, воздали мы благодареніе безсмертнымЪ; и надѣяся твоего сюда прибытія, опредѣлили не спать всю нынѣшнюю ночь. И кЪ дополненію совершенныя нашея радости, дождались тебя дѣйствительно, дражайшій нашЪ избавитель. СказавЪ сіе бросилась она паки его обнимать со всею нѣжностію сестры, приписывая ему тьму похвалЪ и благодареній. Князь отвѣтствовалЪ ей со всѣми знаками братнія горячности, увѣряя ее, что она одна была причиною ево путешествій, и всѣхЪ понесенныхЪ имЪ трудовЪ.

ВЪ сихЪ и подобныхЪ симЪ разговорахЪ засталЪ ихЪ восходящій СвѣтовидЪ. Утомленные Князья и дѣвицы, поговоря еще нѣсколько, согласились на конецЪ разойтися для отдохновенія, что и учинили немедленно. Дѣвицы разошлися по своимЪ спальнямЪ, а Князья и ЛевсилЪ лѣгли вЪ залѣ на софахЪ, коими она была украшена; но Липоксай, яко ДухЪ, пребылЪ безо сна, и вознамѣрясь учинить Свѣтлосану новую услугу, вышелЪ вонЪ изЪ комнатЪ во время ихЪ спанья.

СвѣтлосанЪ, Вельдюзь и ЛевсилЪ, проспали почти до самаго вечера, по приближеніи коего были они разбужены Милославою. СдѣлавЪ имЪ обыкновенное привѣтствіе, предложила она имЪ прогуляться вЪ саду, на что они сЪ охотою и согласились. ПрошедЪ великое число комнатЪ, украшенныхЪ наивеликолѣпнѣй-

лѣпнѣйшимъ образомъ, пришли они на послѣдокъ въ одну, уставленную подлѣ стѣнъ покоевыми широкими креслами. Милослава просила своихъ послѣдователей сѣсть на оныя, и стукнуть въ полъ ногою. Лишъ только они сїе учинили, то и поднялися всѣ на верхъ, и очутились вдругъ во прекраснѣйщемъ садѣ, который находился на поверхности покоевъ. Удивленные симъ Славяне спрашивали Княжну, какимъ образомъ сїе учинилось. Самымъ простѣйшимъ, отвѣчала она, какъ вы сами это видѣли; что же касается до устроенїя сихъ махинъ, то это не мое а Карачуново дѣло, который, не хотя выпустить насъ изъ зáмка, устроилъ всѣ сїи великолѣпїя и гульбищи для насъ; и намъ стоитъ только ударить въ полъ, чтобъ быть въ саду; а какъ мы получаемъ тамъ пищу, это вы теперь же увидите. Послѣ чего просила ихъ слѣдовать за собою: они ей повиновались, и прошедъ нѣсколько накрытыхъ древесами дорогъ, пришли на послѣдокъ во пространную бесѣдку, коея стѣны украшены были благовонными и прелестнѣйшими цвѣтками. Послѣдователи Милославины нашли въ ней всѣхъ дѣвицъ, которыя находилися въ зáмкѣ. Сїи красавицы, поздравя ихъ наивѣжливѣйшимъ образомъ, просили ихъ сѣсть за столъ, который находился уже въ готовности, однакожъ не было еще на немъ ни одного кушанья. Какъ скоро сѣли всѣ за оный, то дѣвицы захлопали въ ладоши, и вдругъ превеликое множество явилося на столѣ разнаго наивкуснѣйшаго

шаго кушанья и напитковъ. Вотъ какъ подчивалъ насъ всегда Карачунъ, сказала Милослава своимъ гостямъ: намъ только стоило захлопать въ ладоши и пожелать, что все то представлялося намъ въ ту же минуту. Такимъ образомъ, продолжала она, получаемъ мы и другія всякія потребности.

Сказавъ сіе, просила она своего брата, Вельдюзя и Левсила отвѣдать, чѣмъ ихъ подчивалъ Карачунъ. При воспоминовеніи имени сего волхва, зашла у нихъ рѣчь о всѣхъ ево злодѣйскихъ дѣлахъ: всѣ изъ сопиршествующихъ старалися на прерывъ его ругать и клясть; при чемъ каждая изъ красавицъ разсказала, какъ была похищена симъ лютымъ чародѣемъ. На послѣдокъ, въ числѣ похищенныхъ сыскалась и Чердана: она не могла безъ слезъ вспомнить о своей разлукѣ съ любезнымъ своимъ Селиномъ; но Свѣтлосанъ вскорѣ ее утѣшилъ, обѣщавъ отослать ее немедленно въ ея отечество. Сіе обѣщаніе подало ему мысль вспомнить о Липоксаѣ: онъ началъ о немъ спрашивать у всѣхъ, но ни кто не могъ его въ томъ удовольствовать. Славенскій Князь весьма симъ опечалился; но въ самое то время увидѣлъ его вошедшаго въ бесѣдку съ Бориполкомъ: Свѣтлосанъ закричалъ отъ радости и удивленія, и бросился къ нимъ на встрѣчу. Онъ обнялъ дружески своего любимца, и просилъ его сказать, какое неожидаемое счастіе возвратило его къ нему. Бориполкъ, по оказаніи ему со своея стороны равномѣрныя

радости, увидѣвъ паки благодѣтеля своего и Государя, началъ такъ говорить.

Приключенія Остана и Борiполка.

Возвращеніемъ моимъ къ тебѣ, Государь, одолженъ я сему благопріятствующему тебѣ Духу; чтожъ надлѣжитъ до прочихъ моихъ приключеній, то и въ семъ тебя сея же минуты удовольствую. Послѣ чего будучи приглашенъ ко столу, и сѣвъ за оный, продолжалъ повѣствованіе свое такимъ образомъ. Когда мы яростію свирѣпыя бури лишилися нашего корабля, и погрузилися въ море, то по счастію нашему я и Останъ ухватилися за большій отломокъ отъ сокрушеннаго нашего корабля, и тѣмъ спасли животъ нашъ. Какъ насъ ни били ярящіяся воды, однакожъ мы на немъ усидѣли, и добралися до нѣкотораго острова, у коего стоялъ на якорѣ корабль, принадлѣжавшій Персидскому купцу, который присталъ къ сему берегу по причинѣ бури. Жалкое наше состояніе склонило корабельщика принять насъ на свое судно, на коемъ и отправилися мы немедленно, какъ скоро утихла погода. Плаваніе наше было поспѣшно и благополучно: мы прибыли на конецъ въ Персію, въ которой немного помѣшкавъ, отправилися пѣкшомъ, по причинѣ нашея бѣдности, въ Болгарію, гдѣ мы надѣялися сыскать кого ни будь изъ нашихъ одноземцевъ, и помощію онаго съѣхать во Славенскъ. Но сихъ

трудовъ

трудовъ вскорѣ мы избавилися нечаяннымъ и весьма благополучнымъ для насъ приключенїемъ.

На пути нашемъ изъ Персїи, приставъ въ одной корчмѣ, нашли мы путешественниковъ одетыхъ и говорящихъ по Славенски: сей случай побудилъ насъ освѣдомиться объ нихъ хорошенько. Мы завели съ ними разговоръ, обьявляя о себѣ, что и мы также Славяне. Одинъ изъ нихъ, который казался старѣе и почтеннѣе прочихъ, весьма ласково съ нами обошелся: онъ началъ разговаривать съ нами весьма учтиво, пригласилъ насъ ко своему столу, и старался узнать о нашемъ состоянїи. Мы отвѣтствовали ему съ начала коротко и глухо; но послѣ, будучи преклонены искренностїю его ласкъ и увѣщанїй, сказали ему всю правду, кто мы таковы. Коль скоро выслушалъ онъ Останову исторїю, то вставъ тояжъ минуты, палъ предъ нимъ въ ноги, и поздравя его Княземъ Древлянскїя Земли, объявилъ, что тиранъ, завладѣвшїй его престоломъ, за ужасныя свои свирѣпости къ народу, сверженъ съ онаго, и умершвленъ позорною смертїю; послѣ чего Древлянскїй народъ, узнавъ объ Останѣ, что онъ еще живъ, учинилъ всеобщїй приговоръ, чтобъ разослать по всѣмъ Землямъ нарочныхъ для его сысканїя, изъ котораго числа посланныхъ находился и онъ со прочими своими послѣдователями.

Обрадованный Остамъ толь неожидаемымъ себѣ счастїемъ, воздалъ благодаренїе и хвалу Небесамъ, и того же дня поѣхалъ во

 свою

свою Державу, прося меня ему сотовариществовать, и обѣщая послѣ отправить меня во Славенскъ, на что я и согласился. Путь нашъ до самаго Искореста не былъ ни чѣмъ задержанъ, и мы весьма скоро прїѣхали въ сїю столицу Древлянъ. Ни чего не льзя представить лестнѣе для Государя, какъ любви ево подданныхъ: сїе испыталъ тогда Останъ самымъ дѣломъ. Какъ только извѣстились въ Искорестѣ, что онъ прибылъ, то всѣ градскїе жители выбѣжали къ нему на срѣтенїе, и одни только немощные осталися въ домахъ. Гласъ народнаго вопля и плесканїй восколебалъ весь воздухъ, такъ что и птицы не могли надъ онымъ летѣть не упадая. Юнаго Князя препроводилъ народъ во Княжескїй домъ, и на третїй день, во продолженїе безпрерывныхъ пированїй, увѣнчали его во храмѣ Перуна вѣнцемъ его Предковъ. Такимъ-то образомъ учинился Останъ изъ несчастливаго Князя благополучнѣйшимъ Государемъ.

По окончанїи торжествъ, обыкновенныхъ при таковыхъ случаяхъ, принесъ Останъ тучную жертву богамъ; народу облегчилъ подати, почтенныхъ и заслуженныхъ Древлянъ наградилъ чинами и имѣнїемъ; однимъ словомъ, не оставилъ онъ ни кого недовольнымъ, и показалъ въ себѣ достойнаго Вѣнценосца. По исполненїи такимъ образомъ первыхъ своихъ должностей, хотѣлъ онъ и мнѣ исполнить свое обѣщанїе, чтобъ отправить меня во Славенскъ, какъ въ самый тотъ день, когда я находился на

единѣ

единѣ съ симъ Княземъ, предсталъ предъ насъ сей благопріязненный Духъ. Мы было сперва его испужались, но онъ тотчасъ вывелъ насъ изъ страха и сомнѣнія, разсказавъ вкратцѣ свою и твою, Государь, исторію. Мы воздали хвалу и благодареніе Небесамъ, за избавленіе твое отъ потопленія, и за побѣжденіе тобою Карачуна; и несказанно оба сему порадовались. Послѣ чего предложилъ мнѣ Липоксай, не хочу ли я тебя, Государь, увидѣть. Я восхитился симъ чрезвычайно, и усердно сталъ его о семъ просить; напротиву чего Останъ изъявилъ мнѣ при семъ случаѣ свое прискорбіе, что не могъ тебя увидѣть во твоемъ счастіи, и съ тобою раздѣлить своего. Во крайности сей удоволился онъ написаніемъ къ тебѣ писма, которое просилъ меня тебѣ вручить. Послѣ чего простился онъ со мною во слезахъ; а мы ни мало не медля и отправилися въ нашъ путь, который въ нѣсколько часовъ и кончили. Сказавъ сіе Борииолкъ, вынулъ Останово писмо, и вручилъ его Свѣтлосану.

Сей добродѣтельный Князь, прочтя оное, воздѣлъ очи и руки на небо, воздая хвалу безсмертнымъ за увѣнчаніе добродушнаго своего друга. Послѣ чего, для стеченія толь многихъ радостныхъ обстоятельствъ, предался онъ веселію, въ чемъ послѣдовали ему и всѣ прочіе. Пированіе ихъ продолжалося далѣе полуночи, въ торжественныхъ пѣніяхъ, и дружескихъ разговорахъ, въ коихъ припоминая прошедшія свои несчастія, вкушали отъ того живѣйшее

вѣйшее веселїе, что избавилися отъ нихъ толь благополучно. На конецъ, будучи утомлены симъ продолжительнымъ веселїемъ, разошлися всѣ для успокоенїя.

На другїй день Свѣтлосанъ увѣдомясь, что въ замкѣ находится великое число драгоцѣнныхъ вещей, предложилъ похищеннымъ красавицамъ, что бы всякая брала изъ оныхъ себѣ то, что ей угоднѣе покажется; и что по томъ всякая изъ нихъ, съ сими подарками, можетъ возвратиться во свой домъ. Послѣ сего предложенїя всѣ дѣвушки, кромѣ Милославы, Асїяды и Черданы, принялися разбирать Карачуновы сокровищи, благодаря Князя за сїе позволенїе. Онѣ нагрузили себя оными весьма довольно, ибо всѣ онѣ были весьма изъ посредственныхъ богатствомъ домовъ, и рады были, что нашли случай обогатиться на всю свою жизнь. Свѣтлосанъ ни мало ихъ отъ сего не отвращалъ, но еще побуждалъ ихъ къ тому; и когда уже онѣ удовольствовалися ими со избыткомъ, то просилъ онъ Липоксая сдѣлать послѣднюю ему услугу, отнеся всѣхъ сихъ дѣвицъ въ ихъ отчизны. Скиѳъ съ охотою на сїе согласился, и по прошенїю Черданы, взявъ ее первую, и писмо отъ Свѣтлосана къ Моголу, полетѣлъ съ нею въ Индїю, откуду на другїй день и возвратился, и принесъ съ собою отъ Абубекира писмо ко Славенскому Князю, въ которомъ сей Императоръ чрезвычайно много благодарилъ его за возвращенїе ему Селина и Черданы Ибо увѣдомлялъ онъ его въ ономъ,

что

что сынѣ ево за нѣсколько дней предѣ тѣмѣ вдругѣ ожилѣ, произнеся имя Свѣтлосаново, по чему онѣ и заключилѣ, что конечно посредствомѣ его боги возвратили жизнь Селину, показнивѣ рукою Славенскаго Князя злобнаго Карачуна, что ему по томѣ подтвердилѣ и Липоксай, принеся кѣ нему Чердану. Скифѣ со своея стороны обѣявилѣ, что Императорѣ предпріялѣ принесть за сїе богамѣ тучную жертву, и торжествовать паки бракѣ сына своего сѣ Черданою, и праздновать ихѣ возвращенїе цѣлый мѣсяцѣ. Славенскїй Князь, и всѣ прочїе, весьма сему порадовались, помышляя при семѣ случаѣ и о своемѣ возвращенїи вѣ отечество. Но чтобы сдержать слово первѣе всего дѣвицамѣ, то Князь просилѣ паки Липоксая разнести ихѣ немедленно, куда которой потребно, что онѣ и учинилѣ, и разнесѣ ихѣ всѣхѣ вѣ нѣсколько дней вѣ ихѣ отчизны и домы, вѣ которомѣ числѣ былѣ и Левсилѣ.

Между тѣмѣ Славенскїй Князь, горя любовїю ко прекрасной Асїядѣ, но не смѣя ей о томѣ открыть изѣ почтенїя кѣ оной, обѣявилѣ о страсти своей Милославѣ, прося ее предложить прелестной ея подругѣ о любви ево кѣ ней; и что онѣ, пылая кѣ оной чистѣйшимѣ огнемѣ, не безславїя ея ищетѣ, но хочетѣ совокупить судьбу свою сѣ ея священнымѣ союзомѣ. Княжна, любя своего брата, немедленно согласилась на ево прозьбу, и того же дня обѣявила о томѣ Асїядѣ. Прекрасная Аѳинянка при семѣ обѣявленїи покрылася пре-

 лестнымѣ

лестнымъ румянцемъ, и мало помолчавъ, сказала слѣдующее Милославѣ, начавъ рѣчь свою глубокимъ вздохомъ. Я предъ тобою не должна скрываться, любезная моя пріятельница; а наипаче когда ты сама искрення со мною. Твой достойный братъ равномѣрно и мое плѣнилъ сердце, и я бы наисчастливѣйшею себя почла, когда бы возмогла назваться ево супругою; но жестокая моя судьба великую препону между нами учинила. Я имѣю отца и мать, отягченныхъ великою древностію, почитающихъ во мнѣ все свое благополучіе, и которыхъ оставить почитаю я наивеличайшимъ беззаконіемъ. Ты ихъ не оставишъ, сказалъ вошедъ къ нимъ Свѣтлосанъ, и вставъ предъ нею на колѣни, ты ихъ не оставишъ, прекрасная Асіяда! они послѣдуютъ намъ во Славенскъ, и будутъ тамъ первые по моемъ родителѣ. Къ симъ словамъ присовокупилъ онъ столько прозьбъ и убѣжденій, что Асіяда не могла болѣе сопротивляться, и обѣщала ему любовь свою и руку. Послѣ чего и предложилъ ей Князь, чтобъ не самой ей къ нимъ отбыть, помощію Липоксая, но послать его къ нимъ одного, и обьявя имъ всѣ обстоятельствы, согласить ихъ на прибытіе къ нимъ въ замокъ, или поѣхать во Славенскъ, и ожидать ихъ тамъ; на что Аѳинянка охотно и согласилась.

И такъ, коль скоро Липоксай окончилъ всѣ свои путешествія, то Свѣтлосанъ, разсказавъ ему все дѣло, просилъ его отправиться въ Аѳины для сысканія родителей Асіядиныхъ,

ныхъ, что бы склонить ихъ на желанїе лю-
бящихся. Скиѳъ съ охотою обѣщался сїе ис-
полнить, и полетѣлъ тояжъ минуты. Онъ
не долго находился во своемъ пути, и вскорѣ
возвратясь, принесъ весьма печальную вѣсть
для Асїяды. Онъ обьявилъ ей, что ея роди-
тели, пораженные нечаянным ее лишенїемъ,
вскорѣ по похищенїи ея скончались, и что все ос-
тавшееся послѣ нихъ имѣнїе разграблено алчны-
ми ихъ сродниками и знакомцами. Сїе ужасное
извѣстїе несказанно опечалило Асїяду: она вда-
лася во слезы и воздыханїя, и пребыла въ
оном непреклонна, сколько ее отъ того ни
отвращали; и по нѣсколькихъ уже дняхъ умѣ-
рила она нѣсколько свою печаль, къ чему на-
ипаче способствовали прозьбы и ласки ея лю-
бовника и подруги.

Между тѣмъ въ нѣкоторый день, когда
Свѣтлосанъ находился одинъ, явился ему свѣ-
тозарный Духъ, тотъ самый, который нѣког-
да избавилъ его отъ Карачуна. Князь увидя
его палъ предъ нимъ на колѣни, а Духъ про-
изнесъ къ нему слѣдующїя слова: На конецъ
бѣдствїя рода твоего окончались, по твоему
желанїю, и по волѣ небожителей: уже общїй
вашъ врагъ побѣжденъ тобою. Однако вѣдай,
что сїе учинено не твоею рукою: непреобо-
римыя силы безсмертныхъ помогали тебѣ во
всѣхъ твоихъ трудностяхъ, и сотворили те-
бя побѣдителемъ. О смертный! воспоминая
всѣ твои и сродниковъ твоихъ прешедшїя бѣд-
ствїя, не забуди ни когда, коль жестоко на-
казуется

казуется безчеловѣчїе, и колико человѣколюбїе награждается славою и благоденствїемъ. Отъ нынѣ ни какое бѣдствїе не оскорбитъ твоего рода; если оный самъ не огорчитъ безсмертныхъ какимъ беззаконїемъ. Тебѣжъ послѣднее осталося теперь учинить благодѣянїе человѣчеству: разрѣши Липоксая отъ заклятїя, каковымъ наказанъ онъ отъ всемогущїя Судьбы. Произведенныя имъ волшебныя вещи погибли всѣ совокупно съ Карачуномъ, и не осталося уже во свѣтѣ ни единаго волшебника, могущаго приключать нѣкое бѣдствїе человѣкамъ. И такъ возврати успокоенїе Липоксаю, что ты можешъ учинить брося въ него оставшуюся у тебя сандалїю. А о возвращенїи своемъ во Славенскъ не безпокойся; ты будетъ завтра же въ ономъ съ сестрою твоею, и со всѣми прочими.

Сказавъ сїе Духъ исчезъ, а на мѣсто его предсталъ Липоксай: онъ повергся въ ноги Свѣтлосану, прося его исполнить то, что повелѣно ему отъ вѣстника безсмертныхъ, о чемъ и онъ отъ онаго былъ также извѣщенъ. Князь ни мало не медля сыскалъ сандалїю, которая у него была спрятана, и возвратясь къ Липоксаю повергъ ее въ него. Лишъ только она ему коснулась, то въ самое то время одушевленный Скиѳъ вострепеталъ, и въ тотъ же мигъ разсыпался весь прахомъ и съ сандалїею. Тогда Свѣтлосанъ, падъ ницъ на землю, принесъ хвалу богамъ за скорое разрѣшенїе отъ мученїй сего несчастнаго, и за безчисленныя

благо-

благодѣянія, каковыя самъ онъ отъ нихъ получилъ посредствомъ сего Скиѳа. Послѣ чего побѣжалъ онъ къ сестрѣ своей, которую нашедъ вмѣстѣ съ Асіядою, Вельдюземъ и Борисполкомъ, разсказалъ имъ подробно о явленіи ему вѣстника боговъ, и о разрѣшеніи Липоксаевомъ. Услышавъ сіе воздали они всѣ благодареніе Небесамъ, радуяся о скоромъ своемъ возвращеніи въ отечество, о чемъ обнадежилъ ихъ свѣтозарный Духъ чрезъ Свѣтлосана.

Весь остатокъ того дня провели они въ несказанной радости, восхищаяся будущимъ своимъ счастіемъ; но на конецъ сонъ прекратилъ ихъ восторги. И когда наслаждалися они пріятностями онаго, тогда Славенскій Князь пораженъ былъ слѣдующимъ сновидѣніемъ. Ему представилося, что онъ летитъ на густомъ облакѣ по оризонту, и видитъ передъ собою блистающаго ото всѣхъ сторонъ мужа, покровеннаго бѣлыми одеждами, и который слѣдующее изрѣкъ къ нему слово. Возлюбленный богами смертный! Познай всю ихъ къ тебѣ щедроту: познай Бѣлбога, покровителя добродѣтельныхъ людей, и страждущихъ напрасно. Не одинъ Чернобогъ помогалъ тебѣ во трудныхъ твоихъ предпріятіяхъ, я паче и его старался повсюду тебя защитить; и лучезарный Духъ, мой вѣстоносецъ, по моему желанію тебѣ являлся. Хотя я и вѣчную имѣю съ Чернобогомъ во всемъ распрю, но тебѣ помогалъ я съ нимъ совокупно. *Я* утѣшилъ твоего отца въ печали, объявя ему о всѣхъ

твоихъ обстоятельствахъ, и увѣря его о несомнѣнномъ твоемъ возвращенiи. Я тебя направлялъ во всѣхъ твоихъ предпрiятiяхъ, благополучно тобою оконченныхъ: и на послѣдокъ, при сраженiи твоемъ съ Карачуномъ и его чудовищами, я превратилъ волшебный твой мечъ въ жертвенный ножъ, коего пораженiе содѣлалъ несравненно сильнѣе всякаго волшебнаго оружiя. Твоя добродѣтель меня къ тебѣ преклонила; и отъ нынѣ буду я на всегда твой защитникъ, и рода твоего покровитель. Познавай истинну моихъ словъ по теперешнему моему дѣянiю: ты преносишся теперь по моему велѣнiю, со всѣми твоими ближними, во столицу твоего отечества, и завтра узришъ твоего родителя и народъ твой. Но помни за всегда, что одна истинная добродѣтель снискиваетъ смертнымъ Божеское благоволенiе; а злое сердце погубляетъ ихъ и въ животѣ и по смерти. Ты видѣлъ сему примѣръ во твоемъ родѣ; а паче надъ лютымъ волхвомъ, страждущимъ теперь въ геэннѣ. Дѣла нечестивыхъ суетны, присовокупилъ онъ: смотри на оставленный тобою за́мокъ, построенный Карачуномъ для утѣхъ своихъ: въ жизни ево былъ онъ ему уничиженiемъ и мукою, а по смерти, да вся ево слава погибнетъ съ шумомъ, низпровергается онъ по волѣ Судьбы въ единую съ нимъ бездну; и ваше токмо пребыванiе въ ономъ удерживало его на земли.

Проговоря сiе сталъ онъ невидимъ, а Свѣтлосанъ проснулся, и увидѣлъ дѣйствительно, что

что онъ несется по воздуху съ Милославою, Асїядою, Вельдюземъ и Бориполкомъ, и что оставленный ими за́мокъ со превеликимъ трескомъ и шумомъ проваливается сквозь землю. Славенскїй Князь, востревоженный симъ чудомъ, хотѣлъ принести благодаренїе безсмертнымъ; но вдругъ глаза ево отягчилися сномъ, который паки привелъ ево чувствы во прїятное забвенїе.

Въ семъ состоянїи принесенъ онъ былъ со всѣми прочими во Славенскъ, во дворецъ Княжескїй; и когда первые лучи солнца озарили землю, тогда проснувшися сей Князь, и воспомня о своемъ сновидѣнїи, началъ осматриваться по всѣмъ сторонамъ, чтобъ увѣриться въ истинѣ онаго. И дѣйствительно позналъ онъ тотчасъ, что видѣнїе ево было не мечтательно: онъ увидѣлъ изъ оконъ городъ Славенскъ, и позналъ чертоги своего родителя. Восхищенный радостїю палъ онъ на колѣни, принося благодарственныя моленїя безсмертнымъ. Послѣ чего разбудя сестру свою, невѣсту, зятя и Оруженосца, которые перенесены съ нимъ были въ одну комнату, объявилъ имъ о своемъ сновидѣнїи, и о дѣйствительности онаго. Сїе извѣстїе равномѣрное произвело и въ нихъ дѣйствїе: во чрезвычайной своей радости воздали они безчисленныя благодаренїя Небесамъ; и предпрїяли немедленно итти къ Богославу, чтобъ и его обрадовать своимъ прибытїемъ.

Но лишъ только отворили они двери своея комнаты, какъ увидѣли идущаго къ себѣ сего почтен-

почтеннаго Князя. Онъ былъ предувѣдомленъ, подобно имъ, Бѣлбогомъ тоя ночи объ ихъ прибытїи, и желая въ томъ удостовѣриться, пошелъ ихъ искать во своемъ дворцѣ. Не можно изобразить радости и восхищенїя, каковыми они объяты стали при видѣ другъ друга. Добродѣтельный Богославъ, обливаяся радостными слезами, воспрїимал каждаго изъ нихъ во свои объятїя, лобызая въ уста и въ очи; а наипаче сына своего и дочь, коихъ не могъ почти выпустить изъ своихъ рукъ. Онъ принесъ богамъ восхитительнѣйшїя благодаренїя; и распрося каждаго подробно о ево приключенїяхъ, разсказалъ имъ и о своей печалѣ, каковою онъ терзался по разлукѣ съ ними; и что лишился бы онъ отъ нее жизни, когда бы благодѣтельный Бѣлбогъ, явясь ему во снѣ, не увѣрилъ его объ ихъ здравїи, и о скоромъ возвращенїи. Свѣтлосанъ, пользуяся симъ благопрїятнымъ случаемъ, объявилъ своему отцу о любви своей къ Асїядѣ, и просилъ его покорно дозволить ему съ нею сочетаться священнымъ союзомъ, на что Богославъ охотно и согласился, похваляя при томъ изрядный его выборъ.

Между тѣмъ какъ сей добродушный отецъ наслаждался веселїемъ, увидѣвъ паки своихъ чадъ, вѣсть объ ихъ прибытїи разнеслася тотчасъ по всему городу. Всѣ онаго Вельможи прїѣхали тотчасъ во дворецъ: народъ сбѣжался также отовсюду на Княжескїй дворъ, желая увидѣть дѣтей своего Государя, толь долго пропадавшихъ безвѣстно. Вельможи имѣли удовольствїе первѣе всѣхъ ихъ увидѣть,

и принесть имЪ свое поздравленіе. ПослѢ чего БогославЪ, желая удовлетворить и народному желанію, и принести богамЪ достодолжное благодареніе, приказалЪ учредить вЪ тотЪ день великолѢпнѢйшую жертву вЪ ПеруновомЪ храмѢ, куда со всѢми своими дѢтьми вознамѢрился итти пѢшкомЪ, дабы народЪ могЪ насладиться ихЪ зрѢніемЪ. И какЪ скоро донесли ему, что все кЪ жертвоприношенію было готово, то и пошелЪ онЪ во храмЪ, сопровождаемЪ будучи своими дѢтьми и всѢмЪ ДворомЪ. ЛишЪ только усмотрѢлЪ ихЪ народЪ, то тьмы темЪ радостныхЪ гласовЪ и плесканій наполнили весь воздухЪ смѢшеннымЪ шумомЪ, такЪ что и слышать ни чего не можно было. ВсякЪ изЪ народа старался подойти ближе ко КнязьямЪ, чтобЪ лучше увидѢть сихЪ высокоименитыхЪ особЪ, отЪ чего такая сдѢлалася тѢснота, что на силу могли дойти до храма.

Сколько сей храмЪ пространенЪ ни былЪ, но не могЪ вмѢстить всего народа; ибо одни почти токмо младенцы и немощные осталися вЪ домахЪ, а прочіе всѢ сбѢжалися на смотрѢніе КняжескихЪ дѢтей. На конецЪ, по прочтеніи ПервосвященникомЪ благодарственныхЪ молитвЪ, сопровождаемыхЪ гласовЪ трубЪ и бубновЪ, приведена была жертва, состоявшая изо ста бѢлыхЪ воловЪ, увѢнчанныхЪ цвѢтками, и изЪ тысячи овецЪ и агнцевЪ. ПервосвященникЪ окропя ихЪ чистительною водою, и ударивЪ священнымЪ топоромЪ перваго представленнаго ему вола, приказалЪ онаго, и прочихЪ сЪ нимЪ,

 пріуго-

пріуготовить къ жертвоприношенію. По вскрытіи внутренностей осмотрѣлъ онъ ихъ прилѣжно, и увидѣвъ въ оныхъ самыя благополучнѣйшіе знаки божескаго благоволенія, поздравилъ съ тѣмъ Богослава и ево чадъ. По совершеніи же всея жертвы, истуканъ Перуновъ озарился неудобозримымъ сіяніемъ, и гласъ грома поколебалъ весь храмъ, послѣ чего произошелъ отъ кумира слѣдующій гласъ.

Въ проступкѣ я твоемъ казнилъ тебя коль строго,
Толико награжу тебя я нынѣ много:
Твой Родъ княжити здѣсь пребудетъ на всегда,
И не разрушится престолъ твой ни когда;
Залогомъ въ томъ тебѣ прехрабрые Потомки,
Которыхъ подвиги повсюду будутъ громки;
Промчится слава ихъ во всѣ земны концы,
И власть прострется ихъ на многіе вѣнцы.

Сей божественный гласъ наполнилъ всѣхъ несказанною радостію: тронутый Богославъ сею щедротою Небесъ, обѣщался по всягодно приносить богамъ равномѣрную сей жертву, что по томъ и исполнялъ точно. Послѣ чего, будучи поздравленъ отъ всѣхъ жрецовъ и Вельможъ, отбылъ во дворецъ во провожаніи всего Двора и народа. По прибытіи въ оный, повелѣлъ онъ учредить великолѣпный пиръ для Вельможъ и всего Двора; а для народа приказалъ поставить на многихъ улицахъ столы, изобилующіе всякимъ кушаньемъ и питьемъ. Подобное сему пиршество продолжалося

лося цѣлый мѣсяцъ, во время коего торжествованъ былъ бракъ Свѣтлосана въ Асїядою, и Милославы съ Вельдюземъ; ибо преждеее сихъ послѣднихъ сочетанїе было не докончано, и прервано гнѣвомъ Небесъ.

Добродѣтельный Богославъ, обрадованный толь многими благопрїятными случаями, по претерпѣнїи долговременныя печали, восхотѣлъ чтобъ и подданные ево восчувствовали подобно ему ево радость; чего ради указалъ выпустить изъ темницъ всѣхъ невольниковъ, и народу своему оставилъ подати за цѣлый годъ. Желаяжъ совершенно загладить свое согрѣшенїе предъ богами, не оставлялъ онъ ни единаго способнаго случая для оказанїя подданнымъ своимъ всякаго блага. Въ семъ спасительномъ попеченїи провелъ онъ въ радости всю оставшуюся свою жизнь: дожилъ благополучно до чадъ дѣтей своихъ; и на конецъ скончался въ мирѣ, завѣщавъ начертать на своей гробницѣ слѣдующую надпись.

О смертный! сображаяся со обстоятельствами моея и твоея жизни, сображаяся со священными, естественными и гражданскими Законами, не забуди ни когда любити ближняго яко самъ себя.

По кончинѣ сего почтеннаго Князя, вступилъ по немъ на престолъ Свѣтлосанъ, и послѣдуя всѣмъ ево добродѣтелямъ, прилагалъ все свое попеченїе о содѣланїи своего народа блаженнѣйшимъ во вселенной. Старанїе ево было не тщетно: подданные ево учинилися счастли-

вѣй-

вѣйшими изъ смертныхъ; и ни одинъ народъ не дерзалъ помыслить, что бы возстать на нихъ войною, говоря слѣдующее: *Кто можетъ возстати на боговъ, и на великїй Славенскъ!* Тако правя мирно добродѣтельный Свѣтлосанъ, учинился страшнымъ всѣмъ своимъ сосѣдамъ, и прїумножилъ свою Державу, между прочимъ, и Полотскимъ Княжествомъ, по смерти зятя своего и сестры; ибо наслѣдниковъ по нихъ ни кого не осталось. На послѣдокъ, доживъ до глубокїя старости, раздѣлилъ онъ обширное свое Владѣнїе своимъ дѣтямъ, и скончался благополучно, почти въ одно время со своею супругою, будучи оплаканъ горестно не токмо чадами своими, но и самыми послѣднѣйшими изъ своихъ подданныхъ.

Конецъ.

оик N 35352